

A person with long blonde hair, wearing a dark, heavy coat, stands on a beach at sunset. The person is seen from behind, looking out at the ocean. The sky is a vibrant mix of orange, red, and yellow, with a large, bright sun low on the horizon. The water reflects the colors of the sky. The overall mood is romantic and contemplative.

Натали Р.

ГЕНЕРАЛЬША

(love story)

18+

Натали Р. Генеральша. Love story

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65639547

SelfPub; 2021

Аннотация

Все изменилось в одночасье. Еще вчера ты была счастливой супругой генерала Затонского, а сегодня война с далекого края Метагалактики нагрянула к тебе на порог, и ты уже вдова с малым ребенком и в одних тапочках, преследуемая оккупационными властями, и никто не протянет руку помощи...

Никто? Вот она, чужая рука, и условия игры оглашены, только вязываться ли в эту игру? Ты снова генеральша, но похоже, ты слишком увлеклась игрой, а так недолго и проиграть.

Содержание

Часть 1	4
Часть 2	43
Часть 3	243

Натали Р. Генеральша. Love story

Часть 1

А пойду я не наезженной дорогой,

А дорогой темной, не прямой,

По канавам, по кустам и огородам,

По оврагам, не к себе домой.

Звезды светят, как сквозь пальцы, тусклым светом,

И Луна покрылась пеленой.

Будет время – позабуду я про этот

Бесконечный путь в тиши ночной.

Сквозь деревню, сквозь нестройный лай собачий,

Сквозь проселок, мокрый от дождя.

Получилось это так, а не иначе,

*И исправить ничего нельзя.
Виновата ль, что от роици и до роици,*

Хоронясь от взоров и ушей,

Тихой сапой, ожидая, что чуть позже

*Вслед раздастся топот патрулей?..
Может, будут и другие мне дороги,*

А пока скрываюсь меж листвы.

Тише мыши проползу по огороду,

Ниже свежескошенной травы.

Все изменилось в одночасье.

Так в отчаянии думала Варя, хрупкая миловидная блондинка с большими голубыми глазами, продираясь сквозь мокрые заросли по гадко хлюпающей жиже и волоча за собой за руку хнычущую трехлетнюю Ирочку.

Еще недавно она и не знала, что трава может так больно ранить ноги. Она была счастливой супругой генерала Затонского, ее дорогого Ромочки, всегда ласкового и внимательного, неизменно хвалившего ее стряпню и в любой момент

готового подписать счет из магазина модной обуви. С ним, с маленькой собачкой Шпилькой, с очаровательной дочкой Ирочкой и со свекровью, пожилой интеллигентной дамой, ведущей политику невмешательства в дела супругов, она жила в четырехкомнатной квартире в самом престижном доме города Энска. Мужа она обожала, и все подруги, обремененные разводами и несчастными любовями, завидовали ей. Но даже когда муж долго отсутствовал по военным делам – а такое случалось часто, мелкие конфликты на границах Союза Метagalактики не утихали, – Варя не томилась скукой, а с удовольствием занималась ребенком и любимым делом. Полный материальный и душевный комфорт придавал ей благодущие.

И вдруг умерла свекровь. Совершенно неожиданно, без предварительных болезней и недомоганий. Может, кофе перепила? Особо нежных, дочерних чувств Варя к ней не питала, но смерть живущего рядом человека повергла ее в шок. Двадцатипятилетняя женщина, хоть и жена военного, не привыкла сталкиваться со смертью. Когда она поняла, что свекровь вовсе не заснула за столом, то в течение нескольких минут пребывала в оцепенении. Потом кинулась к телефону. Где бы ни был сейчас Роман, для того и существует штаб, чтобы разыскать его.

Роман Затонский приехал вечером того же дня. Ее нежный, умный и надежный муж.

– Слава богу! – она бросилась ему на шею. – Ромочка,

какой кошмар! Я просто не знаю, что делать.

– Здравствуй, Варяжка, – ласково сказал он, целуя ее в нос. – Ты звонила в похоронное бюро?

– Нет, милый, я... у меня... я не знаю, все из головы вылетело, – Варя чуть не плакала. Она чувствовала себя глупой и беспомощной и очень расстраивалась из-за этого, пока Роман не обнял ее:

– Не беспокойся, солнышко, я все сделаю. Жаль, не смогу побыть здесь подольше. И так нет мне прощения, что в такой момент оставил без командования армию на Эльдаре. Как бы чертовы ирки не перешли в наступление... Но я не мог не приехать попрощаться с мамой, ты же понимаешь.

– Конечно, дорогой, – Варя вытерла слезы. От мужа привычно пахло одеколоном и дорогими сигаретами, а руки были, как всегда, теплыми и крепкими, и Варя ощутила облегчение. – Я бы тоже так поступила. Ну, давай я помогу тебе переодеться и накормлю. Ты ведь давно не пробовал домашнего.

Как бы Варя ни разнервничалась, она не забывала о том, как ценят военные заботу и вкусную кормежку.

Роман позаботился о том, чтобы все было подготовлено как можно скорее – это стоило ему в полтора раза больше обычного, но Затонские редко считали деньги. Похороны назначили на следующий день. А ранним утром супругов и маленькую Ирочку разбудил грохот выстрелов на улицах. В Энске высадился иррийский десант.

Роман в бессильной ярости сжимал кулаки, стоя у окна и глядя, как ненавистные иррийцы занимают город. Еще вчера война шла на далекой планете Эльдаре, а сегодня проклятые ирки уже на Земле.

– Это десантники Вейру Велда, – процедил Роман. – Он на этом специализируется, сукин кот. Грязный подонок, мерзавец, – он скрипнул зубами.

– Что теперь будет? – прошептала Варя, круглыми глазами смотря из окна на вооруженных чужаков, шагающих по улице.

Роман сумрачно покачал головой.

– К сожалению, мне хорошо известно, как ведут себя захватчики. Эти ублюдки разграбят все, что им приглянется, подожгут все, что горит, а что останется – изгадят...

– А что они сделают с жителями?

Роман состроил гримасу, но отвечать не стал. Сказал другое:

– Собирай ребенка, Варержка. Надо рвать когти из города, пока его не оцепили так, что и мышь не проскользнет. О черт, ну почему именно сейчас со мной нет моей армии?

Варя быстро собрала сумку, одела напуганную Ирочку. Они сбежали по лестнице, не решаясь воспользоваться лифтом.

Взрывы все еще гремели. Дым пожаров смешивался с грозовыми тучами. Роман проверил именную пистолет и сделал жене с ребенком знак: следуйте за мной. Варя неволь-

но залюбовалась им: красавец-мужчина, высокий, статный, черные усы, негенеральская быстрота движений... Возникло странно щемящее чувство, но она отогнала его и последовала за мужем. Ему она доверяла безоговорочно, как и трусившая следом Шпулька.

Они крались пыльными, вонючими переулками. Варя раньше и не представляла, что в Энске может быть так грязно. Шпулька поджимала ноги, обегая лужи, и поглядывала на хозяев с немым укором.

На окраине горели склады. Шоссе было перекрыто.

– Черт! – прорычал Роман. – Кругом полно ирок. Если только пробраться через склад... Варешка, давай вперед.

Варя с опаской посмотрела на пылающее здание, но послушно открыла тяжелую железную дверь, с которой кто-то уже сбил замок. Пахло гарью, но в коридоре огня не было. Она нырнула внутрь, подгоняя Ирочку. Их обогнала Шпулька. Роман шел за ними, тревожно оглядываясь, иногда подсказывал:

– Налево... прямо... Да быстрее, Варешка, милая!

Варе и самой хотелось поскорее выбраться из страшного здания. Было жарко, слышался вой, треск, откуда-то сверху тянуло удушливым дымом. Пламя бушевало совсем рядом. У Вари бешено колотилось сердце. Она уже не верила, что этот адский лабиринт когда-нибудь кончится, когда, распахнув очередную дверь, увидела пыльный асфальт, а наверху – предгрозовое небо. Небо угрожающе дышало мраком, но

она обрадовалась ему, как яркому солнышку. Сама не своя, она выскочила наконец на воздух, таща Ирочку.

Сзади оглушительно затрещало. Варя обернулась в ужасе. Потолок коридора, которым они только что бежали, рухнул, рассыпая сноп искр.

– Рома! – истошно завопила Варя.

Раздался взрыв, потом – еще один. Их опалило жаром. Ирочка схватилась за ножку и заревела.

– Ромочка... – прошептала Варя, все еще не веря случившемуся.

Некоторое время она тупо стояла, прижимая к груди плачущую Ирочку. Из оцепенения ее вывело прикосновение к ушной раковине дула, пахнущего нагретым металлом. Она в панике дернулась, но ее крепко держал немолодой ирриец.

– Что потеряла здесь? – грубо спросил он с сильным акцентом, встряхнув ее для убедительности.

– Мужа, – честно пролепетала Варя, не в состоянии что-либо придумать, и заныла, со страхом глядя на близкое дуло: – Отпустите меня, пожалуйста...

С минуту он оценивающе рассматривал ее, потом сказал:

– Беги домой, баба. Беги и не останавливайся. В десанте есть парни и помоложе меня, и погорячее.

Едва он опустил дуло, Варя подхватила Ирочку и рванула со всех ног. Шпулька, поджав хвост, юркнула за ними.

Их дом все еще стоял. Варя попала ключом в скважину с третьего раза – руки не слушались. Ирочка хныкала, на пра-

вой ножке вздулся ожог. Варя перебинтовала ее дрожащими руками и без сил упала на диван. Только здесь, в пустой квартире, она окончательно осознала, что осталась с дочерью совсем одна в городе, захваченном врагами. Одна. И нет рядом ни одного человека, который сказал бы, что делать, ни одного плеча, на которое можно положиться. Рыдания сдавили ей горло...

Иррийцы грабили и крушили Энск три дня. Улицы усеяло битое стекло вперемешку с кровью. Пожар на восточной окраине разрастался и потихоньку перебирался к центру. Варя жила в постоянном напряжении, но их роскошный дом оставался нетронутым. Лишь на третий день в дверь квартиры требовательно постучали.

– Кто там? – замирая, спросила Варя.

– Открывать! – раздался властный женский голос. – Если нет – наш ломать дверь!

Давешний ирриец изъяснялся получше. Война на окраинах Метагалактики шла уже не первый год, с языком противника успели познакомиться обе стороны. Но глупо смотреть свысока на завоевателей, как бы они ни коверкали слова. Варя щелкнула замком. В прихожую ввалились три женщины с кванторами. Тут же на нее наставили оружие:

– Золото, серебро, камни!

Варя послушно достала свою шкатулку и набор столовой посуды. Мысль о том, чтобы утаить что-либо, даже не пришла ей в голову, слегка звенящую от недоброго внимания

трех темных стволов.

– Не прятать, – одна из женщин, с синими волосами, одоб- рительно пихнула ее квантором в спину, отчего Варя неволь- но вобрала голову в плечи. – Хорошо. Не убивать тебе.

Вторая, с вызывающе розовыми кудрями, сняла с вешалки шубу. Третья, тоже с розовой шевелюрой, но более нежного оттенка, заинтересованно рассматривала великолепную кол- лекцию косметики, потом одним движением сгребла в пояс- ную сумку помады и тени. В другое время и в другом месте яркие пышные прически ирриек вызвали бы у Вари любо- пытство, зависть, желание поразить их в ответ какой-нибудь другой деталью внешности, но сейчас она больше всего на свете хотела бы стать прозрачной, а лучше – вообще невидимой.

Синеволосая повернулась к швейной машинке, вокруг ко- торой были разбросаны ткани, поманила пальцем подруг. Та, что взяла шубу, присвистнула, развернув отрез голубого ка- прона с дымчатым рисунком.

– Это все? – требовательно спросила синеволосая.

Варя поспешно достала из шкафа еще несколько отрезов и готовых изделий. Она даже не пыталась спорить и думала про себя: хоть бы не проснулась Ирочка! Смерть бабушки, смерть отца, собственная травма, жуткая атмосфера захва- ченного города – это и так было слишком много для трех- летнего ребенка.

Иррийки выбрали несколько тканей, расшвыряв осталь-

ные по полу, пнули на прощание Шпульку и ушли. Варя перевела дыхание и стала наводить порядок. Она была почти счастлива: не тронули ни ее, ни дочь, не попортили мебель...

Вечером иррийцы уходили из Энска.

– Что они, отступают? – непонимающе спросила Варя, глядя в окно на шеренги, нагруженные добром мирных жителей.

– Как бы не так, – мрачно ответила соседка, тоже офицерская жена. – Десант уходит, а следом припрутся оккупационные войска, колониальная администрация, особая служба... и они не ограничатся тремя днями.

Наутро, едва лишь Варя встала и начала готовить завтрак, на лестничной площадке послышался шум и крики. Она подскочила к двери и осторожно высунулась. Кричала соседка, ее били ногами прямо на лестнице. На иррийцах была другая форма, и лица у них были другие, холеные, не испещренные боевыми шрамами, как у того старого десантника. Варя не успела захлопнуть дверь, как один из них развернулся к ней:

– Вон из дома, дерьмо и моча! Попробуешь взять с собой что-нибудь – с тобой будет то же самое!

– Но мне некуда... – робко начала Варя.

Ни слова не говоря, он ударил ее по лицу со скучающим видом, но так сильно, что она влетела внутрь квартиры, споткнулась о ковер и упала. Он с грохотом распахнул дверь настежь, по-хозяйски вошел. Варя невольно взглянула на его ботинки – они были окованы металлом. А крики на ступень-

ках уже стихли.

Варя подхватила на ноги, бросилась в спальню, вытащила из кровати полусонную Ирочку в пижаме и поспешно выскочила из квартиры. Соседка без сознания, вся в кровоподтеках и ссадинах, лежала поперек лестницы, из ее квартиры доносился разговор на чужом языке. Всхлипывая, Варя тихонько обошла ее. Щека горела. Как я сейчас выгляжу, некстати подумала она, спускаясь. Ее ударили первый раз в жизни.

Тише воды, ниже травы следом просочилась Шпулька. В зубах ее были тапочки – единственное имущество, оставшееся у Затонских.

Одна из Вариных приятельниц жила в малогабаритной квартире на западной окраине Энска. Лампы в подъезде не горели, двери лифта были черны от копоти. С опаской глядя по сторонам, Варя поднялась по лестнице на четвертый этаж и нажала кнопку звонка.

Инга открыла сразу и тотчас же испустила вздох облегчения – видно, ждала иррийцев. Под глазами тревожные круги, в уголке ненакрашенных губ – потухшая сигарета.

– А, привет, Барби. Как твой Кен?

Варю прозвали Куклой Барби еще со школьных лет, как только она оформилась в голубоглазую тонконогую блондиночку. Романа раздражала эта кличка, и он придумал свою. Почти в самом начале их семейной жизни, когда он был еще майором и они торчали в далеком заснеженном гарнизоне,

она связала ему варежки и на каждой вышила яркими шерстяными нитками: «Варежка от Вареньки». А он прочел в полумраке: «Варежка от Варежки». Так она стала для него Варежкой.

– Привет, Инга, – выдавила Варя из себя. – Роман погиб.

В глазах подруги на мгновение мелькнуло что-то, похожее на сочувствие – и пропало.

– Значит, ты теперь не генеральша, а простая смертная?

– Иррийцы выгнали нас из дома, – отведя глаза, проговорила Варя.

– И синяк поставили? – Инга посторонилась. – Заходи. Что дали унести?

– Ничего, – Варя горько кивнула на Шпуюлку. – Только тапочки.

– Плохо, – сказала Инга, снова зажигая сигарету и насыпая кофе в кофеварку. – Кушать-то тебе надо, и дочке твоей. И собачке. А цены теперь взлетят до неба. Склады-то пожгли, сволочи.

– Заработаем как-нибудь, – пожалала плечами Варя, на самом деле не очень понимая, как это делается. – Я шить умею.

– Ты в своем уме? Кто сейчас будет модничать? Иррийки? Они денег не заплатят, задаром все отберут.

– Может, пойду в кафе работать, – вяло предложила Варя. – Есть-то не перестанут.

Инга скептически хмыкнула.

– Ладно, завтра сходишь, узнаешь насчет работы. А сего-

дня мы с тобой уберемся после этих чертовых погромщиков.

– Ты мне дай какой-нибудь лоскут, Инга, – краснея, попросила Варя. – Я хоть Ирочке платье сошью.

– Дам. Давай сперва наведем порядок, а потом шей.

Они были подругами, но между ними уже ощущалась пропасть. Инга была хозяйкой пусть давно не отремонтированной и изрядно разгромленной, но все же собственной квартиры со всеми находящимися в ней вещами, а хозяин – барин. Варя же с ребенком и собакой не имела ничего своего: ни вещей, ни жилья, ни денег, ни работы. Она чувствовала, что, поселившись у Инги, фактически продается в рабство, но ничего другого она придумать не могла.

Утром она пошла искать работу. На центральной площади располагалось одно из уцелевших кафе, и она решила попытаться счастья там. Лил сильный дождь, под ногами хлюпали подозрительно грязные лужи, бежали мутные ручейки, смывая с асфальта кровь и пепел. Варя промокла насквозь в своих матерчатых тапочках. Раньше она никогда не ходила по улицам в такой дождь, а если и случалось куда-то выйти, то брала зонтик и вызывала такси.

У здания мэрии бурлила огромная лужа. По ней шлепали сапогами, брызгая грязью, иррийцы в коричневой форме. На входной двери красовалась новая вывеска: «Особая служба», и тут же – объявление: «Требуется секретарша, владеющая местным языком».

Варя остановилась в нерешительности. Это, пожалуй, по-

лучше, чем мыть посуду или таскать подносы в кафе. Помедлив, она робко скользнула внутрь, стараясь не привлечь внимание солдат.

Перед дверью с надписью «Отдел кадров» толпились в некоем подобии очереди молодые женщины. Очередь медленно продвигалась. Претендентки выходили, как в воду опущенные, безнадежно отмахивались от расспросов. В узком коридоре было душно, присесть негде. Варя устала ждать, виски раскалывались от сигаретного дыма.

– Пойду прогуляюсь, – предупредила она девушку, что была за ней. – Вернусь через несколько минут.

В мэрии был внутренний двор с садиком, раньше мэр принимал там официальных гостей. Варя смутно помнила, как туда пройти. Когда она вышла в сад, сердце ее сжалось. Многие деревья были порублены, на земле виднелись следы костров. Под ногами ей почудились кровавые потеки.

Противоположная дверь распахнулась, во двор вытолкнули седого мужчину со связанными за спиной руками. Варя узнала его: это был военный комендант Энска. Следом волокли двух обнаженных женщин – его жену и старшую дочь, – и маленького сына, еще дошкольника. Варя вздрогнула, предчувствуя ужасное. Ее не было заметно за кустами, но она хорошо видела полковника, который еще совсем недавно не был седым, и его плачущих домочадцев.

Один из иррийцев достал лист бумаги и занудным голосом с противным акцентом стал зачитывать:

– «Никитин Сергей Валерьевич по решению комиссии особой службы приговаривается к смерти за то, что являлся полковником армии Союза Метагалактики, – последние слова он выплюнул, выражая явное презрение к этому государству, – и пытался организовать сопротивление оккупационным властям. Его семья, оказывавшая ему поддержку и укрывательство, также приговаривается к смерти. Родственникам женского пола дана отсрочка исполнения приговора в одну неделю, дабы они могли послужить это время удовлетворению всех, кто пожелает...»

Раздалось два выстрела. Полковник тяжело рухнул на землю. Маленького мальчика отбросило к дереву, и он сполз по нему, непонимающе хватая ртом воздух. Клетчатую рубашечку залило красным.

У Вари зазвенело в ушах. Она не могла оторвать взгляд от крохотного тельца. Малыш был ненамного старше Ирочки. К горлу подступила тошнота.

Женщины заголосили. Вдову коменданта швырнули на пенек, пятнадцатилетнюю девчонку – прямо на землю. Иррийцы смеялись. Варя не удержалась, ее вырвало. Ее все еще не видели. Она попыталась уползти, но в глазах вдруг стало темно.

Когда она очнулась, Солнце стояло в зените. Неверными руками она кое-как почистила одежду и, пройдя прокуренным коридором, вышла из здания. Ее шатало. Мысли о работе испарились.

– Что так рано? – встретила ее Инга. – Нашла что-нибудь?

Она молча покачала головой, без сил опустилась на стул в кухне. Инга налила кофе. Варя отпила глоток, и ее опять вывернуло.

– Да что с тобой? – Инга забеспокоилась. – Изнасиловали по дороге?

Глотнув воды, Варя прерывающимся голосом рассказала, что произошло в мэрии. Инга мрачнела с каждым словом.

– Ну, гады... и ребенка!..

Не успела Варя окончательно прийти в себя, как в квартиру требовательно постучали. Инга с тяжким вздохом пошла открывать. Ввалились трое самодовольных хмырей в коричневой форме.

– Перепись населения. Давайте документы!

Инга принесла свой паспорт.

– У меня нет документов, – пролепетала Варя.

– Что значит нет? Не морочь мозги, женщина, не то разбираться будем в комиссии.

– Меня выгнали из дома, – всхлипнула Варя. – Не дали взять даже белье!

– Адрес!

– Улица Гоголя, четыре, квартира семь.

– Мы проверим, – хмуро пообещал ирриец. – И если ты соврала хоть в чем-нибудь, белье тебе вообще не понадобится.

Среди ночи их подняли с постелей.

– Сейчас, сейчас, – раздраженно протирая глаза, Инга поплелась открывать. – Господи, никакого покоя ни днем, ни ночью!

За дверью снова стояли трое коричневых, на этот раз другие. Один – с блестящим треугольником на рукаве, судя по всему, старший по званию. Он нетерпеливым жестом отстранил Ингу с дороги, вошел и указал на выползшую из комнаты Варю.

– Затонская Варвара Михайловна?

У него в руках был Варин паспорт. Она поспешно кивнула.

– Где Роман Затонский?

Варя опешила. Она не ждала, что ее будут спрашивать об этом.

Офицер истолковал ее молчание как нежелание говорить.

– Я спрашиваю, где он? Нам известно, что генерал Затонский около недели назад прибыл в Энск. Где твой муж, дерьмо и моча?

– Он... он умер, – выдавила Варя. Ей и так было тяжело, а теперь они заставляли ее вспоминать об этом.

– Да ну? – саркастически переспросил офицер. – Здоровый мужчина – бац, и умер в течение недели?

– Он погиб.

– Н-да? В рядах защитников Энска его не было. Машинка задавила?

Варю коробил его откровенно издевательский тон. Разве

можно вот так говорить об умершем? Впрочем, она уже начинала понимать, что от этих коричневых можно ожидать любого кощунства.

– И где же он похоронен? – допытывался ирриец.

– Н-нигде...

– Вот как? Оставлен на растерзание бродячим дерьмогло-там? Непохоже, очень непохоже на любящую жену... да и на простую знакомую даже!

– Я говорю правду! – закричала Варя. – Я не могла его похоронить, я и сама едва ноги унесла. Он погиб при пожаре на складах, его завалило, я ничего не могла сделать. Честное слово...

– На складах? Ловко придумано, – он кивнул подчиненному. – Передай, пусть ищут труп. А ты, дрянь, учти... – он сунул Варе под нос кулак.

Шпультка не смогла стерпеть такой агрессии по отношению к своей хозяйке. Она прыгнула из угла со злобным рычанием и вцепилась иррийцу в ботинок. Тот рванул из кобуры пистолет, короткая вспышка – и верная собачка, разжав в агонии челюсти, распростерлась на ковре.

Он перевел ствол на Варю, потом опустил. Брезгливо вытер с ботинка собачью слюну первой попавшейся тряпкой – это оказалась бархатная Ингина юбка.

– Ты не отделаешься так легко, как твоя шавка. Если скрываешь что-нибудь, из-под земли достанем!

Он сделал сопровождающим знак, и они ушли. Варя опу-

стилась на колени возле бездыханной Шпульки. Губы ее дрожали.

– Знаешь, с тобой рядом находиться опасно, – поежилась Инга. – Еще попадешь под горячую руку ненароком.

– Хочешь, я уйду? – безнадежно предложила Варя. – Только о девочке позаботься.

– Куда ты уйдешь? – вскинулась Инга. – Не завтра, так послезавтра эти ублюдки вернутся, тебя не найдут... твою Иринку и меня – к ногтю за укрывательство! Нет уж, сиди дома, как мышь. Даже не вздумай выходить на улицу.

Днем, после обеда, явился тот же офицер. Он прошел с сопровождающими прямо в комнату. Ирочка, смотревшая книжку с картинками, пискнула и спряталась за кресло.

– Тело Романа Затонского на складе не обнаружено, – сказал он зловеще. – Не пора ли образумиться и начать говорить правду?

– Клянусь, я говорила только правду! – взмолилась Варя. – Был сильный пожар, перекрытия рухнули... все могло сгореть.

– Могло, – хмыкнул он. – Какая чудесная версия, а? Свалим все на огонь, он бессловесный, отпираться не станет, – он вдруг залепил ей пощечину. – Кончай дерьмо на уши вешать! Где Затонский?

– Я не знаю, – дотронувшись до горячей щеки, пробормотала Варя. – Он умер, я сама видела.

Он ударил ее по другой щеке. Она заплакала.

– Почему вы мне не верите? Оставьте меня! Я ничего не сделала.

Офицер вытер руку носовым платком.

– Ошибаешься, – сказал он. – Ты препятствуешь оккупационным властям и укрываешь вражеского генерала. Ты дорого заплатишь за это. Очень дорого.

Варя вспомнила казнь полковника Никитина и его семьи, и ее замутило.

– Если ты признаешься сейчас, мы не тронем твою дочь.

– Я признаюсь, признаюсь, – залилась слезами Варя. – Только в чем мне признаваться? Скажите, я все подпишу, все сделаю, только скажите.

– Дура! – рявкнул он. – Где твой муж?

– Он погиб...

– Не надейся, что твоя соплячка слишком мала, – многообещающим тоном произнес он. – На всяких есть любители. А еще можно выколоть ей глазки, выбить зубки, вырвать ноготки...

У Вари закружилась голова, колени подогнулись.

– Продолжим беседу в другом месте, – заключил офицер и знаком подозвал сопровождающих. – Доставьте эту падаль в комиссию. И ее отродье не забудьте.

Когда Варя вновь обрела способность соображать, два солдата тащили ее под руки по улице. Ревущая в три ручья Ирочка была крепко привязана ремнем к ее запястью. Панические мысли замельтешили в голове. Она взглянула на

Ирочку, в памяти всплыло то, что говорил офицер. Выколочь глазки... Нервный спазм согнул ее пополам, через горло хлынула желчь.

– Вот дерьмо!

Коричневые разом отскочили, беспокоясь за свою форму. Варя уловила это краешком едва теплившегося сознания: ее на мгновение выпустили из цепкой хватки! Она еще подумать об этом не успела, а руки уже подхватили Ирочку, и ноги сами понесли ее прочь.

– Эй, эй! – запоздало закричали ее конвоиры.

Они бросились следом. Они были раздосадованы, да, но вполне уверены, что вскоре догонят дерзкую беглянку и выместят на ней свое неудовольствие. Женщина казалась слабой и безвольной, такую остановит любое препятствие.

Сами они были туповатыми жлобами, привыкшими к оккупационной рутине и ничего не боявшимися. И потому они не знали, что может сделать с человеком страх. Страх удесятеряет силы, обостряет сообразительность. Страх гонит адреналин в кровь, заставляя сердце биться быстрее, а мозг – придумывать такие безумства, которые никогда не совершит бесстрашный. Варя мчалась, забывая дышать, словно и не была только что на грани обморока. Она то и дело сворачивала в грязные полутемные переулки, путая след, но уже начала понимать, что в городе ее непременно поймают. До сих пор о бегстве от преследования она знала только из книг. А в книгах преследуемые бежали в леса.

Иррийцы не отставали. Они, правда, рассчитывали, что полумертвая баба с тяжелым ребенком на руках давно должна упасть, задыхаясь, и ждать своей участи, но у них еще оставались в запасе и терпение, и силы. Они могли бы легко пристрелить ее, но офицер ясно приказал: доставить обеих пташек, большую и маленькую, в офис особой службы живыми.

Впереди был железнодорожный переезд. На путях застыл обгоревший состав, длинный, как зимняя ночь. Варя поднырнула под просевший вагон, переползла на ту сторону, протаскивая за собой Ирочку, побежала вдоль поезда. Она слышала, как солдаты, пыхтя, лезли под вагон. Они непрерывно ругались по-своему: пространство было слишком узко для таких здоровяков. Пока они протолкнули друг друга, женская фигурка уже маячила где-то близко к горизонту.

Скоро Варя стала сдавать. Едкий пот лез в глаза, сердце бухало где-то в ушах. Руки отваливались, ноги казались чужими. Организм быстро исчерпал небольшой резерв. Она опустила Ирочку на землю, поволокла за собой. Та всхлипывала, но старательно перебирала ножками.

Она с размаху ударилась обо что-то. Тупо подняла глаза – это был штабель бочек. То, где она находилась, напоминало какой-то хоздвор. Она оглянулась, переводя дух и вытирая с горячего лба пот – иррийцы быстро нагоняли, вид у них был торжествующий. Она поняла, что смотрит на них сверху вниз – ну да, она же на холме. Вот почему было так трудно

идти: они с Ирочкой поднимались на холм. Она даже не осознавала, куда идет.

Спасительная мысль крутнулась в раскалывающейся голове. Она изо всех сил налегла на клин, подпиравший штабель. Клин поддался, и пару секунд она думала, что бочки погребут ее под собой. Но в последний момент ей удалось отскочить. Бочки загромыхали вниз по склону. Донесся сдавленный вопль...

Варя потащила Ирочку дальше. Ругань, долетавшая сзади, ясно показывала, что оба остались живы. Она и не рассчитывала покончить с ними, но хотя бы выиграть несколько минут. Один, кажется, вывихнул ногу, второй отделался синяками и ушибами. Пока они стонали, бранились, выясняли, хромать ли дальше вместе или лучше пострадавшему остаться, а второму догнать наконец стерву и переломать ей обе ноги, – она смогла существенно оторваться от них.

– Мама, Ирочка хочет пи-пи, – заскулило бедное дитя.

– Делай... в штанишки... – с трудом выговорила Варя в промежутках между захлебывающимися вздохами и продолжала тащить спотыкающуюся дочь, не разбирая дороги.

В жарком споре иррийцев победила точка зрения, что догонять надо одному. Теперь он, ободренный и полный решимости отомстить упрямой гадине, высматривал впереди две хрупкие фигурки. На горизонте показался лес, но он не тревожился: до леса глупая баба не доберется. Прямо наперекрест текла речка. Десант Вейру Велда взорвал перемычку, от-

делявшую ее от ассенизационного отстойника, и речку безобразно забило нечистотами. Ее близость уже чувствовалась по запаху.

– Стой, дура! – заорал он в очередной раз. – Все равно ведь не уйдешь!

Она даже не замедлила шаг, только у самой реки снова, пошатнувшись от тяжести, подняла ребенка на руки и вбежала в гадкую вонючую воду. Дно быстро понижалось. Когда жижка достигла подбородка, она поплыла, как умела – по собачьи.

Ирриец остановился в нерешительности, коснулся воды кончиком сапога. В мутном потоке что-то плыло. Он представил, чем это могло быть, и тотчас отскочил, грязно выругавшись. Да ни за какие деньги он в это дерьмо не полезет!

В сердцах он выхватил лазерный пистолет, пальнул по головам. Они ушли под поверхность жидкости, но в следующий момент вновь всплыли. Запахло жжеными фекалиями. Промахнулся.

– Ну и утопись в дерьме! – завопил он вне себя. – Все равно не спасешься! Особая служба тебя и на дне найдет!

Отплевываясь и с трудом подавляя рвоту, Варя вылезла на другой берег, вытащила несчастную Ирочку. Лес был уже близко. Она с трудом заставила себя двигаться к нему, хотя больше всего хотелось встать на колени и вывернуться наизнанку. С того берега неслись проклятия.

– Дерьмо и моча! Никто еще не уходил от особой службы!

Живая или мертвая, в конце концов достанешься нам!

Ушли, думала Варя неверяще, жадно хватая воздух ртом. Ушли.

Приводить себя в порядок и готовить ночлег не было сил. Мать и дочь заснули в чаще прямо на траве и листьях, прижавшись друг к другу.

Варя проснулась еще до рассвета. Трава была мокрой от росы, зубы стучали. Она разбудила Ирочку.

– Надо идти дальше, – голос ее был хриплым. – Они могут перелететь речку на вертолетах.

В глубине души она сомневалась, что ради нее коричневые пойдут на такие хлопоты, но уж очень она была запугана. Она хотела исключить малейшую возможность попасть к ним в руки.

Они брели через лес напролом, не выбирая тропинок. На тропинках легче попасться. Сердца замирали от гулкого уха-нья сов, от дальнего воя и странных нечеловеческих криков. Варя не хотела задумываться над тем, кто их издает.

Постепенно светлело. Ночная живность уступала место дневной. Низины затянуло густым туманом, в котором не было видно собственных ног.

– Ирочка хочет кушать, – пожаловалось дитя. – Мама, здесь есть ягоды?

– Потом, – отмахнулась Варя.

Они устроили привал у ручья, когда Солнце поднялось уже высоко. Ирочка приглядела ягодные кусты и обрывала

их, половину отправляя в рот, а другую половину – в лист лопуха. Варя в это время плескалась в ручье, смывала глубоко въевшуюся грязь, стирала платье и белье, отскребала тапочки. Потом загнала в ручей слабо сопротивляющуюся Ирочку и вычистила ее с ног до головы. А когда наконец собралась отдохнуть, то вспомнила, что иррийцы могут уже висеть у них на хвосте.

Они снова двинулись в путь. Варя старалась держать прежнее направление: чуть наискосок от перпендикуляра к речке, но у нее было в этом очень мало опыта, если не сказать – совсем никакого. Кроме того, ночью они плутали без всяких ориентиров. Однажды они наткнулись на свои следы.

К вечеру набрали на деревню-развалюху. Обе валились с ног от усталости, от голода сводило животы. Варю мучила тошнота – то ли от голода, то ли от грязной воды, то ли ягоды были несъедобны. Она направилась к ближайшей хатке, чтобы попроситься на ночлег, но в ужасе остановилась у калитки. На заборе висела ее отскерокопированная фотография с подписью: «Особая служба разыскивает опасную преступницу. За информацию гарантируем вознаграждение».

Как же они успели, потерянно подумала Варя. Что же делать теперь? От колодца на них уже подозрительно косилась девица в платке. Варя непроизвольно ссутулилась, сжалась, искривила лицо, чтобы стать непохожей на себя. Девица сделала к ней движение, потом вдруг осеклась, уставившись куда-то вправо.

По тропинке меж заборов медленно приближались двое иррийцев в коричневых формах. Девушка бросила ведра у колодца и боязливо юркнула в хату. Варя, обмирая от страха, затаилась в кустах, зажимая Ирочке рот, чтобы ненароком не привлекла внимание. Коричневые прошли мимо, разговаривая на своем языке, но Варя еще долго не решалась шевельнуться.

– Эй! – послышался вдруг громкий шепот. – На, возьми!

Давешняя девка, воровато оглядываясь, протягивала ей авоську. Варя машинально приняла.

– Уходи скорее, – зашептала девушка. – Не знаю, почему тебя разыскивают, но у нас в селе народ жадный. За вознаграждение, пусть даже в иррийской валюте, самому черту продадутся. Уходи подальше, поняла?

Они снова заночевали в лесу. Шли, сколько могли, потом Варя села прямо там, где стояла, распаковала авоську. Там была связка сушек, кусок сыра, пластмассовая бутылка с водой, спички и одеяло. Ирочка тотчас же захрустела сушками, да так, за едой, и заснула. Варя аккуратно вынула у нее изо рта недогрызенную сушку, подтащила дочку поближе к себе и завернулась в одеяло. Во сне ей мерещилась дорога, бесконечная дорога под стертymi ногами, а по пятам – погоня... Сон был не лучше яви.

Не успело встать Солнце, а они опять шли в неизвестность. Прошлая, мирная жизнь в холе и довольстве казалась Варе нереальной. Реальность была перед глазами: скользкая

грязь, мокрые тяжелые ветки, так норовящие хлестнуть по лицу, сучья и корни, рвущие тапочки и ранящие ноги, злые комары и прочие противные насекомые – она прежде и не знала, что бывает столько назойливых насекомых. Ни косметики, ни ванны, ни даже кофе. Вернется ли это когда-нибудь? Варя не надеялась.

– Стой! – раздался внезапно повелительный голос, и Варя уловила лязг затвора. – Кто такие и куда идете?

В голосе не слышалось иррийского акцента.

– Помогите, люди добрые! – взмолилась Варя.

В опергруппе сопротивления были наслышаны о генерале Затонском. Варю и Ирочку накормили, напоили, дали таблеток от простуды – на всякий случай. Но дальше вышла заминка.

– Остаться с нами вы не можете, – сказал командир, как отрубил. Видно было, что эти слова даются ему трудно. Мужчина средних лет, наверняка жена дома осталась, может, сейчас оказалась в такой же ситуации... Но пересматривать свое решение он не собирался. – Сама видишь, – он неловко кивнул, приглашая посмотреть вокруг, – мы опергруппа, а не армия с обозом. Спим на голой земле, готовим на костре, пленных не берем. Мы не можем таскать при себе женщину с дитем. Есть деревни, где особая служба еще не расхозяйничалась, вот там и проси приюта. А то найди лесную сторожку и хоронись в ней. Как хочешь. Но с нами тебе все одно не по дороге.

Ей позволили переночевать у костра, а утром дали с собой припасы и ненавязчиво попрощались. Варя чуть не заплакалась.

– Мама, мы теперь всегда будем ходить по лесу? – спросила Ирочка.

Варя не ответила. Она боялась отвечать на этот вопрос.

День они проплутали. Командир опергруппы дал Варе компас и карту, но она не умела ими пользоваться. Наткнулись еще на одну деревню. Объявлений о розыске там не было, но дать приют никто не согласился. Была перепись населения, объяснили ей, составили списки. Если обнаружат лишнюю бабу без документов – конец и ей, и тем, кто пустил в дом.

В следующем селе повторилось то же самое...

На рассвете Варя поняла, что забрела в болото. В темноте, да и от усталости не заметила, что деревьев становится меньше, а мох под ногами угрожающе прогибается, как вдруг провалилась по пояс.

Ирочка испуганно заверещала. Варей овладела паника, она отчаянно забарахталась, пытаясь выбраться на поверхность, замолотила руками. Мох под ее пальцами обрывался, а мутная жижа на дне пыталась всосать ноги.

– Помогите! – закричала она, потеряв от безнадежности страх оказаться в руках врагов. – Хоть кто-нибудь, помогите!

– Мама! – запищала Ирочка. – Мама, не тони!

Она стояла на колышущемся ковре мха на четвереньках

и тянула к матери ручонку. Варю охватило непреодолимое желание схватиться за нее, но малая частица разума, еще сохранившая способность трезво мыслить, подсказывала, что у девочки не хватит сил вытащить взрослую женщину, что ее саму затянет в трясины.

Неожиданно в поле зрения Вари попала еще одна рука – волосатая, большая. Она подняла голову. На мху распластался небритый мужик звероватого вида, он аккуратно подползал ближе.

– Помогите! – умоляюще вскрикнула Варя и протянула к нему руки.

Мужик оценивающе посмотрел на ее пальцы, одним движением сдернул обручальное кольцо и медленно пополз обратно.

Варя кричала, не веря, пока он не исчез из виду.

Она выдохлась. Горло саднило от крика. Она уже по грудь была в болотной воде, и тело ниже пояса постоянно чувствовало мелкие укусы. Наверное, пиявки уже вовсю сосали кровь. Холодная грязь обнимала ее все жаднее, но сил сопротивляться не осталось.

– Мамочка! – рыдала малышка. – Мама, я боюсь! Мамочка, вылезай скорее...

Ее безнадежный плач постепенно затих, только слезы ползли по щекам.

Варя не сразу поняла, темнеет ли у нее в глазах или смеркается – настолько она отключилась, не в силах осознанно

переживать то, что ей выпало. Только вдруг обнаружила, что стало значительно темнее, а напротив лица светятся две желтые точки. Между ними сверкнули зубы, и раздалось глухое рычание. Волк пришел за еще живой, но угодившей в ловушку добычей. Варя зажмурилась. Она уже смирилась с тем, что умрет, и лишь надеялась, что волк сделает это быстрее и милосерднее, чем равнодушное болото. Она почувствовала горячее дыхание совсем рядом, а потом на плече сомкнулись острые зубы, больно разрывая кожу и мясо...

Внизу чавкнуло. Жижа плотоядно присосалась к голеням и бедрам, не желая отпустить. В лицо плеснула тухлая вода, и она, отфыркиваясь, испуганно открыла глаза. Только что она стояла, а теперь находилась в горизонтальном положении. Трясина ослабила хватку, а за плечами вдруг полегчало – исчезла сумка, которую дали ей партизаны. И почти рядом, стоит протянуть руку, свешивалась ветка какого-то куста.

Варя потянулась к ней со вспыхнувшей заново надеждой, нереальной, как мираж, потянулась обеими руками, не обращая внимания на раздирающую боль в плече и стекающие по нему теплые струйки. Ветка, конечно же, обломилась, но ей удалось подтянуться хотя бы на сантиметр и ухватиться за другую... Она чувствовала, как отваливаются сытые пиявки. Ветки предательски ломались под руками, болото недовольно чмокало и колыхалось. Мох был совсем близко, и на качающемся ковре мха несколько волчат, рыча друг на дружку, разрывали ее сумку, выволакивая оттуда куски мяса, колба-

сы, курицы, а волчица давала пинка особо зарвавшимся детенышам. Кровь текла по плечу все сильнее, но Варя больше не боялась волков. Она боялась лишь потерять шаткую опору и снова упасть, оказаться во власти жадной болотной грязи.

Варя сама не помнила, как, выбиваясь из сил, выкарабкалась на поверхность. Распластавшись на мху, она тут же провалилась в забытьё.

Когда она очнулась, то не могла бы сказать, прошло несколько часов или несколько дней. Сияло Солнце, испаряя зловонную болотную воду. Во рту было мерзко – наверное, нахлебалась воды. Желудок в муках дернулся, и ее вырвало.

– Мама, – пропищал детский голосок.

Чумазая Ирочка выглядывала из-за трухлявого пня. На мху валялись разодранные остатки сумки, порванная карта и обслонявленный волчатами компас.

Варя поползла к дочери по прогибающемуся мху, не решаясь подняться на ноги. Каждое движение вызывало жгучую боль в плече, ноги, все в следах укусов, ныли.

– Мама, это ад? – спросила Ирочка.

– Да, – глухо ответила Варя. Язык едва ворочался в горле. Глаза ребенка расширились:

– Я так и думала, что мы уже на том свете!

Весь день они ползли, осторожно подтягиваясь на руках, без еды и питья. Сумку разодрали волки, авоська с одеялом и фляжкой сгнула в болоте. Лишь к вечеру показалась твердая почва, вдали замаячил лесок, но Варя уже не могла ше-

вельнуть ни рукой, ни ногой. Ночью сквозь дрему она чувствовала, как по ней прыгают лягушки и что-то ползает, но не просыпалась.

Утром они добрались до леса, встали наконец на непослушные ноги, нашли озерцо. Долго пили, стоя на коленях, потом Варя отмывала грязь и тину. Ирочка рылась в траве в поисках ягод. Варя пыталась поесть принесенное дочерью, но измученный желудок отказывался принимать пищу.

В сумерках впереди послышались голоса. Люди, оживилась Варя. Ноздри уловили запах костра и жареного мяса, и желудок снова прыгнул к горлу.

– Мама, Ирочка хочет кушать, – затеребило ее дитя. – Пойдем туда, нас покормят.

Варе очень хотелось бы на это надеяться. Даже не на то, что покормят – о еде она не могла думать без тошноты. Она мечтала о безопасности. О том, чтобы наконец остановиться, сесть у костра и не уходить в холодную ночь. О том, чтобы доверчиво опереться о чье-нибудь плечо. Но это были всего лишь прекрасные мечты.

Она не спешила выбегать навстречу людям. Пуганая ворона куста боится. Она опустилась на четвереньки, медленно подкралась ближе, ориентируясь по запаху. Ирочка держалась сзади хвостиком.

Варя осторожно раздвинула кусты, чтобы посмотреть, кто там у костра, как вдруг чья-то тяжелая нога придавила ей спину, а к виску прижалось холодное дуло квантора.

– Дерьмо и моча! Ты быть шпион?

Говорили с сильным акцентом. Варя судорожно сглотнула.

Ее вытащили на полянку, где горел костер. Трое иррийцев в сером – Варя вспомнила, такая форма была на десанниках, – уписывали печеную утку. Четвертый одной рукой держал за шиворот ее, другой – Ирочку. Он что-то сказал товарищам по-иррийски.

На нее уставились с враждебностью и подозрением. Самый молодой ощупывал взглядом все, что виднелось в прорехах ее изорванного платья. Он что-то спросил; тот, кто ее держал, ответил ему. Даже не зная языка, Варя поняла, о чем они говорили, по выражениям лиц и интонациям. Первый претендовал на нее, второй образумил: сначала надо допросить.

Он грубо швырнул ее на землю, так что она чуть не закатилась в костер, прижал ногой горло.

– Кто ты быть? Отвечать быстро. Не отвечать – мы ломать ноги. Имя?

У Вари хватило ума воспользоваться прозвищем.

– Барби, – прохрипела она, – Котова, – это была ее девичья фамилия.

– Что ты делать здесь?

– Мы... мы с дочкой гуляли в лесу... ягоды собирали, грибы...

– Где быть твой корзина? – он нехорошо усмехнулся и уда-

рил ее ногой в лицо. Варя охнула, во рту стало солоно. – Это не есть правда. Отвечать правда, женщина!

– Ну, я... – Варя всхлипнула от боли в разбитых губах, – на самом деле я ищу одного человека... ну... своего мужа...

Молодой расхохотался:

– Твоя нашла четыре хороший мужчины. Это больше хорошо, чем один – а?

Старший выругался и снова ударил:

– Ты говорить неправда. Бред кобылы, так?

Забывая Ирочка тихонько хныкала, размазывая слезы грязными ручками.

– Что здесь происходит? – раздался внезапно голос, при-
выкший приказывать. Он, конечно, говорил по-иррийски, но
смысл слов был совершенно ясен из ситуации.

Все замерли. У костра появились двое. Один был мужчиной неопределенного возраста: может, лет сорока по земному счету, а может, и восьмидесяти. Черные некогда волосы серебрились седыми прядями, но военные седеют рано. Глаза цепкие, черные, как уголь, в движениях – ленца сытой пантеры. На рукаве серого плаща переливались золотом два больших квадрата. Какой-то высокий чин, догадалась Варя. А тот, что держится чуть позади, совершенно седой и жилистый, как старая скаковая лошадь, наверное, его адъютант.

– Шпионку поймали, командир, – нарушил молчание один из солдат. – Говорит, мужика разыскивает, но явно врет. Наш пост из кустов разглядывала, высматривала что-

то. Не признается, дерьмохлёбка. Разрешите попытать?

Высокий чин окинул хватким взглядом всех четверых, Варю и Ирочку и брезгливо процедил:

– Идиоты. Шпионы не ходят на задания с детьми. Пошли все вон.

– Но тогда хотя бы... – попытался возразить молодой.

В глазах офицера мелькнули свирепые огоньки. Адъютант быстро взял сопляка под локоток и повел прочь от костра. Остальные последовали за ним, тревожно оглядываясь и перешептываясь.

– Сядь, – приказал он по-русски, усаживаясь на бревно.

Варя с трудом приподнялась, заставила себя взгромоздиться на кучу веток напротив и прикрыла рукой дыру на животе. Под его взглядом она чувствовала себя неуютно. Он взял с разложенной тряпицы сочную утиную ножку, протянул ей. Преодолевая тошноту, она покачала головой. Он опустил руку, но тут же маленькая ручонка выхватила ножку. Зажав в зубах добычу, Ирочка быстро доползла до кустов и затаилась.

– Кто ты и зачем пришла? – спросил он.

– Меня зовут Барби Котова, – прошептала Варя. – Мы гуляли. Собирали ягоды. Заблудились, корзина утопла в болоте.

– Нет, – небрежно отмахнулся он. – Не надо. И про поиски мужика тоже. Правду!

– А если не скажу? – она зыркнула на него исподлобья. –

Ноги переломаете? Пристрелите?

– Я просто хочу знать, почему женщина с ребенком оказалась в лесу, да еще в расположении моих частей. Я хочу знать правду. Даже если ты совершила преступление, я обещаю: я не стану ломать тебе кости, не расстреляю тебя и не сдам в особую службу.

– А если они потребуют? – чуть слышно спросила Варя.

Он неожиданно ухмыльнулся и сверкнул зубами:

– Тогда тем более.

Она опустила голову и тихо проговорила:

– Я Варвара Затонская.

В прищуренных глазах мелькнуло удивление:

– Уж не жена ли генерала?

– Вдова. Он погиб во время захвата Энска.

– Понятно. Поэтому ты здесь? Хочешь отомстить за него?

– Нет, – выдавила она. – Я хочу жить. Только жить!

Из кустов доносилось смачное чавканье и сопение. Под этот аккомпанемент Варя начала свой рассказ. Речь ее была невразумительна и переполнена эмоциями, но ирриец ни разу не прервал ее. Видимо, знал русский язык в совершенстве.

Наконец она замолчала, устало глядя в огонь и ожидая решения своей участи.

– От особой службы не уйдешь, – медленно произнес он, соглашаясь. – Так что ты ничего не выиграешь, если я тебя отпущу. Но если ты останешься, я мог бы помочь тебе.

Варя подняла на него глаза.

– Все знают, что я разыскиваю свою жену – землянку. Ты можешь сыграть ее роль.

На лице Вари столь явственно отразилось недоумение, что он счел нужным пояснить:

– На людях тебе придется делать вид, что ты моя любящая супруга. Мы познакомились три года назад, а сейчас ты с трудом добралась сюда, чтобы разделить с мужем все тяготы и радости... гм... Но учти, играть надо убедительно. Так, чтобы ни у кого не возникало сомнений.

Он не собирается ни убивать ее, ни отдавать солдатам на потеху, поняла Варя, и лучик надежды вновь вспыхнул в душе.

– Спасибо, – прошептала она искренне.

Он пожал плечами.

– Ну, Барби-Варвара... это ж надо, язык поломаешь, чтобы обратиться к жenuшке. А как тебя в детстве звали?

– Варюша.

Он сморщился.

Она заколебалась и сказала, спрятав глаза:

– Меня еще называют Варешка.

– Варешка, – повторил он, пробуя на язык.

Варя мысленно сжалась. Раньше это имя знал только Роман. Она ждала, что оно будет звучать, как плевков, если его произнесет кто-то другой. Но ничего подобного не произошло.

– А мне как вас называть? – спросила она.

– Меня зовут Вейру Велд.

Она вскинула голову, взглянула изумленно ему в глаза. Нет, он не шутил. Даже забавно, с горькой насмешкой подумала она, что единственный, кто протянул мне руку, предложил помощь – это сукин кот, подонок, негодяй Вейру Велд!

Часть 2

Не жена и не подруга –

Лишь попутчица.

Не задеть крылом друг друга

Не получится.

Позади – пожар и буря,

Впереди – мираж.

Тучи ходят, небо хмуря...

Господи ты наш!

Все, что было, в Лету сплыло –

Позабывать пора.

А пришло – не затопило,

Это все игра.

Не на деньги золотые –

На всю жизнь мою.

Проигралась в пух впервые –

Душу отдаю.

Не светляк сереброкрылый –

Черная вдова.

Ты прости меня, мой милый:

Я еще жива.

– Дайне! – рывкнул Вейру Велд, лениво поднявшись и отряхивая плащ.

Адъютант немедленно возник из ниоткуда.

– Дорогая, – сказал он, подавая Варе руку, – это Дайне, мой ординарец. Я тебе уже не раз рассказывал об этом старом плуте... Но тебя он и пальцем не тронет, побоится.

Он скинул плащ, бережно закутал ее. Она опасалась, что его прикосновения будут неприятны, но он обращался с ней так нежно и тактично, словно она в самом деле была его любимой женой.

– Дайне, проводи мою супругу и дочь, размести их... дай поесть, помыться, все, что попросят. А этих четырех кретинов, – он сверкнул глазами, – гони сюда, уж я им перья по-

общипаю!

– Сэки Вейру, гром и молния! – Дайне расплылся в такой радостной улыбке, будто это он обрел потерянную жену. – Так это и есть ваша супруга? Такая миленькая, молоденькая... А дочка так на вас похожа! Как же я сразу-то не понял, старый болван?

Счастливо покачивая головой, Дайне взял Ирочку на руки, а Варе предложил локоть. Она оглянулась на Вейру. Как бы она попрощалась с мужем? Она подошла, стараясь не встречаться взглядом, быстро прильнула губами к его щеке. Щека была гладкая.

Не дожидаясь реакции, Варя повернулась к Дайне, благодарно оперлась на его руку. Длинный тяжелый плащ с двумя золотыми квадратами путался в ногах, но от него шло тепло, и она почти перестала стучать зубами. Дайне шел медленно, принаравливая свой шаг к ее усталой поступи.

– Как вас зовут, сэке? – шепнул он ей.

– Барби, – ответила она. – И не надо этого «сэке»... Я неловко буду себя чувствовать.

– Ладно, Барби, – он подмигнул ей. – Ох, и завидую же я вашему мужу!

Они миновали несколько постов. Их провожали раскрытыми ртами и отвисшими челюстями. Ирочка уютно устроилась в больших руках и клевала носом.

– Вот и деревня, – сказал Дайне. – Сейчас еще немного пройдем, и будет дом командира.

Он распахнул перед ней скрипучую дверь деревянной избушки. В сенях был полумрак, из комнаты пробивался свет.

– Хозяйка! – громко позвал Дайне. – Приготовь воды, еды, постель для девочки. Семейство командира прибыло!

Варя вошла, щурясь от света. У дверей висело зеркало. Варя краем глаза увидела свое отражение и, ахнув, повернулась посмотреть повнимательнее. То, что платье ее, некогда зеленое в горошек, стало серым и рваным и что ноги распухли от укусов, она знала и так. Но лицо! Черные круги под глазами, впалые щеки, царапины, расплывающийся синяк на скуле, на губах – кровь...

– Как вы сказали? – она обернулась к Дайне. – Миленькая?

Он засмеялся.

– Ничего-ничего, сейчас вымоетесь, приведете себя в порядок – и, я думаю, сэки Вейру не будет разочарован.

Она передернулась. Не будет разочарован! Этого только не хватало.

Появилась старуха в фартуке:

– Банька готова, пожалуйста, – взор ее упал на Варю, и морщинистое лицо вытянулось. – Где ж тебя, доча, так угораздило?

– В лесу да болоте, – буркнула Варя.

Бабка провела ее и Ирочку через двор к небольшому деревянному срубу. Из дверей дохнуло жаром.

– Раздевайтесь, – велела бабка, – а я венички принесу.

Настоящая баня, восхищенно подумала Варя. С паром, с

вениками!

Она разделась, забралась на полку. Было так хорошо, тепло. Мышцы расслабились от непрерывной дрожи. Она даже задремала. Когда вынырнула из дремы и протерла глаза, старуха расчесывала черные кудри неправдоподобно чистой Ирочке. Пахло мылом и душистыми травами.

Теперь старуха взялась за нее. Нещадно хлестала вениками, обливала то горячей водой, то холодной, терла спину так, что Варя думала – снимет кожу. Потом втирала какие-то масла, мыла волосы травами. Наконец дала вытереться, завернула в большой велюровый халат – наверняка он принадлежал Вейру Велду. Повела в клетушку рядом, где Ирочка посапывала на лавке за столом, обняв огромную чайную кружку – уже пустую.

– Пей, доча, – сказала, наливая Варю горячий чай. – Авось не заболеешь. Все сделала, что могла.

– Спасибо, – пробормотала Варя, обжигаясь чаем.

Веки слипались, голова только и ждала, когда ее куда-нибудь положат – хоть на пол. Они вернулись в избу. Ирочка так и не проснулась. Варя с трудом дотащила ее до перины, на которую указала бабулька, положила завернутый в махровое полотенце комочек. Бабка прикрыла девочку одеялом.

– Заходите, Барби, располагайтесь, – Дайне отворил дверь в маленькую заднюю комнатку. – Супруга вашего еще нет, но он всегда поздно ложится. Ешьте, я там поднос оставил.

В комнате были кровать и столик. Кровать застелена чи-

стым, не слишком широкая. Больше никакого ложа не имелось.

– А... – она хотела было узнать, нельзя ли поставить раскладушку, но осеклась. Не очень-то характерная просьба для молодой любящей жены. Она вдруг поняла, что убедительно играть роль супруги подразумевает еще и спать в одной постели.

Возможно, он это и имел в виду, подумалось ей, когда говорил, сколь тщательно она должна вписываться в роль жены. Не бескорыстно же он ее спас, в самом деле. А она не сообразила вовремя. Хотя... какой у нее выбор? В лапы особой службы или в лапы Вейру Велда? Конечно, второе. По крайней мере, он не станет издеваться.

А не поторопилась ли она с выводом? Не зря ведь Роман называл его коварным подонком. Может, для него особое удовольствие унижить вдову своего противника, заставить упрашивать, умолять, полюбоваться на ее слезы и кровь... Да нет, ерунда. Он мог бы изнасиловать ее прямо у костра, на голой земле – все равно никто не видел. Не обязательно было кормить ее, укрывать плащом, наказывать ординарцу всячески заботиться о ней и об Ирочке. Значит, ждет благодарности.

Ладно, будь по его, вздохнула Варя, подошла к столику и взяла с подноса яблоко. Сочное, румяное. Жертве таких не предлагают. Она вдруг почувствовала голод, стала торопливо есть. Яблоки, груши, сливы... Словно и не война вокруг.

Ладно, он получит ее благодарность. Деваться-то все равно некуда.

Насытившись, она погасила свет, разделась и юркнула в теплую постель. Не успела голова коснуться подушки, как ей уже снился сон. Впервые за две недели это не был кошмар.

Среди ночи ее разбудило движение. Было темно, но она различила на фоне окна сидящего на кровати мужчину. Он стаскивал рубашку через голову. Варя затаила дыхание, вжавшись спиной в стенку.

Вейру Велд откинул одеяло, лег, слегка касаясь Вари – хочешь не хочешь, кровать была довольно узкой. Видимо, уловил ее напряжение, бросил:

– Спи спокойно, не обижу.

Через несколько минут он уже спал, а Варя долго не могла заснуть. Рядом с ней – даже руку не надо протягивать, она чувствовала его тело, – лежал злейший враг Романа. И всего Союза Метагалактики, если на то пошло. Его незащищенное горло было как раз на уровне ее глаз. Во сне даже она, слабая женщина, могла бы удавить его голыми руками.

И что потом, горько спросила она себя. Ужасная смерть? Она слишком хочет жить! А жива только благодаря ему. Господи, как все неправильно! И то, что она так малодушно, так неестественно цепляется за жизнь, когда нормальная женщина предпочла бы скорее умереть, чем жить на содержании смертельного врага. И то, что этот непонятный Вейру спас ее без всякой видимой выгоды. И то, что через две недели

после гибели мужа она лежит в чужой постели, готовая от-
даться – но ее не берут ни лаской, ни силой.

Варя с усилием помотала головой, старясь разогнать мель-
тешащие и путающиеся мысли. Возникло желание подойти
к столику, налить стакан воды, но она побоялась перелезть
через Вейру. Перед глазами все поплыло от резкого движе-
ния головой, она ткнулась лицом в подушку, стараясь унять
головокружение.

Проснулась утром. В завешенное белой марлей окно про-
бивались яркие лучи. Вейру уже не было, о нем напоминала
только смятая подушка и опустошение на подносе.

Варя резко поднялась. В ушах зазвенело, и она вынуждена
была присесть снова, пока кровь опять не прилила к голове.
Встала уже осторожно, влезла в халат и огромные шлепанцы,
приоткрыла дверь в большую комнату.

Ирочка в рубашке до пят самозабвенно кривлялась перед
зеркалом. Вчерашняя бабка собирала на стол. Оторвавшись
от мисок, окинула Варю взглядом с головы до пят.

– Ну вот, другое дело, – проворчала одобрительно. – Те-
перь видно, что живая, молодая, красивая. И чего пошла за
чужака, доча?

– Сердцу не прикажешь, – туманно ответила Варя, приса-
живаясь на табурет. В ногах была такая слабость, что за один
прием не дойти до выхода.

Бабка покачала головой:

– Он же тебе в отцы годится.

Она вспыхнула, чувствуя, что ее долг жены – возразить что-нибудь, но ничего убедительного на ум не приходило.

– Зато он добрый и ласковый, – сказала она наконец. И почти сразу добавила, понимая, что этого недостаточно: – И замечательный любовник.

Она даже порозовела, сознавая, что эти качества, которые она приписывает своему якобы супругу, могут быть вовсе ему не свойственны. Старуха, подтвердив эту мысль, фыркнула:

– Это он-то добрый? Такой добрый, что нежную женщину с дитем заставил по чашам и топям его догонять? Добрее некуда...

Продолжать дискуссию Варя не хотелось. Она медленно встала, опираясь о столешницу, вышла из избы.

Двор заливало яркое солнце. Варя зажмурилась, нерешительно топчась на крыльце в нелепых тапках сорок третьего размера и халате с чужого плеча. Привыкнув, разглядела умывальник у забора, аккуратно спустилась, держась за перильца, плеснула в лицо водой. Вода была холодная, и воздух вокруг прохладный, но солнце припекало сильно.

Варя умылась, выпрямилась, преодолевая ломоту в теле. Когда она, выбиваясь из сил, тащила по лесу, то не обращала внимания на недомогания и усталость; а теперь расслабилась, и накатили ощущения, долгое время тщетно стучавшиеся в мозг. Морщась и растирая поясницу, она обвела глазами двор. Невысокий заборчик, выкрашенный в голубой

цвет, умывальник, неошкуренный стол и лавка, за приземистой банькой – огород, несколько деревьев. На заборе – табличка: «Главная ул. д.3». Она подняла голову выше, щурясь от солнца. Над избой развевался флаг на длинном шесте: на сером полотнище две звезды, желтая и белая. Государственный флаг Ирру, системы двух солнц.

Калитка скрипнула, с улицы вошел Вейру Велд в сопровождении Дайне. Он был в серых шортах и серой форменной рубашке с коротким рукавом, на котором едва умещались командирские квадраты. Ноги и руки в тугих узлах мускулов, привычных к двойной силе тяжести. Сдавит – ребра хрустнут, как бумага, подумала Варя, поеживаясь. Двигался вроде бы неторопливо, ботинки лениво скрипели при каждом шаге, но странно быстро преодолел расстояние от калитки до крыльца.

– Доброе утро, милый, – сказала Варя, напустив на лицо улыбку.

Он непринужденно обнял ее за плечи – Варя напряглась, но ничего не захрустело, она только почувствовала тепло ладоней, – чмокнул в ухо, тоже улыбаясь.

– Привет, Дайне, – Варя кивнула ординарцу.

– Барбиэ, – слегка поклонился он, – вы сегодня очаровательно выглядите.

– Старый мошенник! – нахмурился Вейру, не выпуская Варю из объятий. – Любезничать с чужой женой!

– Разве она чужая? – парировал он. – Ваша же собствен-

ная.

Вейру в шутку замахнулся. Варя не верила, что он ударит своего давнего товарища, но мускулы заиграли так рельефно, что она невольно затаила дыхание. Пожалуй, большинство иррийцев поступают правильно, подумала она, когда прячут свои горы мышц под модными длинными рукавами и брюками. А то любое движение напоминает подготовку к бою.

– Проверь посты, – распорядился он и повернулся к Варе. – А мы с тобой, мое золотко, пойдем позавтракаем.

Он легко подхватил ее на руки и стал подниматься на крыльцо. От неожиданности Варя потеряла тапок.

– Не надо, – вякнула она растерянно. – Вам же тяжело.

Он покосился на нее насмешливо:

– Я и на Ирру носил женщин, да еще каких – в три раза толще тебя.

– Но я могла бы пойти сама...

– А я решил иначе.

– Да, конечно, – она потупилась.

Он пинком ноги открыл дверь, внес ее в комнату, усадил в кресло, стоящее у накрытого стола. Сам сел на табурет, махнул рукой старухе, чтобы уходила.

– Мы одни, – тихо сказала Варя, когда она вышла. – Вы могли бы сами сесть в кресло.

– Молчи, – отмахнулся он, пробуя кашу.

На самом деле было весьма кстати, что он донес ее. Она

уже устала стоять, голова начинала кружиться. Когда она развалилась в мягком кресле, ей полегчало, туман перед глазами исчез.

Она бросила взгляд на Ирочку, та подгрребла, влезла на второй табурет и, сунув нос в тарелку, облизнулась и схватила ложку. Вот незадача, беспомощно подумала Варя. Вейру Велд объявил Ирочку своей дочерью. Как же объяснить трехлетней девочке, что она должна звать папой совершенно незнакомого человека и делать вид, будто он был ее отцом всю жизнь?

– Привет, детка, – сказал Вейру, пододвигая Ирочке хлеб.

Ту не надо было уговаривать. Она цапнула самый большой ломоть и поглядела на него из-под кудрей:

– Привет.

– Теперь я буду твоим папой.

– Папой? – недоверчиво переспросило дитя. – А точно не дедушкой?

Варя скрыла улыбку.

– Нет, лапочка, – Вейру был терпелив. – Давай поиграем с тобой в дочки-матери. Ты будешь дочкой, я – папой.

– А мама?

– Мама и есть мама.

– Ну давай, – согласилась Ирочка. – Играем до обеда?

– Разогнаться не успеем, – серьезно ответил он. – Играть, так по-крупному. До следующего лета, а?

– Ух ты! – в глазенках появился восторг. – Здорово! Толь-

ко чур, – вспомнила Ирочка, – шлепать меня не смей.

Он кивнул:

– Заметано.

Как он ловко справился, с невольным уважением подумала Варя, мне бы так ни за что не удалось.

Ирочка вылизала тарелку и спросила:

– Мама, можно я во дворе с курочками поиграю?

Варя перевела взгляд на Вейру – мол, вот кто здесь распрягается.

– Пап, можно?

Он снял ее с табурета и вытер носовым платком перемазанную кашей мордочку.

– Не опоздай к обеду.

Она радостно подпрыгнула и умчалась. Вейру вернулся к прерванному завтраку. Внезапно посмотрел на Варю:

– Варешка, почему не ешь?

Она вздрогнула, покачала головой.

– Не идет в горло... Извините, сэки Вейру, я не очень хорошо себя чувствую, – ей было неловко, что она вроде как не желает разделять с ним трапезу.

– Это бывает, – с неожиданным пониманием проговорил он.

Он налил в чашку горячего чаю, пододвинул ей. Сейчас он совсем не казался мерзавцем и кровопийцей. Варя отпила, от чая шел травяной аромат.

– Почему Дайне так странно назвал меня? – спросила

она. – Барбиэ?

Он хмыкнул:

– Ласкательная форма. Это еще цветочки...

Варя не поняла, что – цветочки, но переспрашивать не стала.

На крыльце послышался топот. Ввалился Дайне с букетиком ромашек, за ним – несколько офицеров, Варя поняла это по квадратам и треугольникам на рукавах. Среди них были и женщины. Дайне галантно преподнес ей букетик, и уголки ее губ расплзлись.

– Разрешите вам представить, – сказал Вейру Велд, сердито зыркнув на Дайне, – мою долгожданную супругу, Барби Котову.

Офицеры стали кланяться.

– Барбиэ, это Трин Велд, мой помощник, – указал он на мужчину со шрамом через левую щеку. – Это Элену Мин, – кивнул на франтоватого здоровяка с кипой карт под мышкой. – Хеддо Мине, – женщина показалась Варя знакомой. Он называл еще имена, но Варя по большей части не запоминала. – А это специалист по земной культуре, Асса Миннар, он знает русский язык еще лучше, чем я.

У Асса Минара была бросающаяся в глаза внешность – серые волосы до плеч, живые зеленые глаза. В отличие от всех остальных, он не носил форму, а был в элегантном серо-голубом костюме. Варя взглянула на него со слабым интересом.

– Минар?

– Да, сэке Барби, – ответил он, улыбаясь. – Велд – первый сын в семье, Мин – второй... Ну, а мне не повезло, я третий.

– Почему же не повезло? – возразила она.

Он засмеялся:

– Два драчливых старших брата – это чересчур. Но, – он оглянулся на Вейру Велда, – давайте побеседуем в другой раз. Пора начинать военный совет.

До обеда она валялась в постели, дремала, потом просто лежала, глядя на развевающуюся от ветерка занавеску. За стенкой, в большой комнате, громко говорили по-иррийски, спорили. Ирочка бегала во дворе, иногда из окна доносился ее звонкий голосок.

Обедали всем штабом, не в доме, а прямо во дворе, за большим столом. Ирочка сидела на коленях у Вейру и самозабвенно чавкала, размазывая еду по щекам. Варя сидела рядом с ними, слева к ней подсел Асса Минар и то и дело предлагал что-нибудь попробовать. Желудок выражал протест, и она съела только овощной салат. Ей было неудобно оттого, что она не может есть, а еще пуще – от своего затрапезного вида. Прежде она никогда не позволяла себе выходить к гостям в халате и стоптанных шлепанцах.

Соснув часок после обеда, она попросила старуху хозяйку подобрать ей что-нибудь на ноги и поискать ткани на платье. Кряхтя, та полезла в шкаф и вскоре вытащила на свет божий запыленные серые туфли без задника и большой кусок розо-

вого шелка, кое-где с узелками брака.

– Не взыщи, доча, – развела руками. – Все хорошее ихние бабы отобрали, – она осуждающе мотнула головой в сторону улицы, где как раз собралось несколько ирриек.

Варя стерла пыль с туфель, сунула в них ноги и почувствовала себя наполовину женщиной. Они были чуть великоваты, и фасон уже вышел из моды, но каблук и узкий носок живо напомнили, какой должна быть женская походка. Варя прошла по комнате от окна до двери и обратно, вынужденно присела на кровать – ноги дрожали. Ничего, подумала она, это только первые шаги. Все пройдет, я окрепну после пережитого.

Не вставая, она разложила на кровати ткань и взялась за кройку. Свои мерки знала наизусть – не одно платье сшила себе за двадцать пять лет. Любимое дело спорилось, горело в руках. Ирочка играла во дворе, плескалась водой, потом крутилась вокруг бабульки, та нашла ей занятие – помогать лепить пирожки. На освещенном солнцем подоконнике стояла молочная бутылка с букетиком Дайне. Все было так домашнему, что тревоги и боль отступили куда-то на задний план. Стачивая детали, Варя поймала себя на том, что напевает мелодию из последнего виденного ею кинофильма. Она вроде бы даже почувствовала себя лучше и отважилась за ужином съесть пирожок.

Вейру Велда за ужином не было. Варя помогла старой Нине Петровне убрать со стола, не спеша dokonчила платье. За

окном почти стемнело, когда она вышла умыться на сон грядущий. Воздух был свеж, на западе верхушки деревьев купались в золоте. Она присела на ступеньку и прислонилась спиной к перилам, вдыхая прохладу.

– А ну встань! – повелительно прозвучало из темноты.

Варя вскрикнула от неожиданности, вскочила. К крыльцу подошел Вейру. Похоже, он увидел, как она напугалась, потому что сердитое выражение на лице смягчилось. Молча он снял плащ, сложил его в несколько раз, бросил на ступеньки:

– Можешь сесть.

Варя непонимающе посмотрела на него:

– Что со мной еще может случиться? Я спала в лесу на голой земле.

– И тебе понравилось? – язвительно спросил он. – Чтоб я больше такого не видел, ясно?

– Да, Вейру, – ответила она неуверенно.

– Завтра у меня трудный день. Спокойной ночи, женушка.

Он ушел в избу. Варя проводила его взглядом, внимательно оглядела двор. Вокруг никого, не считая комаров. Выходит, его забота не была театральным представлением?

Наутро деревня словно опустела. Иррийцев почти не стало, только местные бабы судачили у колонки. На юго-востоке занялось зарево, несколько раз вздрогнула земля. Десант захватывал еще один город, поняла Варя. А может, и не один...

– Где папа? – первым делом поинтересовалась Ирочка за завтраком.

– На войне, – хмуро ответила Варя, ковыряясь в ватрушке.

– Ну вот, и этот тоже, – огорчилась Ирочка.

Варю поразило, с какой легкостью ребенок приспособился к новым обстоятельствам. Сама она постоянно ощущала неестественность своего положения. Надо привыкать, вживаться в роль. Иначе она непременно допустит промах.

После обеда Варя сидела за столом во дворе, греясь под нежарким солнышком, обметывала швы у платья, размышляла, что можно сшить для Ирочки из лоскутов, найденных Ниной Петровной. Когда хлопнула калитка и раздались шаги, она решила, что возвращается Вейру Велд. Но это был Асса Минар.

– Не побеспокоил? – вежливо осведомился он, делая приветственный жест. – Вижу, вы одна, все вас бросили: ох уж эти военные!

– Здравствуйте, – ответила она. – Присаживайтесь.

– Вот спасибо, – он с готовностью уселся напротив. – Приятно, когда тебя встречают по-человечески. А то я уже намучился с местным населением: как только заговариваешь с этими варварами, они столбенеют, словно я говорю не по-русски, а то и убегают! Ох, простите, вы ведь тоже землянка...

– Да, – кивнула она, – но я жена вашего командира. Это несколько меняет ситуацию. Хотя я вполне понимаю реакцию этих несчастных женщин.

– Но я же не грожу им квантором! – он пожал плечами. –

Я мирный человек, ученый, меня интересует культура варварских планет...

– Почему варварских? – спросила Варя. – Земля – центральная планета Союза Метагалактики, государства, насколько я знаю, далеко не отсталого.

Он жалобно скривился:

– А как, если не варварской, назвать планету, где для того, чтобы справить свои, простите, надобности, нужно выходить во двор?

– Но здесь же деревня, – объяснила Варя. – В городах все по-другому.

– К сожалению, городская культура и быт для меня – темный лес, – заявил Асса Минар. – Сэки Вейру не любит городов, и мы торчим в этой грязной дыре.

– В том, что касается городской культуры, я могу вам помочь, – предложила Варя. – Я горожанка. Но, впрочем, мне эта деревня не кажется такой уж грязной дырой.

– Различие во взглядах между представителями разных цивилизаций неизбежно, – он развел руками. – Но я очень благодарен вам за ваше предложение. Признаюсь, за этим я сюда и пришел. Просветите меня, а? А я взамен расскажу вам об Ирру.

Планета двух солнц... Роман говорил ей когда-то, что Ирру – наверное, уникальный случай. Не то чтобы в кратных системах вообще не было планет, но климатические условия на них обычно несовместимы с органической жизнью. Даже

у одной звезды узкий пояс жизни, а у двух эти пояса очень редко пересекаются. Планета Ирру вращается вокруг желтой звезды Ван Катру, что означает Свет Небесный. Она восходит на небе Ирру каждые двадцать два часа плюс-минус две трети – так называемые малые сутки. Их точная продолжительность варьируется в зависимости от положения второй звезды, белой Ван Гиллу – Свет Преисподней, которая обращается вокруг общего с Ван Катру центра масс. На Ирру нет как таковой смены времен года, поскольку Ван Катру обогревает планету равномерно, но Ван Гиллу вызывает циклы довольно резкого потепления-похолодания и изменения освещенности длительностью около четырехсот пятидесяти часов. Варя пыталась представить себе, каково это – зима, весна, лето и осень на протяжении всего трех недель; два солнечных диска на одном небе; ночи с большой кроваво-красной луной Ирру, что зовется Терн Катру, Небесный Пожар.

Асса Минар сказал, посмеиваясь:

– Увидите все сами, когда поедете с мужем на Ирру.

Вечером, прогуливаясь по двору, она задумалась о своем будущем. Пока что она при Вейру Велде. А что дальше? Иррийцы занимают город за городом. Скоро война на Земле кончится, десанту будет нечего здесь делать. Но особая служба останется. И, если уедет Вейру Велд, эта контора неминуемо доберется до нее – особисты не прощает старых обид. Возьмет ли он ее с собой? Если да, то как она будет жить на чужой планете, где ее собственный вес вырастет в два раза,

вдали от родины, содержанкой чужого человека? Если нет, то кто еще поможет ей и Ирочке? Для всех они: кому помеха, кому обуза, а кому – бомба замедленного действия.

Хоть бы он не бросил меня здесь, взмолилась она темнеющим небесам. Пусть на другой планете, пусть в чужом доме, содержанкой, прислугой – кем угодно. Лишь бы жить, не оглядываясь, не идут ли по твоим следам солдаты в коричневой форме!

Надо ему понравиться. Надо стать нужной ему.

Ирочка беспокойно ворочалась, вдруг захныкала во сне. Плотно притворив дверь, чтобы не напустить комаров, Варя подбежала к ней, обняла теплое тельце. Ирочка вцепилась в ее руку, как утопающий за соломинку.

– Мама...

Она открыла глаза, в них плескался ужас. Днем новые впечатления вытесняли дурные воспоминания, но они никуда не делись, отозвались ночным кошмаром.

– Что с тобой, лапочка? – ласково спросила Варя. – Все в порядке.

– Мама, – прошептала девочка. – Давай не пойдем больше в лес. Никогда.

– Ладно, – легко пообещала Варя. – Не пойдем. Разве что... – ее глаза расширились от внезапного прозрения.

Разве что объявится настоящая жена Вейру Велда!

Успокоенное дитя заснуло, а она прошла в маленькую комнату, вся трясясь. Настроила планов, идиотка. Никакая

женщина не потерпит при своем муже молодой красивой – чего уж скромничать! – дамочки, даже служанкой или рабыней. И они с дочерью снова окажутся в болоте, из которого едва вылезли. Господи!

Иррийцев не было три дня. Варя догадывалась, что они громят захваченный город, но старалась не давать волю этим мыслям. Так недолго перейти к проклятиям и пожеланиям всему десанту во главе с Вейру Велдом гореть синим пламенем. Но она как никто была заинтересована в их возвращении.

По утрам самочувствие ее было сомнительным. Она ничего не ела, тихо сидела в комнате или на лавке во дворе и копошилась с шитьем. Сшила Ирочке платьице. Потом нашла под кроватью сумку с вещами Вейру, долго думала, этично ли посмотреть, что там находится. Решила, что вряд ли он хранит свои тайны в торбе с тряпками и обувью. Перетряхнула вещи и стала чинить рванье, как прилежная жена. Пусть увидит, что она старается. Починила бы и сапоги с прохудившейся подошвой, но сапожным ремеслом не владела.

После обеда ее одиночество скрашивал Асса Минар. Варя подозревала, что в первой половине дня он просто спал, как это свойственно многим работникам умственного труда. С опаской опираясь на его руку, она прогуливалась по деревенским улицам, болтая о различиях и сходстве между Ирру и Землей.

Асса Минар первый оценил ее розовое платье.

– Вы чудесно выглядите, – сказал он. – Какая жалость, что на Ирру не принято носить платья! Многие женщины выигрышно в них смотрятся. Впрочем, я думаю, что эта земная мода проникнет и к нам.

Варя удивилась:

– Разве Земля – единственная планета, где носят платья и юбки? Я не культуролог, но могла бы назвать несколько.

– Да, да, – признал Асса. – Но в одних случаях это примитивные куски ткани, чье назначение – скрыть наготу и только, в других – сложные конструкции, абсолютно непригодные для, например, езды в общественном транспорте... А вот землянки поражают гармонией своих нарядов.

– Вы же говорили, что мы – варвары, – напомнила Варя.

– В этом вся изюминка. Высокоцивилизованное общество не имеет такого неизрасходованного творческого потенциала, чтобы создавать подобные бесполезные прелести. Оно может их легко копировать, в чем и состоит его мощь. Но цивилизация – это не культура. Культурные новинки произрастают на дикой почве. Потому я и занялся... ну, скажем, слабоцивилизованными планетами.

Он охотно говорил, говорил образно и почти без акцента, умел и слушать, что не всегда входит в достоинства любителей поговорить. С ним было интересно и легко.

На второй день к вечеру, когда Асса ушел записывать добытые крупницы сведений, в дом постучалась Хеддо Мине.

– Привет, – сказала она доброжелательно. – Командир по-

слать. Смотреть, твоя хорошо или нет. Будем на ты?

Варя вспомнила, где она видела Хеддо Мине. Синеволоска, грабившая ее квартиру. Похоже, она не узнавала Варю. Женщине не было дела до внешности жалкой землянки, растающей со своим добром.

Как ни странно, антипатии не возникло. Она не помнит, и я забуду, подумала Варя. Хеддо была женщиной средних лет, крупноватый рот растянут в милой улыбке, сетка из плащовки в мускулистых руках... конечно, не таких, как у Вейру. По сравнению с иррийскими мужчинами иррийские женщины кажутся слабыми и изящными. Это на фоне землянок они выглядят культуристками.

– Ладно, – кивнула Варя, – заходи. Поужинаешь со мной?

– Поужинаешь? – переспросила Хеддо. – Это кушать в вечер? – она с готовностью уселась за стол, провела рукой по лбу, призналась: – Уставать сильно.

– Бой был жаркий? – предположила Варя.

Хеддо засмеялась.

– Бой – нет. После бой, – она выразительно щелкнула себя по горлу, оттопырив палец. – Пить – дерьмо, голова болеть.

Хеддо выражалась предельно простыми предложениями, не требующими расстановки падежей и лиц. Но это ее, кажется, не смущало. Она бухнула на стол сетку, объявила:

– Твоя подарок от командир.

– Подарок? – удивилась Варя. – Мне?

Она заглянула в сетку, гадая, с чего бы Вейру что-то ей

дарить и что именно. В сетке было несколько бутылок минеральной воды, нижнее белье двух размеров и по паре мягких туфель – на нее и на Ирочку. Такого Варя не ожидала. Не поверив, пощупала, ошарашенно достала одну бутылку, откупорила. Хеддо радостно потерла руки и схватила стакан.

– А почему он послал тебя? – спросила Варя, показывая на золотой квадрат на рукаве Хеддо. – Офицер такого ранга – не девочка на посылках. Почему не Дайне?

Хеддо хихикнула:

– Дайне? Ха! – и выразилась более определенно: – Дурак послать Дайне своя жена.

– Почему? Он очень мил.

– Да, – охотно согласилась Хеддо и подмигнула. – Вот потому. А еще твоя муж думать другое. Женский проблема. Не сказать Дайне, сказать моя. Хотишь?

– Спасибо, – Варя отрицательно покачала головой. – Вейру так внимателен...

Хеддо развела руками:

– Для молодая жена все делать. Ладно, ты отдыхать, а моя пойдет, – она поднялась из-за стола.

– Я тебя провожу, – предложила Варя. Ей хотелось прогуляться по вечерней прохладе.

Они вышли со двора. У колонки тетка в мешковатом платье наполняла ведра, глянула на них волком. Хеддо скорчила рожу и положила руку на квантор. Ненависть к захватчикам тотчас исчезла с теткиного лица, она подхватила ведра

и поспешила убраться.

– Злые человеки, – проворчала Хеддо. – Ты не иди далеко. Нельзя после идти одна.

Я бы тоже злилась, подумала Варя. Плевала бы вслед. Если бы не случилось то, что случилось. Если бы эти убийцы, подонки, мерзавцы, злодеи ирки так не заботились о ней.

– Хороший одежда, – сказала Хеддо напоследок, скользя взглядом по платью Вари, всколыхнутому ветерком. – Ты сам делать?

– Да. Люблю шить, – неожиданно призналась она.

Хеддо улыбнулась и, помахав, пошла вдоль заборов легким шагом, привычным к иррийскому тяготению.

Утро было солнечным, но ветреным. Варя проснулась с больной головой и тягостным ощущением в желудке. Едва выползла во двор и чуть не споткнулась о Хеддо. Та сидела на ступеньках крыльца и грызла семечки.

– Привет, Барби, – обернулась она. – Ты поздно вставать. Моя не хотел будить.

– Плохо мне, – со стоном отозвалась Варя, доплелась до умывальника и долго плескалась.

Хеддо смотрела на нее сочувственно.

– Хотишь выпить? – достала из сумки бутылку. – Как это по-русски?.. Как рука снимать. Сиди пожалуйста, – она хлопала по ступеньке рядом с собой.

Варя помотала головой.

– Нет, не хочу. И Вейру запретил мне сидеть на крыльце.

– Правильно, – одобрила Хеддо. – Пить – вред, и сидеть крыльцо – вред, – она поднялась, отряхнулась и пересела на лавку. – Вот, показать тебя один вещь.

Она извлекла из сумки сверток, развернула, бережно растелила на столе. Это был нежно-голубой капрон с дымчато-серым рисунком, Варя сразу его узнала. Отрез, подаренный ей свекровью. Покойной матерью покойного мужа. Ткань пробудила боль в сердце, Варя с трудом сглотнула комок в горле.

– Красивый? – спросила Хеддо, заранее зная ответ.

Варя молча кивнула.

– Хотишь взять? – предложила она, смущаясь. – Сшить себя красивый вещь. Командир нравится.

Варе пришлось сделать усилие, чтобы покачать головой. Ей нравился этот материал, но теперь она не могла смотреть на него без воспоминаний, всплывающих со дна души.

– Нет, спасибо, – выговорила она. – Это твое. Я могу сшить для тебя блузку, если есть желание.

– Блузку? – довольно улыбнулась Хеддо. – Блузку есть это? – она ткнула в Варино платье.

– Нет, это платье. Но на Ирру ведь платьев не носят?

– Моя будет носить, – Хеддо упрямо наклонила голову. – Красивый вещь надо носить.

Асса Минар был прав, подумалось Варе.

Вечером десант вернулся. Воздух сразу наполнился шумом, лязгом, звуками чужого языка, пылью. Варя видела в

окошке, как Вейру Велд хлопнул дверью калитки, с ходу крикнул:

– Старая, готовь баню!

За ним просочился Дайне, такой же запыленный, слегка усталый и слегка под мухой. Он тащил набитый рюкзак. Ирочка отвлеклась от ковыряния в песке, заметив их, оживилась. Вейру подхватил ее на руки, легко подбросил вверх, как мячик, поймал, опять подбросил. Она радостно завизжала.

Варя вышла на крыльцо. Вейру осторожно поставил Ирочку на землю, приглашающе распахнул объятия. Любимой жене не оставалось ничего другого, как только кинуться мужу на шею.

– Здравствуй, золотая, – смеясь, сказал он. – Соскучилась?

– Спасибо за презент, – шепнула она, уйдя от ответа на прямой вопрос. – Это было действительно... то, что надо.

– Я привез еще кое-что, – он показал глазами на рюкзак в руках Дайне, который стоял рядом и довольно скалился. – Не ожидал, что ты уже успела принарядиться, – его взгляд скользнул по шуршащему шелковому платью. Ладное, прилащенное, точно по фигуре, юбка чуть выше колен, сильно расклешенная – материи было много. Он улыбнулся чему-то своему.

Дайне отнес рюкзак в комнату, захватил чистую одежду Вейру, и они пошли париться. Ирочка сразу сунула нос в

рюкзак:

– Мама, посмотри! Тут костюмчик для меня!

Варя вытряхнула вещи из рюкзака. Там была и одежда для девочки, и пара женских платьев – широковатых для нее, но к ним прилагался бисерный пояс, и сапожки, и длинное осеннее пальто. Наверное, отобрал у мирных жителей, подумала Варя. Кроме одежды, была куча лекарств – похоже, Вейру Велд ограбил аптеку. И завернутое в носовой платок золотое колечко с маленьким сапфиром.

– Какая прелесть! – воскликнула Ирочка, примеряя колечко на палец. – Мне велико...

– Положи на место, Ира, – одернула Варя дочку.

Ей было неловко. Она чувствовала, что не сможет носить вещи, отнятые у ни в чем не повинных граждан захваченного города. Но у нее язык не повернется сказать Вейру Велду, что он зря старался.

На ужин она вышла в своем розовом платье, Ирочку тоже оставила в простеньком, но милом лоскутном платьице, несмотря на ее хныканье.

– Правильно, – одобрил Дайне. – Все барахло мира не идет ни в какое сравнение с творением рук очаровательной Барби.

– Опять язык выпустил? – шутя, но с угрозой произнес Вейру.

– Ухожу, ухожу... Увидимся позже, Барбиэ.

Гневный взгляд командира прожег захлопнувшуюся за ординарцем дверь.

– Бабка, вскрой бутылочку, – распорядился он, – и убирайся.

Нина Петровна неприязненно покосилась на него, принесла бутылку водки и две стопочки, поставила одну перед ним, а вторую – перед Варей.

– Она не пьет, – сказал он.

Варя приоткрыла рот и тотчас же его захлопнула. Она все равно не хотела пить. А если бы и хотела?..

Старуха удалилась, бросив:

– Раз меня гоните, придется вам самому к столу подавать.

Варя вскочила, опередив его:

– Не надо, я все сделаю.

Она поставила на стол блюдо с блинчиками, крынку со сметаной. Несмотря на усталость, сходила в чулан и притащила банку варенья. Вейру сел, молча взял блинчик. Волосы его были мокрыми, на лбу блестели капельки воды. Варя опустила на стул напротив, смотря, как он ест, наливает себе водки, пьет.

– Пьете, чтобы отметить очередную победу? – спросила она.

– А? – отозвался он. – Да, победа лучше, чем поражение.

В голосе его не было торжества, лишь едва заметная усталость.

– Кажется, вы не рады, – неуверенно проговорила Варя.

Он взглянул на нее, оторвавшись от стопки.

– Кем ты работала?

– Я? – растерялась Варя. – Н-ну... никем. Я всегда сидела дома, готовила, убирала, шила...

– Понятно. Когда ты вылижешь весь дом, наваришь жратвы – что ты чувствуешь? Радость и восторг?

– Ну... иногда, если я сошью что-нибудь удачное...

– Ты еще очень молода, – он покачал головой и откинулся на спинку стула. – Впрочем, не думай, что я расстроен. Я в хорошем настроении и немного выпивши. Можешь этим воспользоваться, выведать мои секреты. Но не злоупотребляй.

Нет, разведывать военные тайны она не собиралась.

– Я хочу задать только один вопрос.

– Скромность – лучшее украшение. Задавай.

– Что с нами будет, – нерешительно спросила Варя, – когда ваша настоящая жена найдется?

Он хмыкнул.

– Она уже нашлась... если можно так выразиться. В общем, я видел ее. Она больше не моя жена.

У Вари вырвался вздох облегчения. Она даже не стала интересоваться, что произошло между супругами. С нее хватит и того, что эта дама не угрожает ее положению.

– Спасибо, что пришила пуговицы, – сказал Вейру неожиданно. – Это было не обязательно.

– Разве жена может позволить мужу ходить с оторванными пуговицами? – удивилась Варя.

– У нас – может. Но мне начинают нравиться ваши обы-

чай, – он залпом допил водку и поднялся из-за стола. Казалось, координация движений у него ничуть не пострадала. – Кстати, Варешка, будь спокойна: я не отбирал те тряпки, что лежат в рюкзаке, у беспомощных женщин. На них есть магазинные бирки. А что продавца в магазине не оказалось – это уж его сложности.

Он усмехнулся и ушел своей обычной тигриной походкой, словно и не пил ничего. Варя принялась убирать со стола. Ирочка клевала носом, не выпуская из рук банку из-под варенья. Варя забрала банку, послала ее умываться.

Уложив Ирочку, она сгрызла яблоко, снова перебрала подарки Вейру Велда. Действительно, одежда была с бирками. И в платке вместе с колечком находилась квитанция, информирующая о содержании золота, весе и еще какой-то ерунде. Варя надела кольцо – оно было как раз по руке. Как он угадал размер? Глазомер, наверное, хороший. Она вдруг вспомнила, как страшный мужик – не ирриец, землянин! – сорвал с нее в болоте обручальное кольцо. Навернулись слезы. Это была последняя вещь, которая оставалась у нее от Романа. А теперь она будет носить кольцо Вейру Велда. Хочешь, не хочешь – примерная жена должна носить мужнины подарки. Впрочем, колечко было красивым.

Она легла спать, но сон не шел. В приоткрытое окно задувал легкий ветерок, теребя натянутую марлю и донося запахи дыма и травы. Громкие голоса нестройно выводили бодрую песню. Слышался смех, визг. Иррийская молодежь про-

должала трехдневную пьянку.

Дверь скрипнула. Вейру Велд зажег настольную лампу, скинул сапоги. Варя прикрыла глаза, притворяясь спящей. Он снял рубашку, некоторое время рассматривал зашитые Варей места. Она следила за ним сквозь узкие щелочки между веками. В который раз поразились развитой мускулатуре. Spина была в следах от пуль и в старых, более светлых, чем кожа, шрамах. Когда Вейру вешал рубашку на стул, повернулся лицом. И на груди были шрамы. Сколько же нужно воевать, и не командиром, а простым солдатом, чтобы получить столько ранений? Сколько ему лет? Прожил ли он хотя бы десяток из них без войны? Вейру начал снимать брюки, и Варя напрягла зрение. Пупок располагался очень низко – Варя где-то слышала, что это характерная особенность иррийцев, как и полное отсутствие волос на всем теле, кроме головы. Возле пупка тоже белела полоса от лазера. Мелькнула мысль, что еще немного, и мужскому достоинству Вейру Велда пришел бы конец.

Он подошел к кровати со всегдашней обманчивой лентой, резко откинул одеяло. Варя невольно схватилась за краешек, чтобы не оказаться совсем голой.

– Нечестно, – укоризненно произнес он. – Ты же бессовестно пялилась на меня.

И как он заметил, в смятении подумала Варя. Его не проведешь.

Он ждал. Она зажмурилась и отпустила одеяло. Напился

– мало ли что в голову взбредет, если упорствовать.

– Неплохо, – присвистнул Вейру и медленно провел рукой по ее спине и ягодицам. Кожа была нежная, шелковистая, укусы болотных гадов прошли – бабкины травы сделали свое дело. Варя чуть подрагивала от напряжения, ногти впились в подушку. Она чувствовала, как краска заливает ей лицо и распространяется дальше по телу.

– Перевернись, – приказал Вейру.

Не смея открыть глаза, она перевернулась на спину. Раздвинула ноги, не дожидаясь, пока он сделает это сам.

– Умница, – усмехнулся он. – Но не стоит торопиться, – он положил ладонь ей на грудь. – Знаешь, чем мне нравятся землянки? Мягкая грудь, – его рука перешла ей на плечо, заскользила по предплечью, обхватила тонкое запястье, – гладкие нежные ручки, мышцы которых так деликатно спрятаны под слоем жира, тонкие косточки...

Он сжимал ее запястье все сильнее. Ей стало больно, потом очень больно. Она открыла глаза и умоляюще взглянула на Вейру. Тот смотрел сквозь нее, не замечая. Она закусила губу, на глазах выступили слезы. Кисть онемела. Она слышала, как хрустят хрящики.

– Сэки Вейру, – всхлипнула она, не выдержав. – Пожалуйста, сэки Вейру...

– Сэки Вейру? – переспросил он, слыша ее и не слыша. – А почему не милый Вейру? Не сладкий котик?

– Но ведь никого нет...

– Зачем тогда ножки расставила?

Боль стала невыносимой. Варя застонала, срываясь на рыдание, безуспешно попыталась вырвать руку из железной хватки.

– Милый, сладкий! – сквозь слезы взмолилась она. – Я не могу больше... не надо, пожалуйста!

Вейру словно очнулся, отсутствующее выражение слетело с лица. Он поспешно выпустил ее руку, пробормотав под нос иррийское ругательство.

Варя отвернулась и тихо заплакала, скорчившись и прижимая к груди руку с белыми следами его пальцев. За что он ее так? Она сделала все, чтобы он был доволен, и сделала бы еще больше. Неужели он и впрямь такой садист, что только чужая боль приносит ему удовольствие? После внимания, которым он ее окружил, после подарков она никак не ожидала ничего подобного. Она успела отвыкнуть от грубости иррийцев и даже готова была признать, что не все они – сволочи.

Вейру Велд ушел, оставив ее одну. Она встала, налила себе здоровой рукой минеральной воды. Холодная минералка не облегчила боль, но прояснила мысли. Ведь, в сущности, ничего не произошло. Она сама виновата, что поверила в сказочку о добром и благородном иррийском командире. Конечно, приятно думать, что человек, от которого зависят твоя жизнь и благополучие, добрый и благородный. Но вначале, пока она еще не нацепила розовые очки, она была

согласна и на то, чтобы он ее бил, заставлял работать, принуждал к неестественным формам секса – лишь бы не выдал особой службе. Так что ж теперь плакать? Надо просто расстаться с розовыми очками и продолжать играть свою роль.

Но все-таки она плакала, пока не заснула.

Утром запястье распухло, по нему расползся жуткий кровоподтек. Попытки воспользоваться рукой приносили боль, но Варя, надев одно из подаренных Вейру Велдом платьев с длинным рукавом, вышла помочь Нине Петровне с завтраком. Бабка вскоре заметила ее неловкие движения, всплеснула руками, отобрала у Вари нож и принесла какие-то мази.

– Не дело так обращаться с молодой женой! – сурово отметила она. – И ты, доча, после этого кушать ему готовишь?

– Но он же мой муж, – слабо возразила Варя.

– Ага, ага, – закивала бабка. – Добрый и ласковый. Как же, помню.

Варя вспыхнула:

– Зря вы так! Он меня любит. И я его – тоже.

– Любовь зла, полюбишь и козла, – изрекла непреклонная старуха.

Она ушла к соседке, выражая свое полнейшее нежелание вмешиваться в их семейные дела.

Вейру Велд явился уставший, с синевой под глазами – видно, не спал всю ночь. Варя постаралась поздороваться с ним приветливо, сделала попытку усадить его в кресло, которую он проигнорировал и сел, как обычно, на табурет, по-

дала салфетку. Когда ставила перед ним миску с сырниками, больная рука дрогнула.

– Ну-ка закатай рукав, – велел он.

Варя послушно расстегнула манжету, засучила левый рукав до локтя. Вейру покачал головой.

– Хочешь, отведу тебя к врачу?

– Спасибо, со мной все в порядке, – ответила она.

– Прости, я не хотел.

– Не стоит извиняться.

– Я действительно не хотел. Мне очень жаль.

Жаль ему! Варю хотелось одного – чтобы он отвязался со своими дурацкими извинениями. Наломал дров – ладно, имеет право, но неужели нельзя теперь оставить ее в покое?

– Все в порядке, сэки Вейру.

Он помрачнел.

– Когда я перепью, то иногда совершаю поступки... как бы это выразиться... странные. Я помню, что вел себя безобразно. Приставал к тебе... и вот это, – он кивнул на ее руку. – Я просто отключился, Варужка. Знаю, ты мне не веришь, но на трезвую голову я никогда бы тебя не обидел. Много лет назад – может быть. Но не сейчас.

– А что изменилось? – осторожно спросила Варя.

– Я избавился от подростковой привычки самоутверждаться за счет слабых.

Он помолчал немного.

– Четвертый день после победы – всегда самый тяжелый.

Лезет наружу всякое дерьмо. Постарайся не попадаться мне на глаза в такие дни. Видишь ли, я не могу обещать, что это не повторится.

Как ни странно, именно последняя фраза убедила Варю поверить ему. Другой начал бы клясться и божиться, что больше так не будет, а через день нарушил бы слово. Вейру Велд, по крайней мере, предупреждал ее честно.

– Кушайте кашу, – сказала она. – А то Ирочка уже поглядывает на вашу порцию.

Ирочка, со свойственной детям способностью слышать из разговора только то, что затрагивает их интересы, тут же среагировала:

– Хочу добавку!

Варя налила ей еще один половник, подлила горячего Вейру. Пока они ели, она глядела в окно на кур, копошащихся во дворе. Мысли опять перепутались.

– Что с тобой? – голос Вейру вывел ее из подобия транса.

Тарелки были уже пусты, миска творога вычерпана до дна. Ирочка скакала на крыльце по ступенькам.

– Я не могу понять, – проговорила Варя, – почему все-таки вы спасли меня?

Он улыбнулся.

– Это простой вопрос. Во-первых, подложить дерьма особой службе – всегда удовольствие. А во-вторых, не мог же я спокойно смотреть, как мои солдаты бьют беременную женщину.

У Вари отвалилась челюсть – довольно некрасивое выражение лица, но в тот момент она думать забыла об изяществе манер:

– Что вы сказали?!

– Ну, во-первых, – со вздохом стал повторять Вейру, – я не люблю особую службу...

– Нет! – перебила она без должного почтения. – Вы сказали – беременную женщину! С чего вы взяли?

Он загадочно усмехнулся:

– Поживи с мое – узнаешь.

Варя молчала некоторое время, переваривая информацию и прислушиваясь к себе. Вот на что, оказывается, можно списать ее недомогания. А она-то думала, что это последствия нервного перенапряжения, холода, голода и болотной заразы. Другое объяснение ей даже в голову не пришло. А этому мужчине, ни разу не рожавшему, было достаточно одного взгляда!

– Нет, – растерянно пробормотала она. – Не может быть. После всех ужасов, что я натерпелась...

Она потрогала живот, засмеялась.

– Почему вы раньше не сказали?

– Я не доктор, ты не пациент, – он пожал плечами. – И вообще, я думал, ты знаешь.

– Я и сейчас-то не уверена... А вы правду говорите? – она вдруг с подозрением всмотрелась в его лицо, боясь, что он ее разыгрывает.

– Я тебя обманывал хоть раз?

– Ну... мы знакомы-то всего ничего.

– Ясно, – сухо сказал он. – Намек понят. Мог бы еще не успеть.

Он поднялся, собираясь уйти. Варя вскочила, поняв, что задела его, подбежала, схватила за рукав.

– Сэки Вейру! Не сердитесь, пожалуйста. Я так рада, что у меня голова кружится...

Она заискивающе наклонила голову набок. Вейру не удержался от улыбки.

– Голова у тебя кружится от слабости. Перестань прыгать и займись чем-нибудь спокойным, а то упадешь.

Он легко отстранил ее и вышел. Она выскользнула за ним, хотела присесть на крыльцо рядом с уставшей бесить-ся Ирочкой, но вспомнила, что нельзя. Остановилась, опершись о перила.

– Мам, ты чего такая счастливая? – спросила Ирочка.

– У нас будет прибавление в семье, – ответила она, мечтательно глядя вдаль.

Дитя обрадовалось:

– Собачку, что ли, купим?

Варя собиралась начать платье для Хеддо, но левая рука отказывалась повиноваться. Так она и просидела во дворе всю первую половину дня, ничего не делая и предаваясь радужным мечтам о будущем. Она сознавала, что мечты ее большей частью нереальны, но воображать гораздо прият-

нее, чем вспоминать о прошлом. Что было, уже не изменишь, а рядом с хорошим случалось и плохое, да и то хорошее, что было когда-то, отравлено горечью настоящего. Будущее же пока бесплотно. Можно представлять его в мрачных красках, можно – блестящим и безоблачным, в зависимости от настроения. А настроение у Вари было таким чудесным, что она даже забыла о ноющей руке и о том, что передумала ночью о Вейру Велде.

Перед обедом появился Асса Минар, тут же сделал комплимент:

– Вы сегодня необыкновенная, сэке Барби. Прямо светитесь изнутри. И платье вам удивительно идет.

– Это мне Вейру подарил, – скромно пояснила Варя.

Платье было васильково-синее, с белым кружевным воротничком и такими же кружевными манжетами на длинных рукавах. К сожалению, рукава оказались не настолько длинные, чтобы закрыть весь кровоподтек, а Асса Минар, несмотря на свои ученые занятия, имел острое зрение.

– Что с вами? – спросил он встревоженно. – Вы повредили руку?

– А, пустяки, – улыбаясь, отмахнулась Варя. – Упала неудачно. Это скоро пройдет.

– Да? – он пригляделся. – Вы думаете, если я ученый, то вовсе жизни не видел? После падения бывают другие синяки. А это – следы грубых пальцев.

Варя со вздохом отвернулась. Ее злило, что травма столь

заметна и очевидна, и что каждый, кто ее видит, начинает домысливать свое.

– Простите, сэке Барби... ваш муж бил вас?

– Давайте поговорим о чем-нибудь другом, – раздраженно предложила она.

– Прошу вас, не смущайтесь. Вы, конечно, ничем не заслужили такого обращения. Но этого вполне можно ожидать от пьяного грубого вояки.

– Сэки Асса! – негодуяще воскликнула Варя.

– Я только хотел предложить помощь, – он развел руками. – Может, у вас есть другие повреждения? Или проблемы психологического характера?

– У нас все отлично, – сквозь зубы выговорила Варя. – Вейру – прекрасный, любящий, заботливый муж. А вы – бестактный идиот!

– Понял, – сник Асса. – Как это по-русски? Милые бранятся – только тешатся.

Он постоял немного, уставившись на спину Вари. Золотые локоны очень красиво смотрелись на синем фоне. Она сидела за столом, отвернувшись и подперев голову руками.

– Вы все еще здесь? – осведомилась она, не оборачиваясь.

– Я, собственно, почему пришел, – извиняющимся тоном произнес Асса. – Сейчас штаб явится сюда обедать. Будет обсуждаться направление очередного удара.

– Штаб? – переспросила Варя и поморщилась. – Куча народа, которая непрерывно спорит, да еще и по-иррийски. Бо-

лее неподходящую компанию для обеда трудно придумать.

– Вам скучно, потому что вы не знаете иррийского языка. Если бы вы могли следить за их перепалкой... Бывают весьма забавные моменты.

Варя оглянулась.

– А вы можете научить меня иррийскому?

– С легкостью, – Асса Минар позволил себе улыбнуться.

Варя сделала приглашающий жест. Он сел за стол рядом с ней.

– С легкостью? – сомневаясь, проговорила Варя. – Я полагала, изучение языка – трудное дело.

– У меня есть трехдневный курс гипноза, – объяснил Асса.

Варя вытаращила глаза:

– Разве можно выучить чужой язык за три дня?

– Ну вот, – снисходительно усмехнулся он, – и вы еще убеждали меня, что Земля – не варварская планета. Этой методикой пользуется весь цивилизованный мир. Конечно, через три дня вы не будете знать иррийский в совершенстве, но гипноз дает широкий лексикон, а уж грамматику усвоите в процессе общения. Она у нас легкая, не то что в русском языке.

Варя изумленно покачала головой. Ей начинало казаться, что ее родная Земля действительно приотсталала в области современных технологий.

– Ну что, вы согласны на гипноз? – спросил Асса.

– Конечно! Не думаю, что меня развлекут дискуссии офицеров о путях завоевания моей планеты, но язык пригодится в жизни. Тем более что я живу в иррийском окружении.

– Вам, наверное, одиноко? – участливо предположил Асса. – Не с кем поговорить по душам?

– Да нет, – Варя пожала плечами. – Вейру свободно говорит по-русски. И Дайне тоже.

– Держитесь от Дайне подальше, – посоветовал Асса. – Он такой сердцеед!

– Это я-то? – раздался знакомый голос. – Сэки Вейру, запретите ему меня дискредитировать, а то ваша милая супруга перестанет со мной общаться!

Вейру Велд шел к крыльцу, за ним следовал верный Дайне. Во двор заходили другие чины – Трин Велд, Хеддо Мине, Элену Мин, Раки Велд...

Варя спрятала левую руку под полотенце, словно бы случайно прихваченное со стола, и, повинувшись долгу хозяйки, пошла здороваться.

После обеда на столе расстелили карту, началось обсуждение. Ирочка, налопавшись, заснула, а Варя вышла за калитку. Кусты малины вылезали с другой стороны забора, и она решила их оборвать, пока до этого не додумались соседи.

С окраины тянуло запахом жареной дичи. Там горели костры у палаток десанта. Очень немногие жили в деревенских домах: солдаты Вейру Велда больше привыкли к полевым условиям. Да и, говоря по чести, маловата была деревня, что-

бы вместить такое количество людей.

Иногда по улице проходили иррийцы, небрежно салютовали сжатыми кулаками супруге командира. Варя почти не обращала на них внимания. Чужаки за спиной постепенно переставали ассоциироваться с опасностью. Зато взгляды местных обжигали ее. Однажды она услышала, как кто-то прошипел: «Предательница». Она молча не соглашалась с этим. Кого она предала? Людей, которые отказали ей в приюте? Которые были готовы выдать ее коричневым за деньги? Которые не погнушались ограбить женщину, утопающую в болоте? Да она и не приносила присягу ни Союзу Метагалактики, ни Ирру. Единственное, в чем она могла себя укорить – так это в том, что связала свою судьбу с главным врагом своего мужа. Но Роману теперь все равно, а остальных это не касается.

Деликатное покашливание за спиной оторвало Варю от раздумий. Она обернулась. Перед ней стояли двое, одного она узнала: тот самый ирриец, который поймал ее у костра, рослый шатен с широкой челюстью. Спутницей его была женщина со светло-голубыми кудрями и такими же глазами. На лице ее было написано любопытство.

– Здравствуйте, сэке Барби, – сказал ирриец с тяжким вздохом. Нервные движения рук, то и дело поправлявших короткий ежик на голове, выдавали крайнее смущение. – Вы помните моя?

– Еще бы не помнить, – с произвольной резкостью от-

ветила Варя. Она прекрасно помнила, как этот тип швырнул ее на землю и замахнулся ногой.

– Жаль, – вздохнул он и замолчал.

Женщина толкнула его локтем в бок. Он вновь набрал в грудь воздух.

– Э-э... Пожалуйста, сэке Барби, прощать моя! Мы быть на посту, лес есть много-много шпион...

Женщина тихо хихикнула. Он явно преувеличивал.

– Моя не знать, – он виновато развел руками. – Моя очень жаль.

Женщина опять хихикнула.

– Им командир такую выволочку устроил, что на всю жизнь запомнят, – она, в отличие от своего спутника, говорила по-русски довольно свободно. – Он до вчерашнего вечера внеочередные наряды отрабатывал!

Против воли уголки Вариных губ приподнялись. Вейру Велд сурово наказал недотеп! Она даже ощутила сочувствие к этому парню, получившему взыскание, на самом-то деле, ни за что, только для поддержания ее легенды.

Парень усмотрел в проявляющейся улыбке признак прощения.

– Моя есть Петер Велд, – представился он и почтительно добавил: – Если сэке Барби разрешать моя. Моя жена Ненте Мине. Ненте хотеть вас говорить.

– А о чем вы хотели со мной поговорить? – поинтересовалась Варя. Честно говоря, ее обрадовало, что поговорить

хотела эта незнакомая ей девушка, а не сам Петер Велд: прошлый их разговор не вызывал у нее желания снова общаться с Петером.

Ненте опять хихикнула – то ли смешливость была ее неотъемлемой чертой, то ли она стеснялась.

– Сэке Барби, вы очень элегантно и красиво одеваетесь. Сэке Хеддо сказала, что вы будете шить ей такую одежду... как это?.. плащ? платок?

– Платье, – подсказала Варя.

Ненте благодарно кивнула головой.

– Я и одна моя подруга тоже хотели бы... если это вас не затруднит, – она обаятельно улыбнулась. – У нас есть хорошая ткань, нитки – все, что надо.

– Ну... ладно, – неуверенно согласилась Варя.

Она подумала, что Хеддо слишком уж рекламирует ее мастерство. Если так пойдут дела, ей придется обшивать весь десант, а женщин, падких на оригинальные наряды, в нем почти четверть.

– У меня есть что предложить взамен, – сказала Ненте. – Прекрасная золотая фенечка.

– Фенечка? – ошарашенно переспросила Варя.

– Как это по-русски? – Ненте сделала неопределенное движение руками вокруг шеи. – Висячка? Висючка?

Петер подобной терминологией не владел и ничем не мог помочь.

Они договорились, что Ненте принесет материал и та-

инственную висючку завтра утром. Но утром рука у Вари разболелась еще больше. Опухоль не спадала. Вейру хмуро взглянул на нее и велел:

– Идем к врачу.

Она уцепилась за его локоть:

– Только не очень быстро... если можно, сэки Вейру.

По утрам ей все еще нездоровилось.

– Дерьмо и моча! – сказал он, помогая ей спуститься с крыльца. – Брось ты это «сэки». Глупо переходить на «вы», как только мы остаемся вдвоем.

Не более глупо, подумала вдруг Варя, чем обниматься и целоваться на людях, а ночью, лежа в одной постели, не обращаться друг на друга внимания. Вейру сокрушался, что вел себя безобразно в первую ночь после возвращения, но по крайней мере тогда он вел себя естественно.

Необходимость смотреть под ноги, чтобы не запнуться о камни неровной мостовой и не ступить в лепешку, отвлекла ее от мыслей.

Госпиталь располагался в большом деревянном доме на краю деревни. Раньше здесь был фельдшерский пункт. Иррийцы не стали почти ничего менять. Старая фельдшерица и девчонка при ней – не то ученица, не то ассистентка – продолжали работать. К ним присоединились иррийские врачи – молодой человек в контактных линзах и с тонкими пальцами, но не расстающийся с оружием, и дама в возрасте, занимающаяся коллекционированием наркотиков разных планет

и регионов. Старушка с красным крестом на белом халате и дама в сине-зеленом фартуке с такого же цвета волосами курили на крылечке.

– Вейру, – заколебалась Варя. – А вы... ты не боишься, что они поймут, откуда у меня это? – она чуть подняла руку.

– Я боюсь, что у тебя кость треснула, – сказал он и подтолкнул ее к крыльцу. – Пойдем.

Зеленоволосая дама приветствовала командира сжатым кулаком.

– Кори, – сказал он, – позволь представить тебе мою жену Барби.

Кори окинула ее приветливым взглядом и затушила сигарету.

– Командир рассказывал мне о вас. Правда, я думала, что вы брюнетка.

– Когда мы с ним познакомились, я красила волосы, – проговорила Варя, нещадно краснея.

– Да ладно, ничего страшного, – врачиха по-своему интерпретировала ее смущение. – Волосы красят не только для того, чтобы скрыть седину. На что жалуетесь? – она обшарила Варю профессиональным взором и тотчас вычленила кровоподтек на запястье. – Так, сейчас сделаем рентген. Сэки Вейру, ждите здесь, – и она уволокла Варю вглубь дома.

Кори работала споро и не задавала лишних вопросов, а чтобы развлечь пациентку, рассказывала смешные истории студенческой поры, связанные в основном со вскрытием тру-

пов и с гипсовой моделью полового члена, стоявшей в шкафу в препараторской.

– Придется вам ежедневно заходить на процедуры, – сказала она на прощание. – Заодно и поболтаем.

Варя не знала, как ей отнестись к этой перспективе. Слушать Кори было интересно. Но вдруг она все же начнет расспрашивать, а врачи – народ дотошный?

Вейру Велд все еще стоял на крыльце и что-то говорил бабке-фельдшерице о сухом пайке. Кори сдала ему Варю с рук на руки.

Когда они отошли подальше, Вейру спросил:

– Надеюсь, ты не лягнула ей, что беременна?

– Нет, – ответила Варя.

– Вот и хорошо. Еще рановато. Кори – умная бестия.

– Вы... ты хочешь выдать ребенка за своего?

– А ты бы предпочла, чтобы все гадали: и кто это старался за командира? Ты моя жена, не забывай.

Во дворе ее дожидалась Ненте, зевая от скуки. Она принесла шелк, черный в мелкий синий цветочек, и загадочную висячку, которая на поверку оказалась ожерельем. Договорились, что Варя приступит к шитью, как только подлечится рука.

После обеда Асса Минар позвал ее на первый сеанс гипноза. Поначалу Варя трусила, но все было просто и нестрашно: коробочка с диском – вроде плеера – и наушники. Она не почувствовала изменений после этого, но вечером, гуляя

во дворе, вдруг осознала, что понимает некоторые слова в доносящейся с окраины песне.

На следующий день она поздоровалась с Вейру по-иррийски, и он молчаливо одобрил то, что она изучает иррийский язык.

– Ты возьмешь меня с собой на Ирру? – спросила она. – Тогда мне очень пригодились бы эти знания.

Он ответил:

– Посмотрим.

Она не могла позволить себе настаивать.

А через день десант опять проводил боевую операцию. Вейру Велд не счел нужным предупредить об этом Варю, и она промаялась все утро, боясь идти в госпиталь одна. Во второй половине дня, как всегда, явился Асса Минар, и она, смущаясь, попросила:

– Вы не проводите меня к врачу?

– О чем речь! – тут же отозвался он, беря ее под руку. – Провожать такую очаровательную даму – честь для любого. Почему-то ваш супруг низко ценит эту честь.

– Он занят, – возразила Варя. – Он не может постоянно меня опекать, у него есть служба.

– Война! – пренебрежительно фыркнул Асса. – Никакие военные подвиги не стоят того, чтобы ради них покидать любимую жену.

Варя вздохнула. Хоть она и не была женой Вейру Велда в полном смысле слова, ее в самом деле задело, что он оставил

ее одну, ничего не сказав. Но не могла же она признаться в этом Асса Минару!

– Подобные мотивы хороши для периода ухаживания. А замужняя женщина предпочитает, чтобы муж работал или служил. И обеспечивал ее.

– Интересный аспект ментальности, – изрек Асса.

Они помолчали.

– Впрочем, кое в чем вы правы, – сказала Варя немного спустя. – Война – безобразная штука.

– Я рад, что вы согласны со мной, – улыбнулся Асса. – Вы умная женщина. И это поразительно сочетается у вас с самоотречением. Я понимаю старика Вейру, такой букет не мог не привлечь его.

– Самоотречение? – изумилась Варя. – Что вы!

– Вы кудахчете над своим мужем, как пестрокрылка над яйцом, готовите ему кушать, зашиваете его дырки... Вы тащились через леса и топи, чтобы быть с ним. Даже когда его нет рядом, как сейчас, вы думаете о том, какой он хороший!

– Я его люблю. Разве это неестественно?

– У нас называют любовью другое. В вашей цивилизации все женщины мазохистски ориентированы?

– Не вижу в своем отношении к Вейру ничего такого, – сухо проговорила Варя. – Если вы опять о моей руке, то я уже говорила, что это случайность. У меня замечательный муж, и нет ничего странного в том, что мне хочется быть рядом с ним и проявлять посильную заботу о нем.

Асса непонятно усмехнулся:

– Хотел бы я иметь такую же жену!

Несмотря на периодические разногласия, Варя продолжала держаться культуролога. И дело было не только в том, что в отсутствие десанта он оставался единственным мужчиной, способным ей помочь. Он был интересным собеседником, остроумным и не без обаяния. Даже ссоры с ним не слишком раздражали Варю. Он легко просил прощения и легко получал его, потому что она сознавала, что причина его критических замечаний в адрес ее ближайшего окружения состоит в его неравнодушии к ее бытию. Большинство людей, встречавшихся Вале в жизни, имело к ней либо явно корыстный, либо чисто светский интерес. А Асса Минара, похоже, и впрямь волновало то, что с ней происходит.

Придя в госпиталь на следующий день, Варя поняла, что очередная операция десанта увенчалась успехом. Вокруг дома на травке загорали легко раненные, бодро переговариваясь между собой. Она заметила среди них молодого паренька, так жадно смотревшего на нее в тот день, когда она стала фиктивной женой Вейру Велда.

– Как дела? – спросила она по-иррийски, подойдя сзади.

Он испуганно обернулся, робко заулыбался:

– Сэке Барби... Ну, все отлично. Автозавод к червям взорвали, никто и не пикнул... – он сообразил по выражению Вариного лица, что ляпнул что-то не то. – Сэке Барби, вы ведь не обижаетесь? Если что, Латэ Мин к вашим услугам.

Варя прошла в помещение. У окна светловолосая девка в джинсовых шортах и красной майке, насвистывая веселый мотивчик, бинтовала руку какому-то иррийцу. Тот все пытался ухватить ее здоровой рукой за голую ляжку, но деваха привычно увертывалась без заметных усилий. Когда это стало ей мешать, она беззлобно предупредила:

– Ща и вторую в гипс.

Потом перешла к другому раненому:

– Ну, что у тебя, чучело?

– А где сэке Кори? – спросила Варя.

Девка отвлеклась от мазей.

– Ох, вы супруга ихнего командира, верно? Сэке Кори там с тяжелыми, – она махнула рукой вглубь коридора. – Давайте я вам все сделаю, ирки подождут.

Варя села за столик и осторожно протянула ей замотанную руку:

– А ты не боишься, что они станут возмущаться?

– Они по-русски не петрят, – беспечно ответила она. – Да и какой дурак будет требовать, чтобы его обслужили вперед командирской жены? Кстати, меня зовут Элеонора. Можно Элька, – она разматывала бинт. – Что там у вас, трещина? Ща посмотрю конспект, – она вынула из заднего кармана шорт свернутую трубочкой толстую тетрадь.

– Училась в мединституте? – спросила Варя.

Элька отрицательно мотнула головой:

– В училище, на фельдшера. Выгнали со второго курса, –

доверительно сообщила она. – Пара по анатомии. Кому эта анатомия нужна? Полтора года зубрила, как дура, как называются по латыни какие кости. А толку? Штопаю ирок, а у них все по-другому. Никакая латынь не поможет.

Она внимательно изучила Варину руку и стала накладывать мазь невыносимо зеленого цвета.

– Да вы не бойтесь, – успокоила она Варю, перехватив ее подозрительный взгляд. – Чего не знаю, за то не возьмусь. «Не навреди» – первое правило.

– А что это за мазь? – поинтересовалась Варя.

– Хрен ее знает. Иррийская. Называется по-ихнему так, что язык в трубочку сворачивается. Но здорово помогает при трещинах, ускоряет сращение переломов... Вообще у ирок много клёвых медикаментов, мы таких не проходили.

– Между нами, – тихо сказала Варя, – меня называли предательницей только за то, что я замужем за иррийцем. Как же вы с бабкой лечите их?

– Кровь у всех красная, – Элька пожала плечами. – И, как утверждает Федоровна, в клятве Гиппократата не указано, что лечить нужно только землян. Значит, священный долг. В таком деле патриотические соображения могут идти на хрен.

Вечером Варя рискнула предпринять с Асса Минаром непродолжительную прогулку вокруг деревни. Она чувствовала, что силы начинают возвращаться к ней. Ведь еще недавно она и с крыльца-то спускалась еле-еле. За околицей змеилась тропинка. Дожди не лили уже давно, и тропинка

была вполне проходима. По бокам алела земляника. Варя с важным видом консультанта сказала Асса, что эти ягоды съедобны и очень вкусны, и он прилежно собирал их в полиэтиленовый пакетик. Когда стемнело и комары совсем озверели, они как раз завершили круг.

– Замечательные ягоды, – восхищенно отметил Асса, прощаясь с Варей у крыльца. – Здесь есть еще какие-нибудь достойные дары природы?

– Разумеется, есть, – засмеялась Варя. – Только нужно зайти в лес.

– Может, сходим завтра? – предложил он. – Если вам, конечно, не трудно...

– Думаю, что не слишком, – ответила она.

Варя проснулась утром непривычно бодрая. Голова, правда, кружилась, и временами перед глазами пропадало изображение, но отвратительная тошнота, которая так изводила ее, не появилась. Варя съела пару бутербродов, глотнула молока. Осторожно подвигала рукой – боль стала заметно меньше.

Обрадовавшись, она хотела взяться за платье для Хеддо, но на глаза ей попались разбросанные по углам комнаты вещи Вейру. Скоро он вернется, подумала она, а чистой одежды нет. И она решила устроить стирку.

Нина Петровна отнеслась к ее затее без энтузиазма. По ее мнению, муж, калечащий свою жену, не заслуживал, чтобы ему стирали.

– Даже если вы так считаете, – возразила Варя, – надо постирать Ирочкины вещи, постельное белье, мое розовое платье. Все равно я хотела сходить в баню, так что греть воду придется.

Старуха поставила воду, поворчала еще немного и неожиданно вызвалась помочь со стиркой. Варя подозревала, что не от радения за постояльца, а из жалости к ней, но отказаться и не подумала.

Они развесили мокрое белье во дворе на веревках, подпираемых длинными рогульками. Потом, все убрав, взяли Ирочку и парились втроем, пока вода не остыла. Обедали поздно, тени были уже длинными, а дневная жара переходила в спокойное тепло.

В госпитале Элька встретила Варю вопросом:

– Слушай, а от ирок дети бывают?

Откуда мне знать, собиралась ответить Варя, но вовремя опомнилась. Сказала, чуть покраснев оттого, что это случайно может оказаться неправдой:

– Бывают.

Элька удовлетворенно кивнула.

– А что, – спросила Варя, – ты у их врачей не могла поинтересоваться?

Она слегка смутилась.

– У дока как-то неловко, еще примет на свой счет. А сэке Кори только смеется и советует проверить на опыте.

Элька разбинтовала Варину руку, осмотрела.

– Ну, видишь, какие улучшения. Погоди, еще мази наложу. А ты, случаем, не в курсе, когда десант отсюда уйдет?

– Почему ты думаешь, что он уйдет? – удивилась Варя.

– Ну, не век же им торчать в нашей богом забытой глуши. Впереди новые завоевания... Подождут сеновалы да уйдут, поминай как звали.

– Не знаю, – вздохнула Варя. – Мой муж передо мной не отчитывается.

– Да-а... Мужики, они такие, хоть вообще замуж не выходи, – она помолчала. – Я, наверное, пойду вместе с ирками. Местные пациенты и одну Федоровну-то не прокормят. А зима будет голодная...

– А тебя согласятся взять? Ты уже говорила с кем-нибудь?

– Возьмут, куда денутся. В боевой части лекари лишними не бывают. А мне сухой паек и место у госпитальной печки – тоже не лишняя вещь. Да и научусь ремеслу как следует. Руки у меня верные, может, к доку прилажусь ассистентом, там и денежки закапают...

Она завязала аккуратный бантик на свежей повязке и сказала с внезапной злостью:

– Хорошо старухам, которым все одно помирать, да глупым теткам, что кроме своего огорода никуда глядеть не хотят, о предательстве говорить! А какие у меня здесь перспективы? Жить впроголодь, вправлять ноги козам и подохнуть старой девой!

Наверное, Асса Минар прав, думала Варя, идя по лесной

тропке с ним под руку. Это ей, дочери генерала, вдове генерала, супруге командира пожить в деревне – приятное отдохновение от цивилизации. К тому же после болота и гнусной чащобы сомнительный деревенский комфорт кажется роскошью. Но жить так всегда... Без водопровода, без ватерклозета, без театра и кино, без офицерских клубов и модных салонов... Варварство.

Асса подхватил ее, когда она споткнулась о корягу и чуть не упала.

– Нельзя так задумываться, – с мягким укором сказал он. – Если не смотреть под ноги, в ваших лесах легко убиться.

Как же я не убилась, подумала Варя, когда ломилась через лес без дороги, словно лось весной? По-видимому, от дурачки. Дурам везет.

Они насобирали два полных пакета разных ягод. Асса был в восторге.

– А чуть позже, – заманчиво пообещала Варя, – может, даже через неделю пойдут грибы.

– Грибы – это что?

– Ну... грибы как грибы. Я вам покажу.

Возвращались они в сумерках. В деревне царило оживление – прибыл десант, все хвастались награбленным, хохотали, ругались. На окраине двое иррийцев ломали чей-то забор на дрова. Кто-то громким пьяным голосом объявил, что хочет бабу. Асса и Варя поспешно миновали суету и бардак

и расстались на крыльце.

– До завтра, – Варя помахала ему рукой и открыла дверь.

В комнате горел свет. За столом сидел Вейру Велд, на коленях у него свернулась коlobком спящая Ирочка. Грязные тарелки и бутылка на столе довершали картину. Варя пригляделась – бутылка была пустая. Сейчас опять начнет приставать, подумала она с замиранием сердца – не то в тревоге, не то в ожидании.

Он обернулся, почувствовав ее взгляд. Аккуратно уложил Ирочку в ее уголок и шагнул к двери, требовательно потянув за собой Варю за рюшечку на лифе:

– Ну-ка выйдем.

Она выпустила из рук пакет с ягодами и непонимающе последовала за ним. На крыльце было темно. Гудели комары, в траве за забором пиликали кузнечики.

– Ты где была? – сердито рявкнул Вейру, плотно закрыв дверь, чтобы не разбудить девочку.

Варя вздрогнула от неожиданности и, слегка заикаясь, пролепетала:

– В-в-в лесу.

– Что-то не помню, чтобы я разрешал тебе ходить в лес.

– Я... я... не думала, что нужно специальное разрешение.

– Ты думала, что можешь шляться где угодно и с кем угодно?

– Разве я пленница, – робко спросила Варя, – чтобы сидеть в четырех стенах? Вы говорили, что это не так.

– Да, это не так! Хочешь – уходи. Хоть насовсем убирайся, мне плевать, – он отпустил ее рюшечки и демонстративно вытер руки о штаны.

– Если вы желаете, мы уйдем, – от обиды у нее на глазах выступили слезы. – Но как здесь воспримут, что столь обожавшая вас жена вдруг вас бросает?

– Эка невидаль – жена уходит от мужа! Это случается сплошь и рядом.

– А ваша репутация не пострадает?

– Моя репутация? – он захохотал. – Что ей вообще может повредить? Пол-Вселенной считает, что Вейру Велд – чудовище и извращенец. Вейру Велд пьет кровь невинных младенцев и пожирает красивых девушек в процессе спаривания! Ничего удивительного, что жена не хочет жить с ним!

Он так орал, что Варя начала опасаться, как бы он не перебудил весь дом и округу.

– Не надо кричать, Вейру...

– Не надо кричать! – передразнил он и со злостью хряпнул кулаком по деревянной ограде крыльца.

С жутким треском и сотрясением куски ограды рухнули вниз в крапиву. Варя взвизгнула и отпрыгнула к спасительной двери.

Вейру молча постоял на краю, глядя вниз. Потом быстрым движением расстегнул брюки.

Варя вжалась спиной в закрытую дверь и зажмурилась со смятенной мыслью: только не в крапиве!

Раздалось однозначное журчание. Варя открыла глаза. Вейру с выражением чрезвычайной сосредоточенности на лице помочился на останки ограды, застегнул молнию. Повидимому, примитивное торжество над злополучной оградой несколько отрезвило его. Варя воздала молчаливую хвалу небесам за то, что в мире есть неодушевленные предметы, на которых так удобно вымещать зло.

– Что тебе до моей репутации? – спросил он почти нормальным тоном.

– Ну... вы же на самом деле не такой.

Он неопределенно хмыкнул и направился к двери. Взявшись за ручку, повернулся к Варе:

– Вот что я тебе скажу. Солдаты особой службы не суются в деревню только потому, что знают, как опасно конфликтовать с настоящими боевыми частями. А лес ими кишмя кишит. И они там не ягодки ищут.

Он достал из кармана сложенный в несколько раз листок и сунул ей. Она догадывалась, что там изображено, но все же почувствовала неприятный, подбирающийся к сердцу холодок, когда развернула бумагу. Это был уже виденный ею ксерокс ее фотографии. Только сумма под ней выросла в три раза.

– Господи, – прошептала она, проводя рукой по лбу, будто надеясь прогнать наваждение. – Вы поможете мне, правда? – она умоляюще посмотрела на него:

– Деньги немалые, – усмехнулся он. – Но когда предлага-

ют такие деньги, поневоле возникает вопрос: не лучше ли обладать тем, что так дорого стоит, чем жалкими бумажками, подверженными инфляции?

В середине ночи в окно постучал Дайне. Варя проснулась в испуге, предчувствуя недоброе, затеребила Вейру. Тот недовольно открыл глаза.

– Слушай, мы не договаривались, что ты будешь распихивать меня среди ночи!

Варя дрожащей рукой указала на окошко, за которым угадывался неясный силуэт. Вейру подошел к окну, отодвинул импровизированную занавеску:

– Дайне?

– Прошу прощения, что оторвал от важного дела, – с ноткой ехидства проговорил тот, – но на дальнем посту находится пара дерьмушников. Они требуют встречи с вами.

– Требуют? – издевательски переспросил Вейру.

– Смиренно просят, – уточнил Дайне. – Они ищут женщину с ребенком. Байкар им довольно грубо заявила, что во всем десанте единственная женщина с ребенком – ваша жена. Думала, что они с пониманием уберутся восвояси. Но они захотели с вами поговорить.

Вейру произнес длинное предложение, смысл которого терялся в нагромождении физиологических подробностей.

– Так и передать? – невозмутимо осведомился Дайне.

– Передай, пусть ждут до утра! – гаркнул он. – И скажи Байкар – она, что ли, там старшая? – что кормить этих уро-

дов не обязательно.

– Будет сделано, – радостно пообещал Дайне и исчез в темноте.

Вейру задернул простыню. Взгляд его был мрачнее тучи.

– Спи, – сказал он дрожащей Варе. – Я знал, что рано или поздно дерьмушники доберутся и сюда. Ничего, как привалили, так и отвалят.

– Не могу спать, – с трудом выговорила она, – когда рядом эти... эти... как ты их называешь?

– Дерьмушники, – подсказал он. – У них форма цвета дерьма, так что сами напросились. Но они далеко, на одном из внешних постов, а рядом – совсем другой человек... Не будешь спать?

Утром проснулась рано – как будто что-то толкнуло. Вейру уже не было, на его месте свернулась калачиком Ирочка. Со двора доносились голоса. Она подошла к окну, тихонько заглянула в щель между простыней и стенкой. Вейру сидел на лавке, при нем был Дайне. Перед ними стояли два офицера особой службы, у обоих – треугольники на рукавах. Одного Варя узнала, невольно передернулась. Мины у них были хмурые. Их явно злило, что им не предлагают сесть и позавтракать, хотя на столе перед Вейру Велдом красовались аппетитными боками фрукты. За спинами коричневых маячила рыжая десантница бывалого вида с квантором наизготовку и с сигаретой в зубах, она исподтишка бросала на них свирепые взгляды.

– Земляне изворотливы, как зеленые узкомордики, – говорил незнакомый Варе офицер, продолжая какую-то мысль. – Они часто выдают себя не за тех, кем являются в действительности. Надо быть очень бдительными!

– Землянке с ребенком невозможно притвориться иррийкой без ребенка или тем паче иррийцем, – скучающим тоном отвечал Вейру Велд, вертя в руках яблоко с задумчивым видом: съесть, не съесть?

– А в деревне нет ни одной бабы с ребенком? – спросил офицер.

– Они все местные клуши.

– Может быть, вы проверяли не слишком тщательно?

– Кажется, вы осмеливаетесь хамить мне в лицо, – в ленивом голосе и облике Вейру Велда появилась угроза, скрытая ровно настолько, чтобы и дурак мог ее заметить.

– Извините, – вмешался второй. – Наши коллеги видели всех деревенских женщин, среди них нет той, кого мы ищем. И иррийки, конечно, нас не интересуют. Но до нас дошли сведения, что ваша жена – землянка. Можно нам поговорить с ней?

– Нет, – коротко ответил он.

– Почему?

– Потому что она ждет ребенка, и общение с типами вроде вас может ему повредить.

– Каким образом? – удивился первый.

– Тогда мы хотели бы просто взглянуть на нее, – пред-

ложил второй, проглотив горькую пилюлю. – Не привлекая внимания.

– А я бы хотел, – надменно произнес Вейру Велд, – чтобы вы оставили мою жену в покое и побыстрее убрались с моих глаз.

Первый презрительно заметил:

– Вы так переживаете из-за существования низшей расы! Среди варваров часто встречаются смазливые девки, но вы должны знать, что правительство не одобряет браков с чужаками.

Наступила пауза. Когда Вейру Велд заговорил, в голосе его лязгнул металл:

– Вы закончили свою мысль?

– Ну... я мог бы добавить кое-что еще.

– Не стоит. Того, что вы сказали, вполне достаточно, чтобы расценить ваши слова как преднамеренное оскорбление.

– Вы что, хотите со мной драться?

– Драться? – к металлу примешалась откровенная насмешка. – Вы, милый мой, что-то не так поняли. Вы, рас-последний офицеришка жалкой пародии на войска, явились незванным в расположение моих частей, оскорбили меня, боевого командира, и еще смеете надеяться, что я буду с вами драться? Да я вас просто пристрелю!

Возразить коричневый не успел. В руке Вейру Велда мгновенно оказался пистолет; он выстрелил, не целясь. Кровь брызнула точно между глаз.

– Убрать, – брезгливо распорядился он, бросил под ноги

опешившему второму коричневому огрызок яблока и ушел в дом.

Она счастливо кинулась на шею Вейру:

– Боже мой, ты его убил!

– Он заслужил это, – скрипнул тот зубами.

– Но ты бы мог и не заходить так далеко ради меня, – с мягким укором сказала она.

– Ради тебя?

Варя отступила на шаг, поразившись холодности его тона.

– Я, конечно, самодур и деспот, но никогда не стал бы убивать иррийца ради жены вражеского командира!

Краска бросилась ей в лицо.

– Извини, – выговорила она тихо. – Я ошиблась. Конечно, это глупости.

Она вышла во двор, стараясь быть незаметной. Впрочем, обоих коричневых уже след простыл: и трупа, и живого. Жизнерадостный Дайне сидел на лавке и лопал груши из миски. Почему-то его веселое настроение показалось Варе неуместным. Как и яркое утреннее солнце.

– Привет, Барбиэ, – мило улыбаясь, сказал он. – Как спалось?

– Отвратительно, – буркнула она, направляясь к умывальнику.

– Неужели старина Вейру разочаровал тебя, детка?

– Разочаровал!

Именно это она и чувствовала. Идиотское беспредметное

разочарование. Хотя должна быть на седьмом небе от радости, что проклятая особая служба осталась с носом.

Завтракали вчетвером – Дайне присоединился к их псевдосемье, и волей-неволей Варя пришлось играть на публику: дарить Вейру нежные улыбки и позволять гладить свои пальцы, что, однако, не лишено было приятности. Дайне и Вейру говорили между собой о передислокации, Варя вскоре заскучала. Она не слушала, пока Дайне не сказал:

– Сэки Вейру, ваша милая женушка встала сегодня какая-то грустная. Вы что, ее не удовлетворяете?

– Дайне, не лезь не в свое дело! – взорвался вдруг Вейру. Ага, в точку попало, подумала Варя с легким злорадством.

– Да я что? – замахал руками Дайне. – Просто если надо помочь, вы только скажите...

Вейру перекосясь. Сейчас что-нибудь сломает, замерла в ожидании Варя: либо стол, либо нос ординарца.

– Ты папу не серди, – раздался детский голосок. – А то ка-ак даст!

Ирочка артистично махнула кулачком и опрокинула чашку.

Вейру перевел взгляд на ее виноватую физиономию и фыркнул, расслабившись. Дайне и Варя тоже заулыбались. Вмешательство Ирочки в минуту разрядило обстановку.

– Молодчина, – одобрил Вейру и, смеясь, повторил ее жест. – Ка-ак дам!

Они ушли после завтрака в добродушном настроении. Ва-

ря убрала со стола, потом шила, примостившись в тенечке и глядя, как Ирочка прыгает через веревку. Вот егоза, подумала она с восхищением, как вовремя встряла! А ведь такая кроха... Интересно, что она думает о моих отношениях с Вейру? А впрочем, что я сама в них понимаю?

На обед Вейру не пришел, и в мысли закралась тревога. Вдобавок куда-то запропастилось объявление с Вариной фотографией. Она перерыла все вещи – безрезультатно. Осталось только надеяться, что его использовали в туалете или сожгли, потому что альтернатива была пугающей. Фотография, несомненно, имела сильное сходство с оригиналом.

Заходил Асса Минар. Варе пришлось сказать ему, что муж запретил ей ходить в лес.

– И вы собираетесь выполнять все его прихоти? – возмутился Асса. – Вы имеете полное право гулять в лесу!

– Он беспокоится за меня, – привычно возразила Варя. – В лесу все-таки опасно.

– Но вы же будете со мной!

Она покосилась на него.

– Видимо, Вейру не считает вас достаточно надежной охраной.

– Ну конечно, – сердито буркнул он. – Я же не военный!

И ушел. Варя не очень-то расстроилась: поиски чертова объявления неприятно затягивались.

Вейру вернулся вечером. Расставляя тарелки, Варя тревожно обшарила глазами его обманчиво-равнодушную фи-

зиномию. Прочитать по ней что-то не представлялось возможным. Она рискнула спросить:

– Тебя как-нибудь накажут за то, что ты убил этого... офицера?

Он хмыкнул:

– Кто? Кто может меня наказать? Я командир десанта, сам себе царь и бог. До Ирру и иррийского правительства миллионы световых лет. Да дерьмушники и не пикнут.

Он взялся за еду.

– А это правда, – робко поинтересовалась Варя, – что ваше правительство против смешанных браков?

– Против, только это его трудности. Правительство может запрещать что угодно, но сила в руках военных.

Вейру хрустнул куриной ножкой.

– Настоящих военных! А не всяких много воображающих о себе дерьмушников.

Он обглодал ножку, взял протянутый Варей стакан с чаем и оперся спиной о стену.

– Правительство платит мне деньги за то, что я воюю, а не за то, что женюсь на иррийках. У меня ведь была жена-землянка, как ты знаешь. Хоть мы и разошлись... она меня бросила... но разве многие иррийки не поступают так же? И разве ее не за что было любить?

– Она была красивая? – тихо спросила Варя.

– Ясное дело, – ответил он, глядя куда-то внутрь себя. Видно, образ жены стоял перед его глазами. – Полная, яркая

брюнетка. Очень красивая. И умная.

Ясно, горько подумала Варя. Не то что я, немочь бледная... Иные называют это «стройная блондиночка» – только не те, кто любит пышнотелых брюнеток. А уж ум и вовсе не относится к моим сильным сторонам...

– Потому и ушла, – сказал Вейру, доканчивая какую-то мысль, ускользнувшую от Вариного понимания. – Ладно, ложись-ка спать. А я схожу проверю посты.

Варя долго не могла заснуть, все пыталась представить себе эту наглую брюнетку. Потом она явилась ей во сне. Ладная и самоуверенная, высокая, большегрудая, с осиной талией и широкими бедрами, с яркими чертами лица и чувственным ртом. Роскошную гриву темных волос приминала алая шляпка, и сумочка под цвет болталась в руке с безукоризненным маникюром.

Утром Варя подумала, что на самом деле все могло быть и по-другому. Эта дама вполне могла оказаться низенькой толстушкой в кричащей одежде. Бывает, мужчины считают красивыми довольно странных женщин. Но чувственная незнакомка снилась Варе еще не раз. Таинственная супруга Вейру Велда глубоко запала ей в душу.

... Лето неумолимо шло к концу. Зарядили дожди, полезли из-под земли грибы, радуя разоренных войной жителей. Потом лужицы стали по утрам подергиваться тонкой пленочкой льда. Сошли на нет комары, и рано опускались тихие сумерки, нарушаемые лишь шелестом дождя да песнями.

Иррийцы продвинулись далеко вперед, захватив обширные области. Старая деревня была покинута, и десант осваивался на новом месте. Село Зеленое было большим и некогда богатым, всем удалось разместиться в добротных домах. Командир с семьей занял двухэтажный особняк бывшего директора птицефермы. Как поняла Варя, директор был убит при попытке защитить свой дом от непрошенных гостей. К счастью, она при этом не присутствовала.

У директора осталась довольно молодая вдова с тремя детьми. Им разрешили жить в самой маленькой комнатке при условии, что женщина будет убирать и готовить. Она была первой, кого увидела Варя, когда Дайне ввел ее в дом. Печальная бабенка в цветной косынке, со шваброй в руках.

– Это Надя, – сказал Дайне, небрежно похлопав ее по ягодице. – Здешняя прислуга. Ваша малютка может играть с ее детишками, они безобидные.

Варя скинула мокрый плащ, Дайне поймал его, повесил на вешалку в прихожей.

– Мам, я поиграю во дворе? – попросила Ирочка.

Варя повернулась к Дайне:

– Это безопасно?

– Вполне, – заверил он. – Еще не все спокойно, но я распорядился об охране.

– Будь осторожна, – наказала Варя дочери, подтянула ей колготки и поправила капюшон на куртке. – Со двора – ни ногой.

Ирочка убежала. Дайне повел Варю наверх, бережно поддерживая ее под руку.

– Столовая и кухня внизу, – говорил он, пока они поднимались по резной деревянной лесенке на второй этаж. – На кухню ходить нет нужды, эта Надя сама будет готовить. Вот здесь, – он распахнул перед ней дверь уютной комнатки, – может спать Ира. Кроватька как раз подходит по размеру.

Вероятно, раньше эта комната принадлежала старшему сыну директора птицефермы. Пацану было около пяти лет, но он уже имел персональную комнату, как наследник.

– А вот и ваша комната, – Дайне продемонстрировал ей обширное помещение с роскошной двуспальной кроватью, с ночником на журнальном столике и огромным, во весь рост, зеркалом на створке шкафа. На полу был ковер.

– Сэки Вейру одобрил, – сообщил Дайне.

– Еще бы, – промолвила Варя, осматриваясь.

– Если понадобится, крикните, – сказал Дайне. – Или зайдите в тот чуланчик в конце коридора. Я теперь буду жить при вас.

– Спасибо, Дайниэ.

Он расплылся в улыбке и исчез.

Варя сбросила туфли и прошла босиком по мягкому ковру. Ступни приятно защекотало. Она открыла шкаф, скользнула взглядом по одежде. Чужая одежда ее не интересовала. Но внизу, под вешалками с платьями, стояла швейная машинка.

Варя замерла от восторга. Потом быстро опустилась на колени, сняла кожух. Первым желанием было сейчас же, немедленно вытащить ее и начать шить. У нее накопилось столько заказов! Но машинка была тяжелая, и она не рискнула поднять ее в одиночку. К тому же она так устала в дороге... Несколько часов в тряском обозном грузовике показались ей вечностью. Только теперь, в этом потрясающем особняке, она почти забыла, как подпрыгивали на ухабах внутреннейности. Но тело-то не забыло.

Она прилегла поверх покрывала на мягкую широкую кровать. Подушки пахла ландышем. В изножье лежал клетчатый плед с бахромой; она укрылась им до пояса. От окна, задернутого тюлем, шел прохладный свежий воздух и мерный шум дождя.

Господи, как хорошо, подумала она, нежась под теплым пледом. Она снова чувствовала себя генеральской женой.

Варя запустила руку в карман, достала смятую газетную вырезку, разгладила ее. Она нашла эту старую газету во время упаковки, незаметно оторвала уголок, припрятала. Речь в коротком репортаже шла о событиях на Нерране четырехлетней давности. Интервью о ходе военных действий давал Роман Затонский, тогда еще полковник. В углу полосы красовалась его фотография на фоне какой-то карты. Был февраль... В ноябре он стал генералом.

В дверь постучала Надя.

– Обед готов, госпожа.

Варя с неохотой встала, спустилась вниз. Стол в большой светлой комнате был накрыт на четверых. Будет Дайне, поняла она. В прихожей хлопнула дверь, послышался топот ножек и звонкий голосок Ирочки. В ее эмоциональный рассказ о ловле лягушек вклинивался снисходительный голос Вейру. «Вытри ноги», «Сними сапоги», «Вымой руки»...

– Какой ты нудный! – сказала Ирочка, таща его скорее к столу. – Зачем мыть руки? Все равно запачкаются.

– А зачем есть, если к вечеру опять проголодаешься? – невозмутимо ответил он.

– Мам, чего он меня воспитывает? – пожаловалась Ирочка – нашла кому. – А сам руки не вымыл!

– Ну, я и не трогал ими этих склизких зверьков... как их? лягушек.

– Зато ты трогал пистолет, а он грязнее.

– Ирочка, не пререкайся, – сделала Варя замечание. – Нельзя критиковать старших.

Дитя тяжело вздохнуло:

– Когда я наконец вырасту?

– И оглянуться не успеешь, – с тщательно скрываемой грустью промолвил Вейру.

Ирочка оглянулась и сердито посмотрела на него:

– Врешь ты все!

Пришел Дайне. Надя с тоскливым выражением лица разлила всем столь же тоскливый суп. Вечно голодная Ирочка мгновенно очистила тарелку; мужчинам, похоже, было все

равно, что есть; а Варя попробовала и отложила ложку. Может, второе будет более съедобно, понадеялась она. Но второго не последовало. Надя принесла чайник и ушла.

– Вейру, – Варя тронула его за рукав, – можно, ужин я приготовлю сама?

– Хозяйка! – громко рявкнул Вейру.

Надя боязливо выглянула из-за двери и едва не лишилась чувств, увидев нацеленный на себя пистолет.

– Если ужин, – проговорил он тихо и внятно, – понравится моей жене так же, как обед, – он сделал паузу и внушительно повел дулом перед оторопевшей женщиной, – я расплещу твои мозги по стенке и заставлю тебя же их вытереть!

– Д-да, сэки Вейру, – пролепетала она, заметно побледнев.

Ей и в голову не пришло спросить, как она сможет вытирать лужу из собственных мозгов. Вот так и рождаются рассказы о вурдалаке Вейру Велде. Варе стало жаль ее, но она смолчала. В крайнем случае, подумала она, сделаю вид, что ужин лучше обеда.

– Где мой рюкзак, Дайне? – осведомился Вейру.

– Уже в вашей комнате, командир.

– Пойдем, – он протянул Варе руку. – Вскроем баночку из пайка.

Они поднялись на второй этаж. Вейру открыл дверь и сразу шагнул к рюкзаку. Он лежал под журнальным столиком. А на столике валялся забытый клочок газеты.

– Ого, – хмыкнул Вейру, поддев его ногтем.

– Не надо, – пискнула Варя. Она испугалась, что он может порвать листок или выбросить, а то и хуже – пририсовать, например, к фотографии очки или рога.

– Что – не надо? – спросил он, рассматривая вырезку.

– Не трогай, – прошептала она чуть слышно. – Это мое!

– Ясное дело, не мое. Я как-то не коллекционирую портреты своих врагов.

Он положил газетный обрывок на столик, вынул из рюкзака жестяную банку, свернул крышку. Аппетитно запахло мясом и овощами. У Вари потекли слюнки, она запустила в банку ложку.

– На Нерране мы с ним схлестнулись впервые, – проговорил Вейру, вспоминая.

– Да? – она посмотрела на него с любопытством. – И кто победил?

Он мрачно промолчал. Потом сказал:

– Если бы он дожил до моих лет, то стал бы величайшим стратегом Вселенной.

– А кто сейчас величайший стратег Вселенной? – спросила Варя.

– Ты на меня не смотри, – усмехнулся он. – Не я, это уж точно. Я знаю двух-трех дам, которые могли бы поспорить за это звание.

– Это иррийки?

– Увы! Две из них служат Союзу Метагалактики, да и третья за Ирру воевать не станет.

– Как же вы можете вести войну, – удивилась Варя, – если все силы на другой стороне?

– Не силы, всего лишь люди. Они не вездесущи, у них сложные характеры, у них личные дела. Шайхэ Чахэр наплевать в равной степени и на Ирру, и на СМ, а до роли наемницы она не унижится. Анне Марии хватает забот на Эльдаре: после смерти Затонского союзной армией командует полный ублюдок, и она тратит на разборки с ним больше сил, чем на противника. А Натали Волкова ждет ребенка.

– Волкова? – оживилась Варя. – Я знаю ее. Они с Романом вместе воевали на Нерране. Очень милая женщина.

Вейру поперхнулся:

– Милая?! Боюсь, у нас слишком разные мнения относительно командиров СМ! Давай лучше не будем о Нерране.

Варя тайком улыбнулась. Она догадывалась, почему он не хочет говорить о Нерране. В конфликте из-за маленькой, но очень богатой полезными ископаемыми планетки Ирру потерпела полное поражение. Ей не удалось даже выкупить пленных. Спаслись только те, кто вовремя унес ноги.

Но теперь все по-другому. Ирру прощупала силы СМ и уж к этой войне подготовилась как следует. В отместку за нерранский позор горят города и деревни населенных планет Союза, льются слезы и кровь. Хорошо быть женой генерала, когда война идет где-то далеко. А если у тебя на глазах захватывают твою планету, убивают и грабят твоих соотечественников?

Ужин был плох, но все же получше обеда – все познается в сравнении. Надя бродила за дверью с несчастным видом, прислушиваясь к репликам о качестве еды, успокоилась, лишь когда Варя нарочито четко похвалила стряпню.

– Хочешь прогуляться? – предложил Вейру, заметив: – Жене командира приличнее гулять с мужем, чем со всякой швалью.

Похоже, он имел в виду Асса Минара. Варе показалось, что мнение Вейру Велда о культурологе почему-то сильно упало. Раньше он вроде бы относился к ученому с большим уважением. Но уточнять она не собиралась.

Вечер выдался ветреный, но дождь прекратился. В лужах отражалась ранняя Луна, вдоль заборов бегали собаки. В мокрой траве прятались грибы, Варя срезала их и складывала в пакет.

Вейру окинул ее оценивающим взглядом.

– Ты бодро выглядишь. Все прошло?

– Почти, – улыбнулась она, пробираясь через грязь к симпатичному грибочку. – Может, пора сказать Кори о ребенке? А то будет потом обвинять в небрежении.

– Да, пожалуй, – согласился он. – Лучше сказать, пока она сама не догадалась. Или не услышала от кого-нибудь другого.

Они обошли несколько постов, пока совсем не стемнело. Ходить по грязи было не так уж легко, прогулка затянулась. Ноги в сапогах с непривычки начали болеть.

– Устала? – спросил Вейру.

Варя смущенно кивнула.

– Ладно, пойдем домой. Давай понесу тебя.

– Не нужно, – она слабо запротестовала. – Я сама дойду.

– Не спорь!

Он подхватил ее на руки, как грудного ребенка. Варя уже знала, что отбиваться и барахтаться в его железных руках бесполезно. Она только вздохнула и чуть поерзала, устраиваясь поудобнее.

Во дворах горели фонари. Шелестела мокрая листва сквозь шум ссор, пьяных драк, песен, разборок с местным населением. Вейру Велд не обращал внимания на звон битой посуды в освещенных окнах. Варя молча вздрагивала и сжималась в комок. Вейру успокаивающе погладил ее по голове.

– Ребята развлекаются, – сказал он снисходительно.

Варя могла себе представить, что это за развлечения, но уже в который раз постаралась не думать об этом.

Дверь одного из домов распахнулась, и с крыльца, пересчитав спиной все ступеньки, скатился ирриец. Он нервно пытался выхватить квантор. За ним выскочила встрепанная женщина, она угрожающе размахивала скалкой и кричала:

– Не подходи ко мне!

– Сама не подходи, дура!

Ирриец попятился к калитке. Варя узнала Петера Велда. Квантор в его руках подрагивал. Он хотел улизнуть от греха подальше, но хлястик на брюках зацепился за гвоздь в

калитке, и Петер растянулся во весь рост. Боевая баба вмиг нагнала его и замахнулась скалкой.

Нервы у бедняги не выдержали. Он нажал кнопку. Женщина медленно осела с дырой в груди, скалка выпала из рук и укатилась в канаву.

– Господи, – прошептала Варя.

– Та-ак, – протянул Вейру, осторожно опустив ее на землю. – Что это за самоуправство, Петер? Три наряда вне очереди.

– Но, командир, – он попытался воззвать к чувству справедливости, – она первая начала!

– А ты не мог справиться с земной бабой, дурак? Поделом тебе.

– Но...

Вейру сверкнул глазами:

– Пять нарядов! И убрать труп.

– Почему ты наказал его? – спросила Варя, когда они отошли. – Разве у вас не в порядке вещей убивать землян?

– На вашей планете женщины, как правило, не воюют. А мы убиваем только врагов.

– Да? Я видела, как убивали женщин и ребенка! Меня саму хотели убить!

– Так это же дерьмушники, – презрительно отозвался Вейру. – Они не солдаты. Они не сражаются на передовой, а приходят на готовенькое. Что с них взять?

– А ты? Ты грозился убить Надю, и за что? Всего-то за

плохой обед!

– Я – командир! – неожиданно рассердился он. – Я никому не обязан отчитываться в своих действиях!

– Извини, – Варя отступила. – Глупо, что я сама не догадалась.

В окошке кухни виднелся силуэт Нади: она месила тесто. За столом рядом, развалясь, сидел Дайне и щупал ее за ноги. Видать, не мог дожидаться, когда она управится с готовкой.

– Похоже, у нас будет завтрак, – с оттенком изумления проговорил Вейру.

В доме был душ – за последние месяцы Варя почти забыла, что это такое. Была даже газовая колонка для нагрева воды. Она блаженствовала под щекочущими струями минут двадцать, потом спохватилась: наверняка Вейру ждет своей очереди. Наспех вытерлась, завернулась в халат, поспешила в спальню.

Спешить, как выяснилось, было незачем. Вейру преспокойно спал. Со вздохом Варя присела на своей половине кровати, стащила халат. Залезла под одеяло и почувствовала себя страшно одинокой. В этой кровати можно было бы заблудиться. Вейру лежал на соседней половине – а казалось, что в другой Вселенной. Всего за пару месяцев она успела привыкнуть к тому, что он рядом. Вначале невольные касания беспокоили, а теперь их так не хватает! Она заснула с трудом и ночью несколько раз просыпалась от ощущения, что висит в пустоте.

Утром снова моросило. Надя, все такая же печальная, вынесла таз с булочками, что было встречено одобрительными возгласами. К чаю привалила мокрая Хеддо, набросилась на булочки.

– Фигуру испортишь, – язвительно предупредил Дайне.

– Тебе-то что до моей фигуры? – фыркнула она. – Я вообще к Барби пришла, а не к тебе.

– Жаль, – артистично вздохнул Дайне и переключил внимание на Надю.

– Барбиэ, – обратилась Хеддо к Варя, – ты не сошьешь мне какой-нибудь наряд для моей дочери? Надо послать девочке гостинец.

– У тебя есть дочь? – удивилась Варя.

– Ну да, а что здесь странного?

– Странно, что только одна, – ввернул Дайне.

– Командир! – воззвала Хеддо. – Скажите этому дерьмо-еду, чтобы не вмешивался, а то я ему в морду плюну.

Правду сказать, Варя ожидала немного другой концовки – что-нибудь типа «в морду врежу» или «морду начищу»: такое было бы уместнее в устах воинственной иррийки. Но, посмотрев на Хеддо и Дайне рядом, она поняла, что у Хеддо нет никаких шансов победить Дайне в честной драке. Сподручнее сделать чисто женскую пакость: плюнуть, облить чаем, бросить в тарелку таракана... Так, чтобы тому даже неудобно было дать сдачи.

– Моя малышка Хейам живет с отцом, – объяснила Хед-

до. – Но должна же я время от времени делать ей подарки. Вот, – она вывалила из пакета несколько отрезков, – взгляни сама, что лучше.

– Какие размеры у твоей Хейам? – поинтересовалась Варя, разворачивая ткани.

– Да примерно такие же, как у тебя.

– Как у меня? – Варя оторопела. – Ничего себе, малышка!

– Обыкновенный подросток. Я ее родила давно, до своей головокружительной военной карьеры, – она усмехнулась, – пока еще не набрала коллекцию старых ран и ноющих шрамов. Хейам, разумеется, пониже тебя, но в бедрах и груди практически такая же. Сделаешь?

– О чем речь, конечно.

Надя мыла полы в коридоре. Варя чуть постояла в нерешительности, потом спросила:

– Можно воспользоваться швейной машинкой?

Надя разогнулась, потирая поясницу.

– С каких это пор победители спрашивают разрешения? – в голосе ее слышалась горечь и неосознанный вызов.

– Я тоже землянка.

– Жена иррийского командира!

– Это страшное преступление? – осведомилась Варя.

Надя уронила руки:

– Моего мужа убили у меня на глазах. Ко мне пристают все, кому не лень, грозят оружием. Мне приходится гнуть спину на оккупантов, чтобы прокормить детей. Разве вы мо-

жете это понять?

– Где уж мне, – буркнула Варя, собираясь уйти.

– Берите машинку. Берите все, что хотите. Мне все равно.

Варя ушла наверх в расстроенных чувствах. Тебе-то не приходилось, подумала она, спасать свою жизнь, переплывая реку дерьма, ночуя в лесу и утопая в болоте! То, что она не могла высказать этого вслух, раздражало ее. Ах, бедная женщина, которая продолжает жить в собственном благоустроенном доме и кормит детей за счет иррийской армии! Да еще за ней увивается обаятельный Дайне. Правда, он готов облагодетельствовать любую особу женского пола, находящуюся на расстоянии вытянутой руки. Не то что этот псевдо-муж!

Злая на Надю, на себя и на Вейру, Варя начала новое платье. Конечно, тут же в машинке отказал привод, оборвалась нитка, а потом оказалось, что она ошиблась при кройке. Ирочка пришла к обеду перемазанная глиной с ног до головы и гордо сообщила, что они с хозяйскими детьми играли глиной в снежки. Варя накричала на дочь, в резкой форме заметила Наде об умственной полноценности ее детей, гавкнула в ответ на невинное заигрывание Дайне.

Обед она просидела с трудом. Не дожидаясь десерта, выскочила во двор, под дождь, надеясь, что холодные капли несколько успокоят ее.

Через некоторое время сзади подошел Вейру.

– Ира плачет, – сказал он. – Говорит, что мама ее не любит.

– Это неправда! – с горячностью возразила Варя.

– Какая разница? Главное, что она это чувствует. Не нужно было на нее орать.

– А грязью кидаться – нужно?

– Она еще ребенок. Ты не убедишь ее, что чистая куртка важнее, чем весело проведенное время.

– Почему ты так ее защищаешь? Она ведь не твоя дочь!

– Крикни погромче, – предложил он и ушел в дом, хлопнув дверью.

Ну вот, горько подумала Варя, укоряя себя. Со всеми поцапалась. Даже Вейру обидела – и за что? За то, что он относится к Ирочке с вниманием, которым ее обделила мать? Когда она последний раз играла с ней, читала ей книжку? То она плохо себя чувствовала, то занималась шитьем или своей персоной. А девочка все чаще повторяет за Вейру его любимые словечки, ждет его прихода, чтобы забраться к нему на колени и послушать странные иррийские сказки.

Она решила вернуться, приласкать Ирочку, попросить у Вейру прощения. Но тут хлопнула калитка, и, аккуратно обходя лужи, к крылечку приблизился Асса Минар.

– Приветствую, сэке Барби, – сказал он, отжимая мокрые волосы. – Ужасная погода.

– Кошмарная, – охотно подтвердила Варя. – И настроение паршивое.

– Опять семейные ссоры?

– А, не суйте нос в чужой понос, – огрызнулась она. – Ка-

кого черта вы вообще сюда приперлись?

– Ничего себе, гостеприимство, – присвистнул Асса. – Тащишься по дождю, выражаешь сочувствие, а получаешь вот такое!

– Ладно, извините, – смягчилась Варя. – Я с утра не в своей тарелке. Как-то все одно на другое накладывается.

– У меня тоже иногда так бывает, – сказал Асса. – Если день не задался с самого начала – это, как у вас выражаются, труба. Лучше лечь обратно в постель и до вечера не вставать.

Варя рассмеялась.

– Вот скука – валяться целый день в постели!

– Не скажите. Можно спать и видеть приятные сны.

– А чем тогда заниматься ночью?

– Это уж вопрос вкуса...

Дверь внезапно распахнулась, чуть не задев Варин затылок. Она вздрогнула. В выражении лица Вейру Велда ощущалась близкая гроза.

– Займись ребенком! – приказал он стальным, не терпящим возражений тоном.

– Да, милый, – слабо вякнула она и быстро скользнула внутрь.

Сквозь неплотно прикрытую дверь она услышала, как Вейру сказал Асса Минару:

– Еще раз услышу что-нибудь о постели – пристрелю, как землеройку!

Весь остаток дня Варя тише воды, ниже травы сидела в

комнате с Ирочкой и учила ее шить одежду для куклы. Вечером, чтобы подлизаться к Вейру, почистила и смазала кремом его сапоги. Когда он собрался в душ, заискивающе предложила:

– Хочешь, потру спину?

Он помедлил, раздумывая, потом кивнул:

– Давай.

Отошел, вздохнула она с облегчением.

Трудясь мочалкой, она попыталась прояснить ситуацию:

– Вейру, Асса не хотел ничего плохого...

– Ясное дело, – хмыкнул Вейру. – Чего ж тут плохого?

– Ты неправильно понял.

– Ну да, я все понимаю неправильно, – проворчал он.

– Не исключено! – в сердцах бросила Варя, осознав тщетность своих оправданий.

– Слушай, у меня тоже бывают дурные дни, – сказал он подчеркнуто ровно. – Но я никогда не хлестал тебя мочалкой по шее.

– Ох, прости, – опомнилась она и вдруг заплакала.

Веду себя, как идиотка, думала Варя, бредя в спальню и спотыкаясь на каждом шагу: слезы в глазах искажали линии пола и стен. Что ни сделаю, все только хуже. Закрутилось колесо...

– Мам, ты чего реवेशь? – раздался испуганный голосок.

В коридоре, как маленькое привиденьице, стояла Ирочка.

– Что ты тут делаешь? – с трудом подавив рыдание, спро-

сила Варя.

– Ничего. Я писать ходила. А ты чего? Все же хорошо.

– Да, наверное, хорошо... – она постаралась взять себя в руки. – Посидеть с тобой?

– Иди с папой посиди, – сказала Ирочка.

Варя горько фыркнула.

До комнаты они дошли одновременно с Вейру: хоть он и вышел позже, шаги у него были и быстрее, и шире. Он со всегдашней предупредительностью открыл перед ней дверь, словно и не было никаких размолвок.

– Не плачь, – погладил ее по голове.

– Какой-то кошмар со мной творится, – пожаловалась она сквозь слезы.

– Ничего особенного. Обычная карусель с настроением. Завтра выйдет Солнце, и все образуется.

– Откуда ты знаешь?

– Поживи с мое, будешь знать еще больше, – он помолчал. – А вообще, надо попросить у Кори что-нибудь успокоительное. Нельзя тебе впадать в депрессию. И уж тем более бить меня всякими предметами туалета. Я ведь могу и сдачи дать.

Утром выяснилось, что, пока хозяйские дети спали, Ирочка вымазала их зубной пастой. Надя восприняла это как очередное надругательство иррийских оккупантов и ходила обиженная. Дети, слава богу, отнеслись к случившемуся гораздо проще: подкараулили Ирочку у ванной и с веселыми

воплями измалевали ей лицо и одежду губной помадой.

– Мама, смотри, какая я красивая! – объявила она, входя в столовую.

Варя от ужаса чуть не упала со стула, в последний момент вцепилась в надежное плечо Вейру. Ребенок напоминал индейца в боевой раскраске. Крошки помады торчали во всклокоченных кудрях.

– Боже, – простонала Варя. – Как же это отмыть?

Вейру как-то странно подрагивал, прикрывая лицо. Варя присмотрелась и поняла, что он смеется.

– Не вижу здесь ничего смешного, – сказала она с обидой.

– Только не начинай плакать, ладно? – Вейру похлопал ее по руке, красный от смеха. – Жаль, с нами нет твоего любимого культуролога, он бы оценил это произведение варварского искусства. Ой, я не могу!

Ирочка, гордая произведенным эффектом, уже лопала некое подобие каши и замышляла очередную проказу. Правда, ее несколько обескуражило то, что мама вроде бы не рада, зато папа хорошо повеселился. Играть с хозяйскими детишками не только интересно, но и полезно. Вон какую штуку классную придумали!

– Эй, красавица, – папа прервал ее размышления. – Настоящая дама не должна забывать о том, что косметику надо вовремя смывать. Пойдем-ка испробуем на тебе очищающий крем.

– Крем? – облизнулась Ирочка. – А его можно есть?

– Все можно есть, – флегматично ответил он. – Но некоторые вещи – только один раз.

Вернулась Ирочка чистенькая, переодетая и причесанная. Варя благодарно взглянула на Вейру. Она чувствовала к нему почти нежность за то, что он избавил ее от трудоемкого процесса отмывания вырывающегося чертенка.

Вейру оказался прав – Солнце часто выглядывало из-за туч; ко второй половине дня, видно, поняв, что это не страшно, выкатилось совсем и повисло ярким желтым мячиком. От промокшей земли повалил пар. На душе тоже посветлело, словно все дурное и темное испарилось. Варя устроилась на скамейке в саду и читала Ирочке найденные в доме детские книжки. Подошли сынок хозяйки и две мелкие девочки-двойняшки, тоже слушали. Надя ушла к соседке, и отгонять их от тлетворного влияния захватчиков было некому. Потом дети бегали друг за другом по саду, а Варя шила модное платье для дочки Хеддо.

Ее оторвал от шитья шум за забором. Возвращающаяся Надя попала на глаза подвыпившей компании иррийцев. Те нездорово оживились. Она попыталась добежать до калитки, но ее поймали и теперь горячо из-за нее спорили, чуть ли не раздирая ее на части.

– Эй, вы! – крикнула Варя по-иррийски, подходя к забору. – Оставьте ее и убирайтесь!

– Ладно, сэке Барби, – нехотя проворчал тот, кому в этой стычке светила победа. – Простите.

Компания разбрелась. Надя, дрожа, юркнула в калитку, одарила Варю странным взглядом и исчезла в доме.

Забавно, подумала Варя, они меня послушались. Даже прощения попросили. Вспомнилось, как однажды на снежной Нес-Коаре солдаты охотились на маленького пушного зверька; она пожалела зверушку и велела прекратить. Слово генеральши – закон для солдата. У нее опять возникло ирреальное ощущение, что ничего не изменилось. Нелепое, но настойчивое.

На следующее утро она в сопровождении Вейру отправилась в госпиталь. Кори, узнав, что супруга командира ждет ребенка, пришла в экстаз и на радостях даже не заметила некоторой неувязки в сроках. Теперь она опекала Варю, как наседка кладку, и требовала, чтобы та ходила на обследование чуть ли не каждую неделю.

Грязь на деревенских улицах за сутки подсохла, идти было легко, яркое Солнце щипало глаза и заставляло невольно улыбаться. Но все же Варя отметила, что радостное возбуждение на лицах попадающихся по дороге иррийцев не может иметь под собой столь незначительную причину. Да и в госпитале царил отнюдь не больничная атмосфера. Кори и шупленький доктор заметно пошатывались и бормотали что-то невнятное заплетающимися языками, раненые распевали песни, подыгрывая железными ложками и в разной степени опорожненными бутылками. На ногах держалась одна Элька. Она бесстрастно сновала среди этого безобразия и делала

перевязки, иногда отлучаясь.

– Надо за котлом присматривать, – пояснила она Варя.

– Что за котел? – не поняла та.

Элька безнадежно махнула рукой:

– Варю средство от похмелья этим уродам. Сами ведь не догадаются.

– А в чем дело? – спросила Варя. – По какому поводу пьянка?

– Хрен их знает, – Элька пожала плечами. – Праздник какой-то чурбанский. Ну, давай посмотрю тебя, что ли.

– Ты и это умеешь?

– Чего там уметь? Вещь естественная, не какое-нибудь сквозное ранение в мозг. Ща конспект почитаю, там все написано. А хочешь, поглядим на ультразвуке, как оно там плавает? – подмигнула она. – Док в отключке, можно тихонько подобраться к аппарату.

– Да нет, – Варя не была авантюристкой, и препоручать своего ребенка в руки фельдшера-недоучки ей не хотелось. – Дай мне лучше чего-нибудь от нервов, и я пойду.

– Вообще-то самое действенное – это ужраться, – Элька почесала голову. – Но, принимая во внимание... А, вот что я тебе дам, – она подошла к шкафчику, порылась в нем и извлекла пачку сушеной травы. – Заваривай и пей вместо чая – как рукой снимет.

Варя поблагодарила и ушла. Вейру ждал ее на улице, болтая с кем-то из офицеров.

– Не забудь о банкете, – услышала она последнюю фразу.

– Вейру, почему ты мне ничего не говоришь? – обратилась она к нему с легким упреком, беря его под руку. – Что за праздник? В честь чего банкет?

Он уставился на нее, как на новый природный феномен, потом хлопнул себя по лбу и рассмеялся:

– Я и забыл, что кто-то может этого не знать. Сегодня по календарю Ирру первый день весны. Это для нас... ну, как для землян – Новый Год.

– Весна? – удивилась Варя. – У вас же нет времен года.

– Когда-то были. Многие тысячи лет назад.

– Разве так бывает?

– Система Ирру очень изменчива. У нас даже сутки то длиннее, то короче. Праздник весны – очень давняя традиция. Странно, что Асса Минар еще не рассказал тебе этого, – в последние слова примешалась капелька яда.

– А ты бы хотел, – невинно спросила Варя, – чтобы он рассказал мне все-все, и нам с тобой было бы не о чем разговаривать?

– Ха! Я найду о чем с тобой поговорить. Например, о том, есть ли у меня для банкета рубашка в приличном состоянии.

– Даже две, – с готовностью сообщила Варя. – А еще свежетыглаженные брюки, чистые носки и носовой платок.

– Хорошо, что ты со мной, – проговорил он. – Не надо самому думать обо всей этой ерунде...

Варино сердце подпрыгнуло от радости. Впервые он при-

знал, что доволен ею!

К банкету она готовилась очень тщательно. Платье надела новое, ни разу не надёванное, долго занималась макияжем. Вейру следил за ней с неподдельным интересом. Она засмушалась, быстро свернула деятельность и, оставив его переодеваться, стала спускаться по лестнице. На середине замедлила шаг: снизу доносились голоса.

– Нет, командир занят, – говорил Дайне. – Можешь его подождать.

– А когда он освободится? – спрашивал бас с хрипотцой.

– Не знаю, – и заговорщическим тоном: – Он с женой.

– Жена-то, говорят, юная красавица? Силен командир, как я погляжу.

– Не жалуется, – с гордостью подтвердил Дайне.

Варя тихо хмыкнула.

– Парочка – загляденье, – хвастался Дайне, словно это был его личный успех. – Они как будто созданы друг для друга.

– Она вроде появилась недавно, – осторожно заметил басок, – но я слышал, что у нее девочка.

– Девочка – вылитый сэки Вейру. Черная, как уголек. Сейчас прибежит, посмотришь.

– Так они давно знакомы? Ирриец и землянка? Откуда?

– Да уж года четыре. После нерранского разгрома командир летал на Землю как турист. Интересно, говорит, поглядеть на планету, откуда явились эти машины смерти – Волкова, Киплинг, Затонский, Левандакис...

Варя никогда не думала о Романе как о машине смерти. С точки зрения противника все иначе.

– И тут, – продолжал Дайне, – эта безумная любовь... Ездил он на одну одиннадцатидневку, а застрял на все семь. Кажется, она в гостинице работала.

Варя сделала заметку в уме. Забавно, подумала она чуть отстраненно, что подробности о собственном прошлом приходится узнавать вот так – подслушивая чужие разговоры.

– Вообще-то сэки Вейру о ней не распространялся, – признался Дайне с сожалением. – То есть говорил он много, но одни эмоции: ах, какая женщина! это огонь, а не женщина! это моя вторая молодость!.. В общем, ничего по существу.

Вот гадина, неожиданно подумалось Варе. Он ее так любил, а она его бросила. Интересно, что он при этом чувствовал? Ни за что не расскажет. Может быть, он страдает до сих пор?

Она наконец спустилась вниз. В коридоре стояли Дайне и старый солдат, Варя узнала его: это лицо она хорошо помнила на фоне пожара и ужаса. Он тоже вспомнил.

– Так сэке Барби – это вы? – воскликнул он. – Чего ж вы сразу не сказали, что ваш муж – сэки Вейру?

– Я... я... – она не сразу нашлась с ответом. – Мне было так страшно! Я ведь землянка, а вы с землянками не очень-то церемонитесь. Вы могли подумать, что я вру...

Наверху хлопнула дверь, и вскоре показался Вейру Велд. Он тут же заметил солдата.

– Что тебе, Тонне?

– Внучок у меня, родился, командир. Хочу отпуск попросить.

– Конечно, ради такого дела. Бери себе кого-нибудь в компанию и после праздника добирайтесь до базы. Да не задерживайтесь на Ирру, здесь дел хватает, – покончив с этим, он повернулся к Варе. – Ну, моя славная, пойдём открывать празднество?

Она улыбнулась и взяла его под руку. Старый Тонне тоже долго улыбался им вслед.

Банкет проходил в сельской столовой. Собралось множество народа: не только вторые офицеры, составляющие штаб, а все или почти все, у кого был хотя бы крошечный треугольник на рукаве. Кроме офицеров, присутствовали врачи, представитель прессы и культуролог, Асса Минар. Он, ловко оттеснив Элену Мина, занял место справа от Вари. Слева сидел Вейру, и при этом он почти незаметно скрипнул зубами.

Хеддо Мине была в новом платье. Она помахала Варе рукой. Варя заметила, что Хеддо накружилась, причём весьма искусно, и выглядит помолодевшей лет на двадцать. Вокруг неё суетился Дайне, она посматривала на него свысока.

Вначале Вейру Велд произнес торжественную речь. На второй фразе Варя потеряла нить и затосковала. Но официальная часть как-то быстро сошла на нет, и неожиданно для себя Варя обнаружила, что бутылки и салатницы на столах

уже наполовину пусты.

– Выпейте, – предложил Асса Минар, наливая ей в бокал прозрачную розоватую жидкость. – Немножко-то можно.

Вейру, не отвлекаясь от разговора с Трином Велдом, протянул руку и вылил содержимое бокала на пол.

– По-моему, сэке Барби, вас ограничивают в ваших законных правах, – отметил Асса.

– А по-моему, он прав, – возразила Варя. – Не стоит мне пить.

– Тогда вы будете единственной трезвенницей в пьяной компании.

Офицеры в самом деле быстро и целеустремленно накачивались. Вейру опрокидывал одну стопку за другой, и Варя начала опасаться, что он опять что-нибудь сломает. Впрочем, пока до этого было далеко. Он пребывал в благодушном состоянии, улыбался, то и дело ласково трепал ее по щечке, подкладывая на тарелку какую-то еду.

Заиграла музыка, в обширное пространство между столами начали выходить танцующие женщины. Только женщины, без пар.

– Обрати внимание, – шепнул Вейру, опередив Асса. – Традиционный танец, называется «Привет весне». Говорят, он пришел еще из времен матриархата.

– У вас был матриархат? – удивилась Варя.

– Этого не избегает ни одна цивилизация, – перехватил инициативу Асса. – Необходимый этап развития...

Хеддо, минуту назад выпивавшая с Дайне на другом краю стола, вдруг возникла у Вари из-за спины и потянула ее за руку:

– Бросай этих зануд, пойдём танцевать.

– Но я не умею, – не слишком убедительно запротестовала

Варя.

– Ерунда, это очень просто.

Хеддо вытащила ее в круг. Танец действительно был очень простой, ритм захватывал. Вскоре первоначальные опасения Вари, как бы Вейру и Асса не подсыпали отравы друг другу в вино, отошли на задний план и просыпались, лишь когда она ловила на себе их восхищенные взгляды. Она ничуть не устала и даже огорчилась, когда музыка смолкла.

– Ты как дерево, – сказал ей Вейру, отодвигая стул, чтобы она села.

Асса незаметно хмыкнул.

Варя застыла в шоке. Чего-чего, а такой встречи она не ожидала.

– Такая же гибкая, плавная, шелестящая платьем... – пояснил Вейру. – Ты что не садишься? Тебе плохо?

Варя плюхнулась на стул.

– У нас человека сравнивают с деревом, если он неуклюж и туп!

– Конфликт ментальностей, – изрек в пространство Асса.

– Извини, – развел руками Вейру.

– Вейриэ, может, мне пойти? – обеспокоенно спросила

Варя. – Ирочка лазает во дворе, а ей пора спать.

– Ну, повеселись со мной немного. Дайне ее уложит. Дайне!

Ординарец нехотя оторвался от Хеддо и жалобно воззрился на своего командира.

– Ладно, я составлю тебе компанию, – смилостивилась Хеддо. – Все равно опыта в укладывании детей спать у тебя никакого.

Они ушли, слегка пошатываясь. Варя вообразила, как два пьяных существа будут на карачках гоняться за ребенком, и рассмеялась.

Снова играла музыка. За окнами спускались сумерки, в зале зажгли приглушенный свет.

– Давай потанцуем? – предложил Вейру. – Если ты, конечно, не устала.

– Нет, не устала, – она с готовностью вложила свою ладошку в его огромную лапу.

Обстановка напоминала вечеринки в офицерском клубе. Только вместо расфуфыренных офицерских жен с мужчинами танцевали боевые подружки. И не висело над столами душливное облако сигаретного дыма – иррийцы не курили, разве что Кори, не пропускающая ни одного наркотического вещества.

Вейру вел свою партнершу со всегдашней кошачьей грацией, несмотря на изрядное количество выпитого. При этом одной рукой он прижимал к себе Варю, а другой нежно гла-

дил ее спадающие на плечи волосы. Она прикрыла глаза от удовольствия. Ноги сами перебирали по полу, а она пребывала в нирване. Прохладные струи воздуха из щелей в деревянных стенах столовой приятно обдували разгоряченное тело, запах мокрой травы смешивался с запахом вина.

Вейру куснул ее за ухо.

– Праздник удался, да?

– Да, – кивнула она, не открывая глаз. – Мы уже уходим?

– Не сейчас. Еще вся ночь впереди.

Он усадил ее за стол отдыхать, сам отошел к Трину, Элену и Раки, играющим во что-то косточками от вишен, судя по всему, на деньги. Варя плеснула в бокал минеральной воды, облокотилась на спинку стула. Народ был уже в стадии глубокого опьянения. На задворках мозга пробежала мысль, что если поджечь эту деревянную столовую, вряд ли кто-нибудь успеет выскочить. Можно одной спичкой покончить со всем командным составом десанта. Но эта мысль быстро исчезла, ни во что не воплотившись. В голове настойчиво толпились совсем другие мысли. Вейру сегодня так мил... Притворяется на публику, или он искренен? И что он имел в виду туманной фразой «вся ночь впереди»? Неужели вспомнил наконец о своих супружеских обязанностях?

Или она просто опьянела от обильных винных паров? Голова слегка кружилась. Она взяла бокал и пару тарталеток и вышла на крыльцо.

Днем грело обманчивое солнце, а ночью от земли шел хо-

лод. Варя поежилась. Она хотела вернуться обратно в тепло, но тут рядом возник Асса Минар с ее плащом.

– Спасибо, – удивленно сказала она, засовывая руки в рукава.

– Я увидел, что вы вышли, – объяснил Асса, – а плащ остался. Вы домой?

– Нет, – она покачала головой. – Просто хочу отвлечься.

– Ага, я предупреждал вас: надо было выпить. Сбегать за вином?

– Не надо, это вредно.

– Вы не выглядите веселой, во время праздника это неестественно.

– Веселой? Не знаю. Я как будто в ожидании. Мне кажется, этой ночью свершится что-нибудь необыкновенное... Глупо, да?

– Вообще нет, – живо возразил Асса. – Но как бы вам не прождать всю ночь. Может, прогуляемся, чтобы скрасить ожидание?

– Да нет, не стоит, – подумав немного, она отрицательно качнула головой. – Вряд ли моему мужу хотелось бы, чтобы я сейчас исчезла.

– Сэке Барби! – всплеснул руками Асса. – Сэки Вейру сейчас гораздо больше думает о спиртном и азартных играх, нежели о вас... как ни больно мне об этом говорить. Так почему бы вам не уделить внимание симпатичному молодому человеку? Который неизменно проявляет к вам большой ин-

интерес, чем ваш муж.

Варя вздохнула и терпеливо произнесла:

– Я и так уделяю вам достаточно внимания, сэки Асса.

– Да вы слушаете, о чем я говорю? Ладно, о сэки Вейру я не скажу больше ни слова. Я прекрасно вижу, что у вас творится, но раз вы не хотите об этом, то не надо. Однако я не поверю, будто мое общество вам неприятно.

– Вам хорошо известно, что я считаю вас приятным человеком, интересным собеседником, внимательным другом. Давайте на этом и закончим.

– Нет!

Он помолчал, хрустя пальцами – видно, собирался с духом перед решающими словами.

– Признайтесь, – сказал он наконец, – вам никогда не приходило в голову, что я был бы для вас лучшей парой? Никогда-никогда?

Варя почувствовала, как лицо заливают краски, и возблагодарила небеса, что на улице темно. Она хотела бы провалиться на месте, лишь бы не отвечать на этот вопрос. Асса Минар попал в точку. Она часто обращала внимание, как молодой ученый красив, обходителен, эрудирован, остроумен, интеллигентен. Не раз, особенно в черные дни, ловила себя на мысли о том, что, будь ей предоставлен выбор, она выбрала бы обаятельного культуролога. Но она не ощущала себя вправе сказать ему об этом. Она связана с Вейру Велдом не узами брака, предполагающими возможность развода. Она

должна играть свою роль независимо от своих чувств.

Асса Минар принял ее молчание за утвердительный ответ. В чем, собственно, был прав.

– Сэке Барби, – мягко проговорил он, – если вы дорожите своим браком, это ваше дело. Но кому повредит, если мы будем... ну... тихонько встречаться? Что вы теряете? Вам не надо даже беспокоиться о внебрачном ребенке, раз вы уже беременны.

– Сэки Асса, вы пьяны! – с ужасом прошептала Варя. – Дай вам бог завтра утром не вспомнить, что вы мне наговорили!

Она вернулась в столовую, нервно дрожа. Вейру играл с Трином, ставки были крупные. Она присела рядом, вцепившись ему в плечо, словно боясь, что ее оторвут.

– А-а, любимая женушка, – протянул он довольно, перехватил ее и усадил к себе на колени. – Хорошо, что ты пришла. Смотри, как я обчищу старину Трина.

Она обняла его одной рукой за шею. Схватка с Трином не мешала ему целовать Варю в ушко и гладить ей животик. Он был сильно пьян, но это ей даже нравилось. Опьянение не делало его слюнявым мешком на шатких ногах, как многих мужчин в возрасте, зато снимало маску невозмутимой холодности. Вообще-то он был неплох, ох как неплох. Мужественный, хорошо сложенный, сильный и властный – но позволяющий себе быть ленивым, снисходительным, мягким. Она прильнула к его надежному плечу, стараясь выбро-

сильно из головы разговор с Асса Минаром.

– Трин, ты на мели, – сообщил Вейру как нечто само собой разумеющееся и сгреб кучку купюр.

Трин поднял голову, поглядел на него мутным взором.

– Дайте отыгаться, командир.

– Потом, – Вейру поднялся, не выпуская Варю. – У нас с женошкой есть дела поважнее.

Он сделал шаг к двери и покачнулся. Ого, подумала Варя. Настолько пьяным она видела его впервые.

Она подхватила его под руку, кое-как направила в дверной проем. Он вывалился на крыльцо, увлекая ее за собой. Там его движение затормозила деревянная ограда. Он тут же оперся на нее, притянул к себе Варю, поцеловал в губы долгим поцелуем. Она размякла от неги, кровь прилила к щекам.

– Лапочка, – хрипло сказал Вейру. – У нас будет незабываемая ночь. Я тебе покажу, чему научился за свою жизнь.

Они двигались по темному селу зигзагами, старательно скругляемыми Варей в синусоиду. Вейру обнимал ее, нес какой-то вдохновенный бред и совершенно не следил за координацией движений. Несколько раз им попадались по дороге такие же пьяницы, и они с трудом расходились.

Дверь в дом была не закрыта, в сенях валялась пустая бутылка. Вейру с Варей, преодолев преграды в виде крыльца и двух порогов, начали тяжелый подъем по лестнице.

– Давай здесь и останемся, – предложил Вейру, стаскивая

с Вари плащ и собираясь проделать то же с платьем. – Тут мягкий ковер.

– Еще немножко, Вейру, – подбодрила она его. – Последнее усилие!

Он со вздохом потащился за ней, цепляясь за перила.

В конце лестницы на перилах болтались голубые кружевные трусики. Варя не успела задать риторический вопрос об их происхождении. Вейру взял их двумя пальцами и фыркнул:

– Паршивка Хеддо!

Он с силой пнул ногой дверь в комнату Дайне, которую тот скромно называл чуланчиком. Дверь оказалась заперта, но это не спасло. Вместе с вывернутым замком и обломками петель она с грохотом влетела в комнату и шваркнулась на пол, подняв с ковра тучу пыли.

Варе почудилось, что весь дом затрясся. Она ожидала криков возмущения, но из темноты донеслось только недовольное пьяное мычание. Вейру швырнул трусики в направлении звука, мычание стихло.

Ирочкина комната была распахнута настежь. Девочка спала ногами на подушке, ее ботинки висели на люстре, а прочие предметы одежды были разбросаны по углам комнаты. Вместо плюшевого зайца дитя прижимало к груди пустую винную бутылку.

– Унянчили дитятко! – сердито бросила Варя.

– Ладно тебе, – Вейру поволок ее в комнату. – Ей хорошо.

И нам сейчас будет хорошо. Нет, не уходи от меня, – он не дал ей зайти к Ирочке, схватил в охапку, впился ей в губы.

При этом, взвалив на себя дополнительный груз, он лишился опоры. Его угрожающе зашатало. Он ввалился в комнату с сильным креном, задев плечом дверной косяк, и рухнул на кстати попавшуюся кровать, не выпуская драгоценной ноши.

Варя принялась развязывать нелепые завязки у него на рубашке, сознавая, что возня с узелками ему сейчас не под силу. Он рванул на ней платье, материя затрещала.

– Ты его порвал! – укоризненно сказала Варя.

Вейру засмеялся.

– Я тебе подарю еще одиннадцать, – и продолжил рвать ткань. – Зачем тебе вообще одежда? Без нее ты гораздо лучше. Под одеждой ничего не видно, вот дерьмо какое!

Варя хотела было заметить, что каждую ночь он может видеть все, что ему заблагорассудится, но по неизвестной причине этим не пользуется, – однако предпочла промолчать: побоялась спугнуть момент.

– Иди сюда, моя радость, – он цапнул ее за ягодицу. – Дай мне войти в тебя...

– Сними сначала штаны, – хихикнув, посоветовала Варя. – А то, боюсь, ничего у тебя не получится.

– Ох, и правда, – пробормотал он и попытался нащупать молнию непослушными пальцами.

– Давай я помогу, – предложила Варя.

Вейру охотно убрал руки за голову и предоставил ей свободу действий. Она развязала ему ботинки, сняла носки, растегнула молнию на брюках. Он бормотал под нос какие-то непристойности, потом замолчал.

– Вейру... Ты что, спишь?!

Глаза его были закрыты, он ровно дышал, по лицу блуждала улыбка блаженства. Варя затрясла его за плечи:

– Вейру, проснись! Милый, ты не можешь вот так взять и заснуть... Вейриэ!

Он засопел, но не проснулся. Все усилия были тщетны.

– Пьяница чертов! – Варя со злостью запустила в стену его ботинком и заплакала.

Вот тебе и необыкновенная ночь, с горечью думала она. Она вдруг пожалела, что не ушла с Асса Минаром.

Утро было ужасным. Вейру проснулся поздно, едва сев на постели, обхватил руками голову и просидел так с минуту. Потом окинул хмурым вором беспорядок в комнате, Варю, лежащую слишком близко.

– Что тут было? – спросил отрывисто. – Я тебя не изнасиловал?

– Нет, – сказала Варя. Хотела добавить: «а зря», но не стала – Вейру выглядел злым и не склонным к шуткам.

– Вот и прекрасно, – буркнул он и ушел в ванную.

Варя в тоске оделась, отправилась вниз. В коридоре был жуткий бардак: щепки от выбитой двери, осколки бутылок... Можно было подумать, что здесь буянила целая рота.

В кухне возилась сердитая Надя.

– У тебя есть рассол? – спросила Варя.

– Может, и есть, – проворчала она неприветливо, – но стоит ли тратить его на врагов, вот в чем вопрос.

Варя нервно оглянулась. Не хватало только, чтобы Вейру сейчас это услышал.

– Ты с ума сошла, Вейру тебя пристрелит!

– Да? – огрызнулась Надя. – А кто будет готовить жрать его величеству?

– Я готовлю гораздо лучше, – холодно сказала Варя и вышла, хлопнув дверью.

Она не стала говорить Вейру, что у Нади есть рассол: хоть женщина явно ее недолюбливала, ей не хотелось, чтобы трое детей остались сиротами. Но он сам вспомнил, что надо полегчить от похмелья.

– Эй, кухарка, – мрачно сказал он, входя в столовую и наставляя на Надю указательный палец, – найди-ка что-нибудь типа этой огуречной водички...

– Э... – проблеяла та нерешительно.

Вейру грозно сверкнул глазами:

– Не надо мне ничего объяснять! Ищи где хочешь, и если через пятнадцать минут вернешься ни с чем, я нашпигую свинцом твою глупую башку!

Он дотронулся до пистолета. Надю как ветром сдуло.

Ишь, подумала Варя. Смелая перед беременной женщиной, а как пистолет увидела, так вся смелость испарилась.

Завтрак прошел относительно мирно лишь потому, что никто ни с кем не пытался заговаривать. Приплелись Дайне и Хеддо, тоже с большими головами, зеленые и ошестинившиеся. Надя смотрела на Хеддо волком, но той было не до нее: она не могла попасть ложкой себе в рот. Ирочка поела, как всегда, быстрее всех, посмотрела на перекосившиеся похмельные рожи и отпросилась у матери погулять.

Варя тоже не засиживалась за столом. Она поцеловала мужа в щеку на потребу невзыскательной публике и сказала, что пойдет еще поспит после бурной ночи.

Ирочка ревела, сидя на ковре посреди комнаты. Под люстрой стояло шаткое сооружение из детского столика и стула.

– Ты что плачешь, малышенька? – Варя обняла ее, присев рядом. Слизнула соленые капельки со щек. – Тебя кто-нибудь обидел?

– Мои бо-ти-но-чки-и, – прохлюпало дитя, шмыгая носом. – Достать не могу-у!

Ботинки висели, привязанные к люстре за шнурки. Варя встала, отряхнулась.

– Разве это беда? Сейчас я их сниму.

Она осторожно забралась на столик. Потом на стул, потянулась к люстре, затаив дыхание. Один ботинок снялся быстро, другой же был привязан слишком крепко. Варя сама не заметила, как попытки отвязать его поглотили все ее внимание, и она перестала следить за равновесием. Вдруг перед глазами все перекувырнулось, ноги потеряли опору; она не

успела испугаться, как почувствовала удар о твердое и боль в виске. Сознание зафиксировало эти ощущения и отключилось.

– Мама, мама! – Ирочка затормошила ее. – Вставай!

Мама не шевелилась. Девочку охватил ужас. Она в панике выбежала из комнаты. Никого из взрослых не было видно.

– Папа! – заорала она, захлебываясь слезами.

Вейру и Дайне угрюмо поглощали в столовой рассол. Услышав отчаянный вопль, Вейру вскочил на ноги, рванул вверх по лестнице.

– Что случилось? – он присел к рыдающей Ирочке.

– Ма-ма! – выдавила она, размазывая слезы по лицу.

– Что – мама? – с похмелья он соображал туго.

– Упа-ла-а...

– Вот дерьмо!

Варя лежала на полу без движения. Вейру перевернул ее, похлопал по щекам, крикнул:

– Дайне!

– Понял, – тут же отозвался он. – Через пятнадцать минут Кори будет здесь, – и исчез.

Перед глазами медленно клубились бесплотные вихри, мелькали разноцветные круги. За ними смутно угадывалось чье-то лицо. Круги разошлись, и Варя увидела, что над ней наклонился Вейру. Она застонала: платой за отчетливое зрение явилась жуткая головная боль.

Она все еще лежала на полу, головой у Вейру на коленях.

Он держал ее за руку, от его ладони шло тепло.

– Зачем ты полезла на стул? – спросил он. – Почему не попросила меня?

– Но, – проговорила она с трудом, – ты был такой... такой сердитый...

– Какое это имеет значение? – буркнул он.

Дверь отворилась, вошел Дайне, за ним – Элька в драных линялых джинсах и серой форменной иррийской куртке. В одной руке у нее был чемоданчик, в другой – толстая тетрадь, с которой она не разлучалась.

Вейру уставился на нее с нескрываемым недоверием.

– Это что еще за пугало?

– Док в отключке, – сообщила Элька. – А сэке Кори заперлась в сортире и рычит на унитаза. Да вы не волнуйтесь, я свое дело знаю. Сейчас я осмотрю сэке Барби.

– В моем присутствии, – проскрипел Вейру.

Элька пожала плечами, скинула куртку, которую машинально поймал Дайне, опустилась на колени рядом с Варей. Чуткие пальцы быстро прошлись по всем косточкам.

– Переломов нет, – сказала она. – Переложите сэке Барби на кровать, так будет удобнее и ей, и мне.

Вейру послушно уложил Варю на Ирочкину кроватку.

– Так, – пробормотала Элька. – Ушиблись маленько, но это дело поправимое. Сейчас наложу на висок успокаивающую мазь...

– Дура, что с ребенком? – не выдержал Вейру.

Элька вдруг рассердилась.

– Ну-ка не мешайте мне, а то быстренько выйдете отсюда.

Я у вас под ногами не путаюсь, когда вы командуете, вот и вы не лезьте не в свое дело!

Варя ждала, что Вейру с перепоею схватится за пистолет в ответ на такие слова, но он сконфуженно замолчал.

Элька раскрыла чемоданчик, стала вынимать оттуда части переносной ультразвуковой установки. Собрала прибор, долго смотрела на экран, водя зондом по слабой выпуклости Вариного живота, время от времени заглядывала в тетрадку.

– Давай скорее! – поторопил ее Вейру.

– Заткнитесь, – коротко огрызнулась она, не отрываясь. –

А то не скажу, мальчик или девочка.

– Я и так знаю, что мальчик.

– Откуда? – удивилась Элька.

– Поживи с мое, – торжествующе фыркнул он, – еще не то знать будешь.

Теперь уж Элька примолкла, пораженная до глубины души. Она молча закончила обследование, затем изрекла:

– Все в порядке. Но несколько дней лучше провести в постели.

Варю беспокоила в основном боль в разбитом виске. Она хотела встать к обеду, но Вейру воспротивился, сам принес ей еду в спальню.

– Лежи, – сказал он. – А то хуже будет.

– Можно мне хотя бы в туалет сходить? – вымученно

улыбнулась она.

– Так и быть, – разрешил он скрепя сердце. – Но я тебя провожу.

Он не отходил от Вари до вечера. После ужина собрался штаб, и компанию ей составлял Дайне.

– А что у вас было с Хеддо, – с любопытством спросила Варя, – этой ночью?

– Ну, – замялся Дайне: видно было, что о настоящем он куда менее расположен болтать, чем о прошлом. – По всей вероятности, примерно то же, что у вас с командиром.

– Вряд ли, – вздохнула Варя.

– Почему это? – обиделся он. – Может, я и выгляжу старше сэки Вейру, но на самом-то деле я немного моложе и уж намного темпераментнее!

– Да что ты, Дайне, – спохватилась Варя. – Я тебе охотно верю.

– Расскажите теперь вы что-нибудь, – попросил он. – Например, как вы с командиром познакомились?

– Э... – она напрягла память. – Это было четыре года назад. Вейру приехал на Землю по турпутевке, а я работала в гостинице, где он остановился. Вот и познакомились.

– И все? – он скорчил разочарованную мину. – Ну расскажите поподробнее! Как вы встретились? Как стали мужем и женой?

Она могла бы придумать что-нибудь, но вдруг Вейру проговорился бы о том, что было на самом деле? А если об этом

знала Кори? Докторша была достаточно информирована. Варе так не хотелось неувязок!

– Дайне, – вздохнула она, – нескромно задавать женщине такие вопросы. Спроси лучше у Вейру.

Когда споры в столовой закончились, и Вейру вернулся к ней, она решила сама узнать у него об этом.

– Чего это тебе вздумалось? – прищурился он подозрительно, приподнявшись с подушки.

– Вейру, меня спрашивают, как мы с тобой познакомились. Что мне отвечать? Ничего? Тогда все будут думать: почему это я скрытничая?

– Ладно, – он согласился с ее доводами. – Я увидел тебя... ее... в гостиничном ресторане. Гостиница «Гавань Вселенной» в столице, если знаешь. Она сидела за соседним столиком, пила коктейль. На ней была алая шляпка...

Варю словно током ударило.

– И сумочка? – спросила она и затаила дыхание.

– Ясное дело, и сумочка тоже, – подтвердил он. – У нее были красивые руки с маникюром, и я их рассматривал от нечего делать. Времени было много, вечер свободный. Я стал глазеть на ее ноги... На ней была короткая юбка. Так прошло несколько минут. Потом она допила бокал и встряхнула головой. Тяжелые волосы разлетелись, и шляпка упала на пол...

– И ты ее поднял? – голос Вари почему-то дрожал.

– Да.

– А она что?

– Поблагодарила, предложила выпить. Я заказал какое-то дорогое пойло. Мы поболтали о местных достопримечательностях, и я сказал, что главная достопримечательность столицы сидит со мной за одним столиком... ну, и еще что-то в том же духе.

– Ты влюбился с первого взгляда?

Он подумал.

– Пожалуй, нет. Она мне понравилась сразу, это верно, и во время беседы я ее мысленно раздевал... Но влюбился только потом. Когда мы занимались сексом у меня в номере... Нет, еще чуть позже. Наутро. Когда я понял, что хочу, чтобы она пришла и завтра, и послезавтра... а лучше, чтобы вообще не уходила.

– Ты сказал ей об этом?

– В тот раз – нет. Двумя днями позже. И переехал к ней домой.

– А та ночь, как она закончилась?

– Как обычно, – он пожал плечами. – Я отдал ей деньги, и она ушла.

– Деньги?!

– Ну да. Она стоила этих денег!

– Господи боже, – простонала Варя, зарываясь в подушку от стыда. – Господи боже!

И это – ее легенда!

– Да что с тобой? – встревоженно спросил Вейру. – Тебе

нехорошо?

Похоже, он не понимал, что ее так смутило. Как будто секс за деньги входил в его представление о нормальном образе жизни.

Она покачала головой.

– Я не думала, что ты... что твоя жена зарабатывала таким способом...

– Ты находишь это странным? – удивился он.

– Господи, Вейру! Да я просто в шоке! – она заплакала.

– Эй, Варезка, а ты-то чем зарабатывала на жизнь? Ведь тебе давал деньги муж.

– Это другое дело.

– Не вижу особой разницы, – он предостерегающе поднял ладонь, увидев, как она вскинулась. – Ладно, не будем спорить. Ты сейчас не в том состоянии. Постарайся уснуть.

Ночью Варе опять снилась жена Вейру Велда в красной шляпке и в отвратительно-приманчивом ракурсе. Проснулась она в холодном поту еще до рассвета. Вейру уже был на ногах и полуодет. Он склонился над разложенной на постели картой, через лоб пролегла складка.

– Как спалось? – поинтересовался он заботливо.

Она нехотя промолвила:

– Хуже некуда.

Он поднялся, затянул завязки на рубашке, набросил на плечи плащ.

– Пойду, позову Кори. Пускай она сама тебя посмотрит, а

то вчерашняя пигалица не внушает уважения.

– Потому что она землянка? – спросила Варя.

– Потому что она беспечная малолетка без специального образования.

Дверь захлопнулась за ним. Варя вытерла пот со лба, покосилась на карту. Это была хорошая военная карта, крупномасштабная, подробная, с четкими надписями. Ее испещряли цветные значки, стрелочки и большие стрелки, рядом с ними пестрели размашистые пояснения от руки по-иррийски. Варе не раз приходилось видеть штабные карты, и Роман даже учил ее на досуге в них разбираться. Продвижение иррийских войск было обозначено зеленым цветом, отступление сил СМ – черным. У Вари защемило сердце при виде жалких черных стрелочек, беспорядочно бегущих к юго-востоку. Огромная самодовольная зеленая стрела нацелилась на Эмск. Варя поняла, что судьба этого крупного города решится в ближайшие дни. Долог путь от Энска до Эмска, но десант преодолел его в считанные месяцы.

Сумрачная невыспавшаяся Кори подтвердила все, что говорила Элька, и заметила, что если уж командир выделил девчонке паек, то мог бы относиться к ее рекомендациям с большим доверием.

– Я вынужден тебя покинуть, – сказал Вейру Варе после ухода недовольной Кори. – Постарайся вставать как можно меньше. Кто-нибудь из медиков будет заходить пару раз в день, и я велю кухарке приносить тебе еду. Но, к сожалению,

я не могу себе позволить оставить кого-то с тобой на все время.

– Возвращайся поскорее, – прошептала она чуть слышно.

– Когда дело будет сделано, – ответил он.

Когда будет захвачен Эмск, поняла она. Когда будут расстреляны мэр и военный комендант, а сам город разрушен, выжжен и разграблен. О господи!

Вейру забрал карту и ушел. Порыв ветра донес из заочной темноты урчание самоходных установок, лязг оружия. За лесом разгорелась поздняя осенняя заря, подцвечивая запотевшее стекло.

Варя тихонько заплакала в подушку.

Когда было уже совсем светло, и на улице показались ребяташки, в дверь постучали. Вошла Надя с подносом, на нем стояла миска дымящейся каши, чайник и чашка. Она поставила поднос на журнальный столик.

– Спасибо, – проговорила Варя.

Надя поглядела на нее капельку виновато:

– Я и не знала, что вы ждете ребенка. Извините, уж очень я на вас разозлилась, когда вам не понравилась моя стряпня.

Она помолчала.

– Вообще-то до тех пор я никогда не готовила. У нас была домработница.

– Как же ты согласилась стать кухаркой? – недоуменно спросила Варя.

– Не могла же я оставить детей умирать от голода! – фырк-

нула она. – Лучше быть кухаркой, чем проституткой.

– Я тоже так думаю, – примирительно сказала Варя.

– Кстати, – вспомнила Надя, – я должна поблагодарить вас, что вы прогнали тех пьяных ирок... ну, вы помните. Все как-то не получалось раньше.

– Да ладно, ерунда, – смутилась Варя.

– Для кого как, – возразила Надя.

Она ушла по своим делам. Варя поела. Потом лежала, бессмысленно глядя в окно на качающиеся под ударами ветра деревья, теряющие последнюю листву. Ирочка прыгала во дворе через лужи, соревнуясь с детьми Нади. С запозданием Варя подумала, что надо было попросить у Нади какое-нибудь чтиво. Под рукой ничего не было, и она продолжала тупо глазеть на рваные серые облака. В направлении Эмска пролетело несколько военных самолетов с иррийской эмблемой на хвостах. Поддержка с воздуха, машинально отметила она. Что там сейчас с Вейру?

Она поймала себя на мысли, что больше беспокоится об этом иррийском командире, чем об обреченном гарнизоне Эмска и его несчастных жителях.

Время кое-как доползло до обеда. В дверь стукнулись; Варя решила, что это Надя принесла поесть, но вслед за подносом из полумрака коридора появился Асса Минар.

– Приветствую, сэке Барби, – поздоровался он. – Счастлив избавить вашу прислугу от необходимости лишний раз подниматься по лестнице, – он поставил поднос перед ней.

Варя испытывала одновременно радость и замешательство. Радость оттого, что ее скуке и одиночеству, похоже, пришел конец. Но когда она представила, как выглядит со стороны, энтузиазм ее несколько померк. Неумытая, растрепанная, опухшая от идиотского постельного режима, в измятом халате, да еще с незамазанным косметикой огромным синяком на виске! Вид явно не для приема гостей.

– Рада вас видеть, – проямлила она. – Хотя и не могу ожидать от вас того же самого, – она жалобно сморщилась.

– Ну что вы! – воскликнул он, жестом приглашая ее поест. – Я был бы на одиннадцатом небе, если бы мог лицезреть вас непрерывно.

Интересно, помнит ли он, что сморозил во время праздничной гулянки, подумала Варя и отпила из чашки бульон.

– Замечательно, что вы пришли, – сказала она. – Я с утра одна и почти уже свихнулась от скуки.

– А ваш любимый муженек, конечно, бросил вас без призора в таком состоянии и улизнул на войну, без которой жить не может, – саркастически заметил Асса. – Скажите честно, он вас избил с похмелья?

– Что вы выдумываете! – возмутилась Варя. – Я упала со стула.

– Я слышал эту версию, – кивнул он разочарованно. – Ладно, пусть будет так. Все равно он к вам преступно равнодушен. Разве можно оставлять беспомощную женщину в пустом доме, если не считать оравы детей и слабоумной де-

вицы? Только не включайте свой защитный рефлекс: «Муж всегда прав»! Посмотрите на это непредвзято.

– Вы спите и видите, как бы нас поссорить! – обвиняюще произнесла Варя.

Он вздохнул и признался:

– Не без этого.

– Так зарубите себе на носу: вам это не удастся! Ни при каких обстоятельствах.

Он вздохнул еще тяжелее.

Варя выпила бульон, в молчании перешла к котлетам.

– Вы на меня сердитесь, да? – несчастным тоном спросил Асса.

– Не очень, – ответила Варя. Она не могла долго злиться на культуролога. – Расскажите-ка мне что-нибудь интересенькое, чтобы загладить вину. Расскажите еще об Ирру. А если ваш рассказ мне понравится, я вам сообщу какую-нибудь информацию для вашей научной работы. Идет?

Они проболтали до позднего вечера. Надя принесла ужин на двоих. Ирочка забежала сказать «спокойной ночи», недоверчиво зыркнула на чужого дядьку. Давно стемнело, в деревенских домах одно за другим погасли окна. Тут Асса спохватился:

– Ого, да уже скоро полночь! Вам давно пора отдохнуть.

– А завтра вы придете? – просительно улыбнулась Варя.

– Если вы пожелаете, могу вообще не уходить.

– Еще чего, – отрезала она, сразу уйдя в глухую защиту. –

Не забываетесь!

– Да это я так, скаламбурил, – он тут же отступил на подготовленные позиции. – Спокойной ночи. До завтра, сэке Барби.

Утром после завтрака Варя все-таки решила принять душ и вымыть голову. Хорошо врачам раздавать советы не вылезать из постели, но каково им следовать? Весь вчерашний день – ну, не весь, половину – она краснела за свой непрезентабельный вид. Не хватало еще краснеть и сегодня!

Она вымылась, переделалась в платье и сразу почувствовала себя лучше. Осталось только закрасить синяк. Напевая песенку и расчесывая мокрые волосы массажкой, она вернулась в комнату и увидела Асса Минара, растерянно сидящего у журнального столика.

– Сэки Асса? – изумлению ее не было предела. – Вы встали до обеда?!

– Ну... Я волновался, все ли с вами в порядке, не нужно ли вам чем-нибудь помочь. Как вы могли одна пойти в ванную? Вдруг бы с вами что-нибудь случилось?

– Вы думаете, что говорите, сэки Асса? – с насмешкой отозвалась Варя. – С кем, по-вашему, я должна была пойти в ванную? С вами, что ли?

– Почему бы и нет?

– Боюсь, за такую заботу обо мне Вейру оторвал бы вам... э-э... голову.

– Вот видите. А вы еще его защищаете.

– Давайте закроем тему, – поспешно предложила она. – Если вы и впрямь хотите помочь, то принесите мне какую-нибудь книжку и последите, чтобы Ирочка умылась, почистила зубы и не выходила на улицу без шапки.

Асса исчез. Варя застелила постель, легла поверх покрывала, укрыв ноги пледом и облокотившись на подушку, и занялась подкрашиванием глаз.

Через несколько минут в коридоре послышался шум. Варя подняла голову, прислушиваясь. Дверь распахнулась, вошел, пошатываясь, Асса Минар. В руках у него дрыгался вопящий и плюющийся клубок.

– Она не слушается, – пожаловался он. – И кусается к тому же.

Он поставил на пол разъяренную Ирочку.

– Ты почему не слушаешь старших? – строго спросила Варя.

– Он не имеет права мне приказывать! – заорала Ирочка, размазывая кулачками слезы и сопли. – Почему меня все время воспитывают посторонние люди?

– Сэки Асса не посторонний человек, – терпеливо разъяснила Варя. – Он мой друг.

– Твой друг Дайне уложил меня спать с бутылкой, а подружка Хеддо повесила мои ботиночки на лампу! Хватит с меня твоих друзей!

Она развернулась и выбежала из комнаты.

– Умойся и почисти зубы! – крикнула Варя вслед.

Асса вздохнул, разводя руками:

– Оч-чень своевольный ребенок, – и добавил чуть позже: –

Вся в отца.

В течение дня приходила Кори, ухудшения не обнаружила, и вечером Варя рискнула с помощью Асса Минара дойти до столовой. Он, правда, возражал, проявляя беспокойство о ее здоровье:

– Может, не надо, сэке Барби? Ваш муж точно бы вам не позволил.

– Вы же всегда это осуждали, – напомнила Варя. – А стоит мне проявить независимость, как вы идете на попятный.

И он сдался.

На следующий день она осторожно вышла на крыльцо, опираясь на его руку. Ураганный ветер стих, принесся тоскливый занудный дождь. Ярко-желтые и оранжевые листья плавали в темных лужах.

– Красиво, правда? – сказала она.

– Да, – согласился Асса. – Ваша природа вообще очень мила. Но вам не хватает второго светила: дополнительная подсветка придавала бы ей особый шарм.

И выговорил в пространство, как бы ни к кому не обращаясь:

– То же самое можно порой сказать и о людях.

Варя сделала вид, что не поняла намека.

Десант задерживался с возвращением. Прошло три дня, перевалил за половину четвертый, а об ушедших не было ни

слуха, ни духа. Варя начала волноваться.

– Как бы чего не случилось, – поделилась она своими переживаниями с Асса Минаром, когда он сопровождал ее из госпиталя. – Даже тщательно разработанные военные операции, бывает, заканчиваются провалом.

– Разве это вас не обрадует? – хмыкнул он. – Вы же так печалились по поводу успехов иррийских оккупантов.

Она вздохнула. Самой бы разобраться в собственных чувствах!

– Мне бы не хотелось стать вдовой, – сказала она наконец, а про себя подумала: второй раз за полгода – это слишком.

– Вы не должны огорчаться заранее. Командиры редко гибнут в первых рядах.

Как будто мало в жизни идиотских случайностей, подумала Варя.

– Но даже если это произойдет, вы легко найдете ему замену, – обнадежил Асса.

– Если вы имеете в виду себя, забудьте об этом, – отрезала она.

К сожалению, этому симпатичному молодому человеку не под силу защитить ее от особой службы. Это мог бы сделать Трин Велд, изуродованный шрамами мрачный ветеран, если бы принял командование. Или винная бочка Элену Мин, щеголяющий с торчащим из кармана цветным носовым платочком и бросающий призывные взгляды на несовершеннолетних девочек. И в этих типах ей надо искать опору!

Но скорее всего пост командира займет Хеддо Мине. И уж она-то не женится на Варе ни под каким соусом. И если особая служба потребует выдачи лже-вдовы Вейру Велда, у нее не будет причин им отказать.

А какие, собственно, причины у Вейру Велда? Те, что он назвал, представлялись Варе просто капризом.

В таких тяжелых раздумьях она тронула ручку входной двери.

– Зайдете поужинать, сэки Асса?

– С превеликим удовольствием, – откликнулся он, аккуратно поддерживая ее под локоть и открывая перед ней дверь.

В столовой горел свет. Варя вошла первой, Асса остановился на пороге.

За столом сидел Вейру Велд с горкой куриных костей и с полупустой бутылкой. Интересно, первая ли это бутылка, промелькнуло в голове у Вари.

– Та-ак, – многообещающе протянул он.

– Ну, не буду вам мешать, – мгновенно сориентировался Асса и смотался.

Вейру взглянул на Варю в упор. Она вдруг почувствовала себя кроликом, гипнотизируемым удавом.

– Вейриэ, сэки Асса провожал меня в госпиталь, – залепетала она оправдывающимся тоном. – Он очень помог мне, пока тебя не было...

Он с грохотом ударил ладонью по столу.

– Я же велел тебе лежать! Лежать, а не шляться по деревне с этим яйцеголовым!

– Вейру, – взмолилась она, – пожалуйста! Тебя не было так долго...

– Так долго, что ты забыла мои наказания? – и, не давая ей вставить слово, повысил голос: – Или ты вообще забыла, кто твой муж?

– Как же, – выкрикнула она со слезами несправедливой обиды, – помню! Роман Затонский!

Она плюхнулась на стул, наплевав на осторожность, закрыла лицо обеими руками и заревела. Она не видела, как Вейру в ярости сдвинул пальцами стакан, и толстое стекло хрустнуло и рассыпалось на звонкие осколки.

Через минуту он гладил ее по голове.

– Ладно, Варешка. Я, наверное, погорячился. С этим клятым Эмском были непредвиденные трудности. Я никак не мог приехать раньше.

Ей на щеку капнуло красное. Она обернулась с расширенными глазами:

– Вейру, да у тебя рука в крови! Дай я перевяжу.

– Все-таки, – сказал он, когда они уже сидели, он с забинтованной ладонью, она с мокрой головой, за журнальным столиком в спальне, – тебе не следовало бродить по деревне.

– Мне Кори разрешила, – возразила Варя.

– Кто главнее – я или Кори? – усмехнулся он.

– Конечно, ты. Но ты же не специалист.

– Но? – он поднял бровь. – Никаких но. Закрой-ка бутылку и ложись спать.

– Может, выпьешь еще? – робко спросила она в тайной надежде.

– Достаточно.

Она разочарованно вздохнула.

Назавтра во второй половине дня подтянулся десант, груженный добычей. В госпитале царила суматоха. Кори с доком безотрывно торчали в операционной. Элька сказала, что много раненых, быстро осмотрела Варю и, пожертвовав обычной болтовней, вернулась к очереди на перевязку.

– Операция прошла не очень-то удачно? – спросила Варя у Вейру на обратном пути.

– Очень, не очень... – он пожал плечами. – Без потерь никогда не обходится. Но те, кто защищал Эмск, потеряли больше, – сузившиеся глаза сделали его похожим на хищника. – Гораздо больше!

Не стоило заводить этот разговор, подумала Варя, шурша сапогами по ковру из мокрой листвы. Его удачи меня огорчают, неудачи – тоже. Лучше вообще не лезть в его дела. Сунуть голову под крыло.

За забором визжала полуодетая девчонка лет пятнадцати-шестнадцати, тщетно вырываясь из рук солдат. Вейру бросил равнодушный взгляд в ту сторону и прошел мимо, не замедлив шага, а Варя невольно остановилась. Будь она одна, тотчас шуганула бы мерзавцев, но не решилась командовать

в присутствии командира.

– Вейру! – позвала она. – Ты им ничего не скажешь?

– Думаешь, они не справятся без моих советов? Пойдем, – он потянул ее за руку.

– Но девушке это не нравится! – запротестовала она.

– Это ее проблемы.

– Ты что, серьезно? – она с негодованием попыталась вырвать руку, но не смогла, и ей пришлось последовать за Вейру; это возмутило ее еще больше. – Ты – жестокий, самодовольный, циничный жлоб! Чудовище!

– Эй, полегче, – уронил он невозмутимо. – Не забывай, что мы ведем войну.

– Ты же говорил, что вы не воюете с женщинами!

– Ее и не убьют. Парни просто развлекаются. В их возрасте это вполне естественно.

– Так ты это одобряешь?

– Я тоже был молодым, – хмыкнул он.

У Вари от гнева потемнело перед глазами.

– Я-то думала, ты только с проститутками имел дело, а оказывается, ты еще и мерзкий насильник!

В ледяном тоне Вейру Велда сквознуло бешенство:

– А ты, комнатный цветочек, никогда не спрашивала у своего любимого мужа, чем он в юные годы занимался на захваченных территориях?

Варя вспыхнула. Конечно, она спрашивала! Но не могла припомнить ответов... Роман никогда не отвечал на такие

вопросы, отшучивался, переводил разговор на другие темы. Вспомнились и туманные недомолвки, и намеки, что он-то знает не понаслышке, как ведут себя захватчики. Неужели?..

Ей стало плохо. Она доковыляла на подкашивающихся ногах до забора, вцепилась в мокрые холодные доски, прижалась к ним лбом. Нет, шептала она про себя, этого не может быть... Но безжалостный разум подсказывал: очень даже может.

Подошел Вейру, проговорил неловко:

– Извини, я не хотел. Но ты первая перешла на личности.

Варя горько плакала.

Она долго не могла справиться с этим. Все ее представления рушились на глазах. Она всегда считала, что достойный человек не может делать такие вещи, пусть даже и во время войны. Роман был для нее идеалом. Отказаться от своей любви к нему или признать, что можно совершать ужасные поступки и оставаться при этом собой? А Вейру Велд? В рассказах офицеров СМ, и Романа в том числе, его окружал ореол кровопийцы и сатрапа, но, столкнувшись с ним лицом к лицу, она составила свое мнение о нем как о приличном, в целом, человеке. И вот теперь такое? Все-таки кровопийца он или нет? Она смутно ощущала, что этот вопрос сейчас для нее гораздо важнее, чем дилемма относительно Романа, хоть и любимого, но – увы! – оставшегося в прошлом.

Минуло довольно много времени, прежде чем сердечная боль успокоилась. Варя не смогла разрешить эти противоре-

чия, она просто сдалась. Что толку рассуждать о том, любила бы она Романа или нет? Она его любила, а теперь уж все равно. И почему бы не смириться с темными сторонами жизни Вейру Велда, если, судя по всему, все военные в этом одинаковы? Тем более что конфронтация с ним явно не приведет ни к чему хорошему. Он и так достаточно терпим к ее нападкам. Но ведь терпение может и лопнуть...

Наверное, она слишком многого хочет от него. Кажется, ее требования к нему сильно повысились с момента их знакомства. Раньше ей хватало того, что он позволил ей жить. А теперь ей надо, чтобы он был морально чист, ласков, внимателен и обладал еще десятком положительных качеств. Зачем? Чтобы, говоря ему: «милый», «хороший», «любимый», не столь уж сильно кривить душой?

... Октябрь был на исходе. Колеса грузовика ломали тонкий утренний ледок замерзших луж. Машину вела Хеддо, Варя откинулась на спинку сиденья рядом с ней. Ирочка спала на ящике.

Линия фронта опять ушла далеко вперед, и четыре дня назад Вейру Велд решил покинуть деревню.

– Проедусь-ка я, – сказал он Варе. – Выберу что-нибудь подходящее для лагеря в большей степени, чем этот курорт.

Деревню, где они жили, Вейру считал излишне шикарной.

– Она мало отличается от города, в этом вся беда, – говорил он. – Солдаты жиреют, развращаются и разбалтываются. Пора приводить их в норму, иначе мы столкнемся с куда

большими неприятностями, чем под Эмском.

Он уехал вместе с Дайне и еще несколькими офицерами. Через пару дней вернулась Хеддо и дала указания по транспортировке.

Варя собирала свои немногочисленные пожитки, когда снизу донесся веселый голос:

– Эй, есть дома кто-нибудь?

– Есть, есть, – отозвалась Варя, выглядывая из комнаты. – Заходи, Хеддиэ.

Она вошла, присвистнула, обозревая мини-разгром.

– Ты куда собралась? Нечего тебе трястись на самоходке. Поедешь потом с госпиталем.

– Но я бы хотела перебраться поскорее, – сказала Варя.

– Брось, нечего там делать. Сплошная суматоха и нерво-трепка. Когда еще все устаканится! Командир ждет тебя через три дня, не раньше.

Варя вроде бы согласилась с ее доводами, но прошел день, небо затянуло тучами, Надя разворчалась. Деревня, оставленная десантом, казалась угрожающе пустой и опасной, а тут еще Хеддо за ужином обмолвилась, что завтра ранним утречком уедет с последним грузовиком арсенала. И тогда Варя упросила Хеддо взять ее с собой.

– Ну, поехали, – кивнула та, не видя серьезных оснований для отказа. – Заодно будет с кем поболтать по дороге.

Нехотя вылезшее Солнце понемногу разжижало застывшую за ночь колею. Трясло теперь меньше, но колеса стали

иногда буксовать.

– Ну и дороги у вас! – раздраженно фыркнула Хеддо.

– Разве плохая дорога? – удивилась Варя. – Мы еще ни разу не застревали, и машину не переворачивало...

Хеддо, стиснув зубы, пробормотала что-то нелицеприятное в адрес строивших это безобразие дикарей. Варя вспомнила пренебрежительные отзывы Асса Минара о земной цивилизации. Грустно сознавать, что Земля, так долго гордившаяся своим развитием, выглядит дикой и неухоженной в сравнении с Ирру. Что и говорить, трудно воевать с планетой, вооруженной более высокой технологией.

А все-таки Римскую империю разрушили варвары, подумалось ей некстати.

– Стой, стой! – закричали с обочины.

Хеддо выругалась и притормозила. Варя глянула в окошко и обмерла: это был пост особой службы. К машине не торопясь подошел офицер в коричневом.

– Ну, чего надо? – неприветливо спросила Хеддо. – Мы спешим.

– Проверка документов.

– Разуи глаза, – она указала на квадрат на своем рукаве. – С каких это пор дерьмушники осмеливаются требовать документы у вторых офицеров десанта?

Он скрипнул зубами, но проглотил. Что, впрочем, только усугубило его придирчивый настрой.

– Кто это с вами? Она, кажется, не второй офицер? – угол-

ки его губ ехидно приподнялись. – Выйдите из машины, женщина, и предъявите документы.

– Никуда она не пойдет! – рявкнула Хеддо. – Это супруга сэки Вейру, если ваши дырявые мозги способны удержать в памяти имя командира десанта!

– Очень хорошо, – невозмутимо произнес коричневый. – Я хотел бы взглянуть на документы сэке.

– Посмотри сюда, – холодно сказала Хеддо.

Для Вари, находящейся в первобытном ужасе, минуты растянулись в часы, но и она не заметила, как между ладонью Хеддо и кадыком коричневого оказался квантор.

– Вот это – единственный достойный внимания документ, – тихим голосом, в котором явственно слышалась готовность нажать на кнопку, произнесла Хеддо. – Понял, невежа?

Она надавила на педаль. Грузовик с ворчанием тронулся, плюнув грязью из-под колес в оставшегося позади офицера.

Варя судорожно вздохнула и поняла, что все это время произвольно задерживала дыхание. Сердце бешено колотилось, угрожая выпрыгнуть из грудной клетки.

Хеддо протянула ей фляжку с сетованием:

– Совсем дерьмушники охамели. Можно подумать, это они кладут свои головы в атаках!

Варя боялась, что Хеддо будет озадачена ее неприличным, просто-таки животным испугом. Но та то ли списала это на неустойчивое эмоциональное состояние беременной

женщины, то ли была слишком поглощена своим собственным негодованием.

– Похоже, никто не любит особую службу, – сказала Варя. – Почему их тогда не упразднить?

– Ну, должен же кто-то поддерживать порядок в тылу, – ответила Хеддо, с неохотой признавая нужду в этих презренных трусах. – Переписи, налоги, тяжбы... Никто из нас не стал бы заниматься подобным дерьмом.

К месту подъехали до темноты. Это была небольшая деревенька, за околицей в неразберихе теснились палатки, стоял гвалт, обычный для первоначального периода неустроенности. Впрочем, дальние посты проявляли бдительность. Грузовик пару раз останавливали, но тут же узнавали Хеддо и махали рукой – мол, проезжайте.

– Где командир? – спросила она на втором посту.

– Там, в деревне, – солдат сделал неопределенный жест в сторону разноцветных заборов. – Занимается разборками с местным населением.

Хеддо отогнала грузовик, помогла вылезти Варе и Ирочке, распорядилась, чтобы вещи доставили по назначению, и они пошли искать Вейру. Поиски не затянулись: у калитки одного из первых же дворов торчал Дайне со скучающим выражением лица.

– Привет, – сказала Хеддо. – Командира не видел?

– А как же, – отвечивал он меланхолично и ткнул большим пальцем в сторону садика. – Там...

Она направилась к калитке, Варя с Ирочкой последовали за ней.

– Эй! – спохватился Дайне. – Он занят, к нему нельзя!

– Оставь, – Хеддо отмахнулась. – Что может быть важнее приезда супруги?

Вейру действительно находился в садике, и у Вари чуть ноги не подкосились, когда она его увидела. Он был с какой-то наглой чернявой девицей, и ситуация была совершенно однозначной. Девица со спущенными штанами, отклячнув толстый зад, опиралась о скамеечку; Вейру держал ее за ляжки и выполнял ритмичные движения, не оставляющие сомнения в том, что происходит. При этом он, по-видимому, был уже недалек от кульминации и не замечал ничего вокруг себя.

Варя схватилась за корявую яблоню, чтобы не упасть.

– Это и есть разборки с местным населением? – спросила она помертвевшими губами.

– Мам, а что это папа делает? – с любопытством поинтересовалась Ирочка.

– Трахается, – охотно объяснила Хеддо, но тут уловила в лице Вари признаки отчаяния. – Барбиэ, да ты что? Обычное дело, ничего серьезного. Ну, если ты против, можешь закатить ему скандал.

– Я не умею, – прошептала Варя, покачав головой. – Не могу... Хеддо, да сделай же что-нибудь!

– А что я могу сделать? Растащить их? Твой муж сильнее.

Еще и по лбу врежет.

Варя умоляюще глядела на нее.

– Дерьмо и моча! – прошипела Хеддо, нервно пригладила волосы и направилась к парочке.

– Эй, командир, – она постучала ему по плечу.

– Я же просил не мешать! – рявкнул он раздраженно, не отвлекаясь от своего занятия.

– Это я, Хеддо, – она сделала вторую попытку. – Слушайте, командир, сказать по правде, у вас есть куда лучшие возможности для приложения сил.

– Твои возможности давно исчерпаны, – грубо буркнул он. – И если тебе что-то не нравится, это твои личные проблемы. Не учи меня жить, понятно?

– Понятно, командир, – кротко ответила Хеддо. – Но здесь ваша жена, и то, чем вы занимаетесь, нравится ей гораздо меньше, чем мне.

– Что?!

В середине разговора Варя стало не под силу смотреть на это безобразие. Она повернулась и пошла прочь, не оглянувшись на возглас Дайне, попытавшегося ее задержать. Она переставляла ноги машинально, не смотря, куда ступает. Перед глазами была мутная пелена, потом по щекам поползли капли.

У околицы ее догнал Вейру, зашагал рядом. Она не поднимала глаз.

– Надеюсь, у тебя нет ко мне претензий? – спросил он тре-

бовательно.

На вопрос, заданный таким тоном, она могла дать только один ответ:

– Все нормально.

– Вот и прекрасно. Возьми ребенка и приходи домой.

Он ушел вперед, оставив ее. Слава богу, подумала Варя. Она не могла бы сейчас находиться с ним рядом.

Конечно, она не пошла за ним. Она бесцельно бродила по деревне и по иррийскому лагерю, пока у одного из костров ее не заметили.

– Сэке Барби! – радостно воскликнула Ненте. – Посидите с нами у огонька!

Вокруг костра расположилось несколько человек. Кто-то играл на дудке. Пахло жареной птицей.

Ненте протянула ей пенопластовый прямоугольник, прошитый ремнями:

– Возьмите, присядьте.

Варя вначале не поняла, что это такое, но, присмотревшись, заметила, что у всех женщин к заднему месту прикреплены ремнями подобные штуки, и поразились простоте и рациональности этого приспособления. Она тут же надела его и присоединилась к сидящим у костра. Ей дали кусок белого мяса и термос с горячим чаем, и вскоре под переливы дудки и негромкие песни сердечная боль отпустила. Варя пригрелась. Хорошо было ни о чем не думать, глядя на яркие языки огня и искры, вспыхивающие в темноте.

– Сэке Барби! – раздался за спиной изумленный возглас. – Не ожидал вас здесь встретить.

Варя узнала голос Асса Минара. Кивнула ему, обернувшись. Он присел рядом.

– Вот так сюрприз. Что вы тут делаете в столь поздний час?

– Да вот, сижу и жду, когда вы пройдете мимо, – ответила она беззаботно.

– В самом деле?

– А вы как думаете?

– Я думаю, что вы надо мной смеетесь, – он покачал головой.

– А если и так? – усмехнулась Варя. – Вы можете сделать вид, что не поняли этого, и воспользоваться случаем.

– Вы вводите меня в искушение.

– Что это вы сегодня так нерешительны, а? Иной раз за малейший намек цепляетесь.

– Я просто не могу поверить!

– Помогите мне подняться, а я помогу вам поверить.

Он с готовностью вскочил и протянул ей руку. Она встала, отцепила пенопласт, не выпуская его руки.

– Пройдемся?

Он сглотнул и молча кивнул.

Ночь была безлунная. Только огни костров освещали путь в темноте.

– Не упадите, – сказал Асса.

– А вы держите меня крепче, – хитро улыбнулась она.

Он остановился и прижал ее к себе обеими руками. Она спрятала лицо у него на груди.

– Вы были правы, – прошептала она. – Вы мне нравитесь. Я, наверное, люблю вас.

Он слегка отстранил ее и обхватил ее губы своими. Она почувствовала щекой мягкое прикосновение его длинных волос. Руки сами собой обвилились вокруг его шеи.

– Я поцеловал вас, – тихо проговорил он, чуть ослабив объятия. – Вы правда меня не ударите?

– Нет же! Поцелуйте меня еще.

– У вас опять нелады с мужем? – заколебавшись, предположил он.

Неосторожная фраза Асса отозвалась болью, вырвав Варю из грез в паскудную реальность.

– Не смейте о нем говорить! – сказала она резко. – Ни слова о Вейру, иначе я уйду.

– Понял, – поспешно ответил он и впился ей в губы.

Она снова расслабилась и с головой ушла в наслаждение. Только холодный ветер, пробирающийся в самые затаенные места, напоминал о мерзостях мира.

– Холодно, – пробормотала Варя, переводя дыхание.

– У меня палатка недалеко, – сказал Асса. – Можно включить обогреватель.

Рефлектор светился красноватым светом в темноте палатки. Стоять в полный рост было невозможно, и Варя присела

на низкую раскладушку. Асса подрегулировал мощность рефлектора, помог Варю снять пальто.

– Скоро будет совсем тепло, – пообещал он и осторожно потянул с ее плеч платье. – Ты позволишь?

– Конечно, – улыбнулась она. – Зачем же я здесь?

– Мне все кажется, что это дивный сон, – признался он, прислонившись лбом к ее оголенному плечу, – и я боюсь проснуться. Я не раз видел такие сны.

– На сей раз это не сон, – Варя ласково провела рукой по его шелковистым серым волосам. – Воздух нагревается, Ассиэ. Почему бы тебе не продолжить? – она игриво поддела пальцем застёжку платья.

– Барбиэ, ты такая красивая, – проговорил он. – А твой животик – просто чудо. Я люблю тебя, Барбиэ. Давно уже люблю.

– И я люблю тебя, Асса.

– Я хотел бы быть с тобой всегда, на всю жизнь.

– Перестань, – в страстный шепот вкралось отчаяние. – Ты же понимаешь, что это невозможно.

– Ох... Пусть так. Но ты не забудешь эту ночь, клянусь. А я – тем более.

Она заснула с блаженной улыбкой в объятиях Асса Минара. Он выключил рефлектор свободной рукой, укрыл себя и Варю потеплее, зарылся лицом в прекрасные золотые волосы. Сны сбылись. Что еще нужно для счастья?

Варя проснулась, когда Асса еще спал безмятежным сном.

Он всегда встает поздно, вспомнила она, и зашевелилась. Кое-как перелезла через него, натянула одежду и выползла из палатки.

Было рано – Солнце едва показалось за верхушками деревьев. На промерзшей земле лежал иней. Варя брела по молчащему лагерю без определенного направления. Что-то было не так. Странное чувство после приятно проведенной ночи. В глубине души зрело ощущение, что она сделала ошибку.

Внезапно из-за поворота вынырнула Хеддо.

– Барбиэ! – воскликнула она с облегчением. – Куда ты запропастилась? Мы тебя обыскались по окрестностям. Командир рвет и мечет. Ну, пойдем скорее.

Варя помедлила.

– Не знаю, Хеддо, – и, опустив глаза, призналась: – Я боюсь. Он станет кричать на меня: где ты была, как ты могла...

– Кстати, а где ты была?

– Лучше не спрашивай, – вздохнула Варя.

Хеддо понимающе кивнула.

– Ты уйдешь от него, да?

– Нет, – Варя покачала головой и добавила про себя: если он сам не вышвырнет меня к чертовой матери.

– Это правильно, – одобрила Хеддо. – Ты ему нужна.

– Вряд ли, – Варя с трудом удержалась от слез. – Ему нужна умная, сильная, бесстыжая брюнетка. А я не подхожу к этому описанию.

Хеддо вдруг рассмеялась.

– Умная, говоришь, сильная? Плавали, знаем. Таковую женщину он в своей семье не потерпит. То есть я не хочу сказать, что ты не очень умная...

– А, оставь, – Варя вконец расстроилась. – Была б я умной, вела бы себя по-другому.

– Не грусти, – Хеддо ободряюще похлопала ее по плечу. – Все эти девки забудутся, как и не было, а ты останешься. Тем более у тебя дети...

– Это мне не поможет, – печально возразила Варя.

Иррийский флаг развевался над небольшим кирпичным домиком с деревянной надстроечкой на крыше. Двор весь был покрыт затянутыми льдом лужами, железные поручни крыльца обожгли руку резким холодом. Варя украдкой заглянула в окошко и увидела сидящих за круглым деревянным столом Вейру, Ирочку и Дайне. Вейру был мрачен, как с жестокого похмелья. Дайне, подперев голову локтями, причитал:

– Я же говорил вам, сэки Вейру: не надо этого делать. Сердце мое чуяло, что не к добру это повернется. Но вы ж никогда меня не слушаете, а следовало бы...

Хеддо, довольная успехом поисков, отворила дверь и приглашающе мотнула головой: мол, заходи, хозяйка. Варя, вздохнув, вошла, чувствуя себя совершенно не по-хозяйски, а скорее как приведенная на суд. Она вытерла ноги в сенях и, толкнув дверь в комнату, остановилась в дверном проеме, ожидая суровой взбучки.

Но Вейру ничего не сказал, только посмотрел на нее, и ей почудилось, что он испустил едва заметный вздох облегчения. Ирочка с радостным воплем сорвалась с места, бросилась к матери и, обхватив ее обеими ручками, крепко прижалась лицом к пальто. Дайне тут же засуетился. Беспорядочно двигая чашки и тарелки и вода по столу тряпкой:

– Садитесь, Барбиэ, кушайте. Вам надо есть как следует.

Если бы это сказал Вейру! Но он молчал, и его молчание было немногим лучше, чем гневный разнос. Она поняла, что ей придется заговорить первой.

– Извини, – произнесла она, чувствуя себя неловко в присутствии Дайне и Хеддо. – Я не буду больше исчезать на всю ночь.

– Вот и расчудесно, – сказал он прохладно.

Она ожидала услышать ответное извинение, однако он, похоже, даже не принял извинение от нее. Он мог хотя бы перед посторонними сделать вид, что сожалеет о случившемся. Но, видимо, Вейру не считал себя неправым. В чем тогда ее вина? Она не жена ему, что бы ни думали окружающие, и может делать, что угодно.

– Где твоя комната? – спросила она у Ирочки.

Девочка побежала к одной из дверей и открыла ее. Варя схватила со стола булку и, выйдя вместе с дочерью, хлопнула дверью.

Весь день она провела с Ирочкой. Вскоре после завтрака Вейру, Дайне и Хеддо ушли, и до самого вечера дочка с

мамой остались одни. Ирочка устроила для Вари экскурсию по дому. Домик принадлежал древней, ссохшейся старухе, существу из позапрошлого века. Большинство вещей было ненамного моложе нее, и она относилась к ним бережно и с любовью. Отношение же ее ко всему современному, включая не только предметы, но и людей, и даже явления природы, было прямо противоположным. Физически все еще находясь в этом мире, душой старуха его не принимала и с осуждением взирала на «новые веяния», которые Варе показались бы старыми, как ее покойная бабушка.

С приходом иррийцев старуха замкнулась в маленькой комнатухе в мансарде, предоставив им делать все, что они хотят, поскольку не желала вмешиваться в идиотские драчки молодежи. Впрочем, старому телу не чужды были некоторые потребности, например, в воде, пище и их удалении, так что волей-неволей пожилая дама временами спускалась вниз и грозно сверкала очами на валяющиеся там и сям новомодные штучки и нелепых молодых недоумков, к которым причисляла в равной степени и Вейру, и его ординарца, и жену, и ребенка.

– Она чокнутая, – объяснила Ирочка. – Папа приказал ее не обижать.

Вейру не стал связываться с этим пережитком старины и велел служанке закрывать глаза на то, что бабка берет с кухни продукты.

– Много старая не съест, – сказал он, – зато одним кон-

фликтом поколений меньше.

Если не считать мансарды, куда запрещалось совать нос, в доме было три комнаты: одна большая, служившая одновременно прихожей, кухней, столовой и гостиной, и две маленьких, а также совмещенный санузел, что, конечно, было похуже, чем в доме Нади, но на общем фоне деревянных сортиров на задних дворах выглядело вполне достойным для ставки командира десанта. Одну из комнаток отвели Ирочке, которая немедленно вырезала ножичком свое имя на старинном пианино, чем заслужила особую неприязнь старухи хозяйки. Кроме пианино, в комнате стоял мягкий антикварный диван, шкаф и столь же древний телевизор – правда, не работающий, но о том, чтобы выбросить его, нельзя было заикнуться. Вейру обосновался во второй комнате, где была более широкая кровать в стиле начала прошлого века, большое овальное зеркало на стене, завешенной ковром, сервант с вычурной посудой и массивный гардероб.

Служанка, готовившая еду и убиравшая в доме, была красивой и нестарой женщиной с темными волосами, что вызвало у Вари невольные подозрения. К ужину пришел Вейру, и она украдкой посматривала, не проявляет ли он к прислуге излишнего внимания, но ничего криминального не заметила. Правда, женщина, накрыв на стол, довольно быстро ушла.

Ужин прошел в молчании. Допив чай, Варя отправилась было вслед за Ирочкой в ее комнату, но была остановлена

спокойным замечанием Вейру:

– Спальня не там.

Она обернулась:

– Знаю. Просто не хочу быть помехой твоей личной жизни.

– Ты никогда и не была ей помехой.

Она задохнулась от возмущения, но вслух выдавила:

– Приятно слышать.

– Ты прекрасно знаешь, что у меня нет перед тобой обязательств, – сказал он, вставая. – Так что не надо изображать себя несчастной и обиженной.

– Как я могу быть счастлива, – проговорила она дрожащим от слез голосом, – если занимаю чужое место?

Вейру поднял бровь, открывая перед ней дверь:

– У тебя ведь есть это место, правда?

Она ждала сочувствия, а ей указали на место. Ее чувства ничего не значили, имел значение лишь договор, заключенный ею с Вейру Велдом. Впрочем, Вейру не может обвинить ее в неусердии: роль рассерженной супруги она сыграла безукоризненно. И настоящая жена не добилась бы большей естественности реакций.

На следующий день объявился Асса Минар с пушистыми еловыми ветками вместо букета.

– Это вам, Барбиэ, – робко улыбнулся он.

– А я думала, что мы теперь на «ты», – Варя лукаво наклонила голову. Она была рада его приходу, и ей уже не хотелось

прятать это чувство ни от него, ни тем более от себя самой.

– Честно говоря, я сомневался, захочешь ли ты меня видеть, – пробормотал он, целуя ей запястье.

– Почему? – удивилась она. – Разве я не говорила, что люблю тебя?

Вейру в сильном подпитии тоже говорил мне такие слова, вспомнила она. А на поверку все оказалось по-другому. Да, в сомнениях ученого был резон.

– Так я могу рассчитывать, – спросил он, – на повторение?
– Конечно, Ассиэ.

Варя потянулась к нему губами, и он тут же накрыл их своими. Он сделал шаг к кровати, но она воспротивилась:

– Только не здесь, любимый. Не хватало, чтобы Вейру нас застукал.

Несмотря на теоретическую обоснованность своей сексуальной свободы, ей очень не хотелось, чтобы Вейру поймал ее в процессе осуществления этой свободы. Пусть она и не нужна ему как женщина, он мог бы предъявить претензию, что она компрометирует его честное имя или что-нибудь в этом роде... А претензии он выражал в далеко не дипломатичной форме.

С этого времени она зачастила на лесные прогулки вдвоем с культурологом, которые обычно заканчивались у него в палатке. Вейру, казалось, не замечал ничего – а может, и замечал, но помалкивал: в конце концов, он первым разыграл карту супружеской неверности. Он вообще все время мол-

чал. Она предприняла пару попыток разбить эту стену молчания, но они провалились. Тихонько проплакав несколько ночей и отчаявшись что-либо изменить, она полностью переключилась на Асса. Возможно, не будь его, она стала бы искать способ восстановить отношения с Вейру, хотя бы такие ущербные, какие были у них до сих пор, но в данной ситуации она сочла более легким и приятным забыться в объятиях культуролога. Где-то на заднем плане тлела мысль, что ее роман может закончиться плачевно, но Варя не давала ей разгореться.

Прошла неделя, и Вейру неожиданно обратился к ней с предложением:

– Не хочешь сходить в сауну вчетвером?

Это был явный шаг к примирению.

– А кто еще будет? – спросила Варя.

– Я, ты, Трин и Хеддо.

– Хеддо и Трин? – заинтересовалась она. – Между ними что-то есть?

– А между нами что-то есть? – ответил он вопросом на вопрос.

– По-видимому, нет, – вздохнула она. – Извини, мне не хочется туда идти.

– Как хочешь, – буркнул он. – Мое дело предложить.

Она могла бы объяснить ему, что в ее состоянии тяжело переносить парилку, что ей неловко находиться голой в обществе Трина Велда... Но он повернулся и ушел. Примире-

ние не состоялось.

А на следующий день из реплики, походя оброненной Трином на заседании штаба, она узнала, что с Вейру в сауне была та самая чернявая деваха. Она услышала это случайно, и у нее внутри будто что-то оборвалось. Она добрела до спальни, упала на кровать и долго беззвучно рыдала, колотя кулачками по подушке. А когда слез больше не осталось, лежала, кусая губы, пока не раздался стук.

Открыть было некому – все поглощены обсуждением плана военных действий. Варя, выйдя из комнаты и обогнув спорящих вокруг карты людей, прошла в сени и отворила дверь.

Это была она. Наглая черноволосая тварь со вздернутым носиком и губками бантиком.

– Где тут иррийский командир? – спросила она капризным тоном кинозвезды, видимо, приняв Варю за прислугу. – Он мне должен ящик тушенки.

Варя на секунду онемела, а когда обрела дар речи, то выплюнула нечто совсем для себя нехарактерное:

– Ящик тушенки? Ах ты, кошка драная! А в рот тебе не пописать?

Тут уж у девки отвалилась челюсть.

– Дай пройти, психичка!

Она попыталась проскользнуть мимо разъяренной Вари, но та оттеснила ее от двери корпусом.

– Уйди с дороги!

Девка отпихнула Варю и ринулась в освободившийся про-

ход. Но Варя успела вцепиться ей в волосы и рванула со всей силы. Она взвыла, развернулась и залепила Варю пощечину. Варя почувствовала острую боль от проехавшихся по коже длинных ногтей и, вне себя, схватила отбившийся от крыльца кусок кирпича. Девчонка завизжала, когда он засветил ей между глаз, и подобрала сучковатую палку. Они бросились друг на друга, как бешеные кошки.

Шум на крыльце и вопли, представляющие собой нечто среднее между криком боли и боевым кличем, привлекли наконец внимание собравшихся в столовой.

– Командир, по-моему, это голос вашей жены, – неуверенно произнес Элену Мин, прислушиваясь.

Вейру, заподозрив неладное, выскочил на крыльцо, за ним кинулся Дайне, а следом в распахнутую дверь высунулись все вторые офицеры.

– Дерьмо и моча! – выругался Вейру.

Женщины с расцарапанными до крови физиономиями, визжа и бранясь, таскали друг друга за волосы, кусались и размахивали палками, толкаясь на лестнице крыльца. И этот фарс с участием «первой леди» десанта наблюдал весь штаб!

– Эй, командир, оказывается, землянки не такие уж тихони, – хихикнул Раки Велд.

Вейру побагровел от гнева и решительно устремился к дерущимся, чтобы растащить их и утихомирить, но опоздал на какие-то секунды. Фарс едва не переродился в трагедию. Ловкая брюнетка сильно толкнула Варю, та оступилась на

лестнице и упала, пересчитав всем телом кирпичные ступеньки. Брюнетка мгновенно подбежала и в пылу драки замахнулась ногой, намереваясь пнуть поверженную соперницу в бок, но Вейру с силой отбросил ее в сторону, наклонился к Варе.

– Ты как? – спросил встревоженно.

Варя не смогла ответить сразу – у нее перехватило дыхание от боли. По лицу текла кровь вперемешку со слезами и капала на шершавую ступеньку, о которую она расквасила нос, на руках и ногах в нескольких местах была содрана кожа. Но все это выглядело ерундой по сравнению со спазматической болью в животе.

– Нет, – прошептала она в ужасе. – Только не это, господи! Мой малыш...

– Все будет хорошо, милая, – Вейру успокаивающе погладил ее по голове. – Ты можешь встать?

Она покачала головой, давясь слезами.

Он осторожно взял ее на руки, поднялся на крыльцо. Члены штаба расступились.

– Позовите Кори, – бросил он через плечо. – А ее, – он скосил глаз в сторону девчонки, неподвижно лежащей у забора, – арестовать.

– Арестовать? – переспросил Дайне.

На командира смотрели с недоумением. Ему следовало бы пристрелить на месте нахалку, дерзнувшую поднять руку на беременную супругу.

– Я сказал, арестовать, – повторил он деревянным голосом и исчез за дверью.

Вейру уложил Варю на кровать поверх покрывала, влажным носовым платком стер с лица кровь. Она невольно застонала: прикосновения материи к содранной коже были болезненны. Царапины и шишки ныли все сильнее, но больше всего Варю пугало, что боль в области живота не прекращается. Неужели я потеряю ребенка, подумала она с отчаянием. Так глупо, так по-идиотски. Последнее, что осталось от Романа. Она судорожно всхлипнула.

– Ну-ну, успокойся, – сказал Вейру, взяв ее руку в свои ладони.

И он еще советует успокоиться, подумалось ей. Он, виновник всех ее несчастий, начиная с гибели Романа и кончая гибелью его нерожденного сына! Разве она ввязалась бы в опасную драку, если бы не обезумела от его выходок? Он сам подвел ее к этому, а теперь сидит и гладит ее, будто ни при чем.

Она вырвала руку:

– Будь ты проклят, Вейру! Ты, только ты виноват во всем. Это ты будешь убийцей, если мой мальчик умрет!

У него нервно дернулось веко.

– Плохи ваши дела, – сказала Кори, и Элька, сопровождавшая ее, серьезно покивала головой в подтверждение. – Я не уверена, что можно спасти ребенка. Вам лучше подумать о другом.

Вейру сгорбился и уставился в пол.

– Пожалуйста, сделайте что-нибудь! – взмолилась Варя.

– Если вам так дорог этот ребенок, не нужно было рисковать, – назидательно проговорила Кори. – Беречь было нужно! А не искать славы в кулачных боях.

– Кори! – резко одернул ее Вейру.

– Ладно, командир, извините, – Кори осадила назад. – Мы, конечно, сделаем все возможное... Но я не могу ручаться. И я хочу, чтобы вы знали об этом заранее.

– Знать бы все заранее, – промолвил он в пространство, ни к кому конкретно не обращаясь.

Варя, обложенная подушками и укрытая теплым одеялом, тоскливо глядела в окно. Там, за окном, падал мягкий снег, застревая в еловых лапах; в разрыв между тучами проглядывала полная Луна. Лаяли собаки, все еще не привыкшие к чужакам. Во дворе Ирочка, смеясь, ловила на язык первые снежинки, а Варя не могла подойти к окну и крикнуть ей, что есть снег вредно. Как она теперь будет следить за дочерью, если прикована к постели? Сейчас все гораздо серьезнее, чем раньше. Боязно даже лишний раз повернуться на другой бок – а уж о том, чтобы самой пойти в душ или вымыть голову, не может быть и речи. Хочется в туалет, а помочь некому: у медиков слишком много дел в госпитале, чтобы сидеть с ней, служанка ушла домой. Да и то сказать, стыдно какой!

Она вздохнула. Куда запропастился Вейру? Придет ли на

ночь, или она его так обидела, что он оставил ее одну? Но если считать обиды, кто пострадал больше?

Хлопнула калитка, донесся голос Вейру, ему тут же ответил звонкий детский голосок:

– Ну пап, ну еще немножко погуляю...

Вейру говорил глуше, и Варя не разбирала слов. Ирочка разочарованно протянула:

– Ну ладно, – и почти тут же по ступенькам крыльца за-топали громкие маленькие ножки.

По низу потянуло холодом – открылась наружная дверь. Ирочка спросила:

– А что у нас сегодня на ужин?

Зазвенели крышки кастрюлек, раздался грохот упавшей чашки.

– Старая карга удавится за свой сервиз, – флегматично промолвил Вейру. – Вымети-ка осколки, может, не заметит.

Ирочка зашуршала веником, напевая:

– Старая карга – костяная нога!

Дверь распахнулась, ввалился Вейру, на ходу скидывая куртку. Варя невольно вжалась в подушку. Его прихода она и ждала, и боялась. Все-таки она наговорила ему лишнего.

– Ты не вставала? – спросил он. – Вот и хорошо. Сейчас принесу поесть.

– Вейру, – пролепетала она, отведя глаза и стгорая со стыда, – мне надо в туалет.

Он кивнул, не выражая никаких чувств, откинул одеяло,

аккуратно поднял ее и отнес в ванную. Она медлила.

– Ну, что ты? – поторопил он. – Давай.

– Выйди, – прошептала она.

Он усмехнулся.

– Чего я у тебя не видел?

Варя заплакала, закрыв лицо ладонями. Неужели он не понимает, что за унижение сидеть на унитазе в присутствии кого-то другого? Она ненавидела его за то, что оказалась в таком безвыходном положении, и за то, что не может обойтись без него.

– Ну, хватит реветь, – он убрал ее руки от лица и вытер слезы носовым платком, став снова похожим на прежнего Вейру, заботливого и чуткого. – Если хочешь, я выйду. Но потом обязательно меня позови.

Вечер прошел в мире. Вейру ни словом, ни намеком не напомнил ей об оскорблении священной особы командира. Он подал ей ужин в постель, принес тазик для умывания и полил из кувшина, поправил подушки, помог улечься поудобнее – в общем, с успехом исполнял функции сиделки. Она принимала все с молчаливой благодарностью. Только когда он уже в постели погладил ее по щеке, желая спокойной ночи, она не выдержала – отвернулась. Она не могла забыть, что еще вчера эти руки ласкали местную шлюху – а может, и сегодня...

Спала она долго – наверное, так измученный организм реагировал на нервную и физическую перегрузку. Время бли-

зилось к полудню. Погода была пасмурная и холодная, оконное стекло дребезжало от порывов ветра. У окна, скрестив руки на груди, стоял Вейру. Он повернулся – видимо, услышал шевеление на кровати, – и Варя поняла, что он сильно не в духе.

– Давай-ка быстрее собирайся, куда там тебе надо, – сказал он. – Через полчаса я должен присутствовать на казни.

– К... какой казни? – вздрогнула Варя.

Он вдруг взорвался:

– Только не делай вид, что ты здесь ни при чем! Из-за того, что ты считаешься моей женой, невинную девушку высекут плетьюми на площади.

– Невинную девушку? – переспросила Варя. – Это она-то невинная девушка?

– Заткнись, – скрипнул зубами Вейру.

Она замолчала. Только когда он закончил с ней все дела и собрался уходить, спросила:

– Если тебе так противна мысль, что ее высекут – почему бы тебе не отменить казнь? Это ведь твой приказ, разве нет?

– Я должен был его отдать.

– Должен – кому? Ты же командир.

– Иногда, – сказал он, сумрачно взглянув на нее, – человеку приходится делать не нравящиеся ему вещи во имя высших соображений. А если он командир, это лишь усугубляет ситуацию.

Он треснул кулаком по дверному косяку и ушел. Она не

успела выяснить, в чем заключаются высшие соображения.

В окно было видно, как Вейру топает к калитке какой-то странной походкой, непохожей на его стремительно-ленивую кошачью поступь – будто к обеим ногам привязаны свинцовые гири. В калитке он столкнулся с Асса Минаром, но даже не повернул головы.

Варя встрепелась, поспешно схватила расческу и зеркальце, впустила волосы, второпях наложила на веки тени. Хотя ей теперь не скоро придется заняться любовью, но она была не прочь приятно пообщаться с культурологом. Она встретила его сияющей улыбкой.

– Привет, Ассиэ. Рада, что ты заглянул навестить пострадавшую в правом бою.

Он присел на краешек кровати и нежно поцеловал Варю в губы.

– Твой муж сегодня какой-то странный, – сообщил он. – Похоже, он меня не заметил.

Она состроила гримаску:

– Видимо, он занят переживаниями поважнее, – и попросила: – Поцелуй меня еще, Асса. Это единственное, что мне осталось.

– Что ты говоришь?! – он испуганно посмотрел на нее, порывисто прижался губами к ее щекам, глазам, губам. – Барбиэ, милая... Это из-за нее? Из-за Марины Меженковой, которую сейчас казнят?

Варя печально кивнула.

– И ее всего лишь высекут? – возмутился Асса. – Вейру должен был расстрелять ее на месте!

– Она его любовница, – безжизненно проинформировала Варя.

– Э... – Асса чуть не подавился, но быстро справился с собой. – Так она избивала тебя из-за Вейру?!

– Мы подрались, – поправила Варя и не удержалась от похвальбы. – Я ей тоже изрядно накостыляла.

– Барбиэ, тебе не следовало так рисковать, – он потерянно покачал головой. – Ты могла бы нанять кого-нибудь, чтобы ее тихо убрали... Хотя, если бы ты спросила меня, я бы сказал, что твой муж недостойн даже подобной мести. Он не любит тебя, я давно это говорил. Разве я был неправ?

Он заглянул в глаза Варе, словно желая найти там подтверждение.

– Барбиэ, да он просто идиот! Надо быть последним кретинном, чтобы не любить такую женщину – красивую, нежную, заботливую, преданную до самоотречения... И надо быть настоящей сволочью, чтобы так обращаться с матерью своих детей.

– Не нужно, Асса, – прервала его Варя.

– Уходи от него, – сказал Асса. – Ты не пожалеешь. Я люблю тебя больше жизни. Я никогда не обижу тебя, не подниму на тебя руку, не скажу грубого слова. Хочешь, уедем на Ирру или останемся в твоих родных местах, хочешь – улетим на какую-нибудь дикую планету подальше от этой войны. Я

вполне способен обеспечить семью. Мы можем осесть где-нибудь в живописной местности, растить детей. А хочешь – будем путешествовать...

Искушение было велико, но Варя вовремя задала себе вопрос: что скрывается за заманчивыми перспективами? Как они смогут улететь? Путь до базы десанта долог, ей не одолеть его в столь плачевном состоянии. А если бы она и была здорова – леса кишат партизанами, а дороги патрулями особой службы. Но пусть даже они вопреки всем препонам доберутся до базы, что дальше? Звездолетами распоряжается командир десанта.

– Все это прекрасные мечты, – вздохнула она, – которые никогда не осуществляются. Я не раз говорила тебе, что развода не будет.

Асса опустил голову.

– Ты любишь его?

– Я не желаю обсуждать это, – сказала она, замкнувшись.

Если бы Асса спросил: «Ненавидишь ли ты его?» – она, не задумываясь, ответила бы: «Да!» Но вопрос о любви заставлял ее чувствовать себя загнанной в угол.

Асса не стал больше касаться больной темы. Они заговорили о жизни вообще, о природе, о культурных особенностях разных уголков мироздания, время от времени прерываясь, чтобы поцеловаться или как-то иначе выразить свои чувства друг к другу.

Служанка принесла обед, и они вдруг обнаружили, что за

окном смеркается. В пасмурный день поздней осенью темнота наступает рано, и все-таки с полудня прошло несколько часов.

– Сколько обычно длится казнь? – обеспокоенно спросила Варя.

– Ну... полчаса, вряд ли дольше, – предположил Асса.

– Вейру задерживается.

– Это к лучшему, – улыбнулся он. – Мы без помех пообщались.

– Да... Но мне все же хотелось знать, где его черти носят.

Я бы на твоём месте особенно не волновался, – хмыкнул Асса. – Знаешь, когда обнажённую женщину секут плетью, это довольно возбуждающее зрелище. Возможно, он не смог удержаться и сейчас приятно проводит время.

Зрачки у Вари многообещающе сузились.

Вейру вернулся поздно, пьяный и мрачный. Варя к тому времени почти кипела.

– Оторвался наконец, – едко спросила она, – от своей Мариночки? Долго же ты с ней развлекался!

Он взглянул на Варю расфокусированным взглядом и промолвил без всякого выражения:

– Если ты имеешь в виду Марину Меженкову, то она умерла.

Заранее заготовленные фразы вылетели у Вари из головы, словно от удара.

– Как это? – только и смогла выговорить она.

– Тебя в самом деле интересует, как? – он сел, сжал ладонями виски. – Висеть голой на связанных руках – не супчик хлебать. Холодный ветер, под плетью на спине лопается кожа... Видимо, это чересчур для слабой девушки. Не думал, что так получится.

– Мне очень жаль, – пораженно сказала Варя. – Я тоже не думала, – она вдруг почувствовала, что ее сейчас прожгут взглядом, и подняла голову: – Вейру, не смотри на меня так! Я не виновата, что она умерла.

– Не виновата? – рявкнул он. – А кто же виноват? Я прекрасно знаю, кто затеял ту драку! Не ее надо было высесть, а тебя! – он рванул Варю за ворот халата, она в страхе зажмурилась. – Плеть пошла бы тебе на пользу! Для чего она умерла, скажи мне? Кому это было нужно? Это кровавая жертва тебе, маленькая дрянь!

У Вари брызнули слезы.

– Ну, давай! – выкрикнула она. – Давай, ударь меня, если тебе станет легче!

Он отпустил ее и отвернулся, выругавшись вполголоса. Варя затихла, натянув поглубже одеяло и почти беззвучно всхлипывая в подушку.

Утром Варю разбудили вопли:

– Убийцы! Ироды! Нехристи поганые! Сгубили бедное дитячко!

Под окнами голосила пожилая женщина в черном платке, со слезами призывая проклятия на головы оккупантов. Варя

не сразу поняла, по какому дитятку она плачет, только подивилась: иррийцы никогда не убивали маленьких детей.

Из-за приоткрытой двери в столовую послышался голос Дайне.

– Командир, может, пристрелить ее, чтобы не сеяла смуту?

– Нет, – резко ответил Вейру.

Сильно задуло по низу – он вышел на крыльцо.

– Уходи, бабка, не буди драконов, – в окно его было хорошо видно, но голос звучал глухо.

– Что вы мне, старой, сделаете? – крикнула она. – Все одно скоро помирать. А вам век не расплатиться с богом за дитё, невинно убиенное. Гореть вам всем в аду!

– Не кричи, бабка. Твою внучку не по пьяни задавили. Она казнена в соответствии с законом военного времени.

– Нет вам веры, нехристям! Моя Мариночка отродясь не нападала ни на кого. Может, и не во всем была паинькой, но в драки не лезла – не так воспитана. Оклеветали девочку и замучили, звери проклятые! Ненаглядную мою! Кормилицу единственную у старухи! Вот уж не думала, что мне хоронить ее придется. А меня-то кто похоронит?

– Слушай, старуха, – Вейру тяжело вздохнул. – Я тебе дам ящик тушенки... два ящика. И канистру спирта. Но не ори здесь под окном! У меня больная жена, ей нужен покой.

– Жизнь за тушенку не купишь! – голос у бабки сорвался, и она заплакала дребезжащим старческим плачем, бормоча

сквозь рыдания неубедительные угрозы страшного суда и генины огненной.

Хлопнула дверь, Вейру позвал Дайне. Варя видела в окошко, как спустя некоторое время старуха в траурном платке, сторбившись то ли от горя, то ли от ноши, выходила со двора, таща увесистую пластиковую канистру. За ней следовал Дайне, груженный двумя объемными картонными коробками. Звякнула щеколда калитки. Из столовой донесся звон бутылки о стакан и знакомое бульканье.

Варя со вздохом вновь положила голову на подушку. Ей было жаль бабу. И даже ее беспутную внучку. Одно дело – выдрать нахалке патлы или исцарапать физиономию, но смерти Варя ей не желала. Хотя, что бы ни говорил Вейру, она уже достаточно наказана за эту драку. Безвылазно лежать в постели ненамного лучше, чем сидеть в тюрьме.

Послышался громкий голос Ирочки, возвещающий, что ей не хочется умываться.

– Я уже умывалась вечером!

– Ты вечером и в туалет ходила, – привел Вейру железный аргумент. – Теперь не пойдешь?

– Пойду.

– Вот и умоешься заодно. И не шуми, дай маме поспать.

Варя снисходительно улыбнулась: да разве может ребенок не шуметь? Некоторое время девочка действительно крепилась, но в конце концов умывание ей надоело, и она стала прыгать на перевернутом вверх дном железном тазу – на-

сколько Варя могла определить по слуху.

– Эй, ну-ка прекрати! – сердитый голос Вейру оборвал грохот. – Пойдешь сейчас со мной, пусть мама полежит спокойно.

– А чего она все время лежит?

– Чтобы родить тебе братика.

– Не хочу братика! Пускай лучше родит собачку.

– Э... – Вейру поперхнулся. – Видишь ли, собачку может родить только другая собака.

– А кто родил самую первую собаку?

– Ну, это вопрос философский. Надень-ка шапку, а то уши замерзнут и отвалятся.

– Не-а. Вчера я гуляла без шапки, а уши не отвалились.

– Вчера была осень, а сегодня зима. Надень шапку.

– Не хочу-у, – закапризничала Ирочка.

– Порой бывает нужно делать то, что не хочется. Вот я, например, не хочу проверять посты, а придется. А тебе придется надеть шапку.

– Пап, ты зануда. Но я тебя все равно люблю.

Вновь потянуло холодом. Застучали по крыльцу Ирочкины ботинки. Вейру шел практически бесшумно, как большой кот, а она бежала за ним вприпрыжку, натягивая шапку на ходу. Вот зараза, подумала Варя. Любит она его! Родной матери бы раз в жизни такое сказала! Предательница.

Она почувствовала себя брошенной всеми.

Варя пролежала в постели почти месяц, прежде чем Кори

сказала, что самое худшее позади. Вряд ли кто-нибудь мог бы понять, как опостытели ей эти подушки, этот ужасный сервант с нелепой посудой, в который упирался ее взгляд, унылый вид из окна, унижительная зависимость во всем. Вейру больше не срывался, окружал ее заботой, и иногда ей казалось: скажи она нужное слово, и лед между ними треснет. Но нужные слова на ум не приходили, а ляпнуть что-то не то она боялась, не зная, чего теперь ожидать от него.

Завтракали они рано, поначалу это было просто совместное жевание, обусловленное удобством для них обоих, но вскоре Вейру стал заговаривать с Варей о разных нейтральных пустяках типа погоды, и она ухватилась за это, стараясь поддержать беседу и продлить ее. После завтрака Вейру обычно уходил, забирая с собой Ирочку, а Варя досматривала сны. Когда она просыпалась окончательно, до обеда было, как правило, еще далеко. Она маялась вынужденным бездельем и невеселыми раздумьями. Книг в доме почти не было, если не считать допотопного издания «Кулинарии» и нескольких старомодных романов, от которых хозяйка, наверное, тащила в молодости, но Варя с трудом продиралась сквозь туманный смысл устаревших выражений и, едва одолев несколько страниц, бросила чтение. Она могла бы шить, но кроить не было никакой возможности. От тоски она опять занялась починкой одежды. Вейру воспринял появление пуговиц и завязок в надлежащих местах одежды как знак доброй воли с Вариной стороны и, в свою очередь, пода-

рил ей золотую цепочку. Воодушевившись, она связала ему шерстяные носки и удостоилась поцелуя – правда, в присутствии Элену и Хеддо, но после смерти Марины Меженковой она не чаяла услышать даже доброго слова. Так постепенно, путем мелких взаимных уступок и крохотных шажков к согласию отношения их становились более человеческими. Но и только.

Дефицит нежности с избытком возмещал Асса Минар. Появлялся он обычно во второй половине дня, а если Вейру вместе с десантом был занят военными действиями, то приходил с утра, пристраивался к Варе под теплый бочок и дремал до обеда, верный своей привычке. Со служанкой проблем не было: она полностью одобряла Варин роман, искренне придерживаясь мнения, что молодой ученый уж всяко лучше, чем старый солдат, и не собиралась докладывать Вейру Велду о том, что происходит в его отсутствие. Варя вначале побаивалась сердитой старухи: она могла бы накапать Вейру просто из природной вредности, – но ей, похоже, были глубоко безразличны семейные проблемы ее постояльцев.

И все же, как ни скрашивал Асса ее заключение, Варя была сама не своя от радости, когда ей разрешили встать. В этот день собирался штаб.

– Хочешь выйти к гостям? – спросил Вейру.

– Конечно, хочу! – воскликнула Варя. – Только мне нужно переодеться.

Она потянулась к своему синему платью, попыталась его надеть и вдруг обнаружила, что не влезает в него. Вейру наблюдал за ней с усмешкой.

– Там, в шкафу, – она просяще посмотрела на него. – Такое вишневое, в горошек...

– Оставь надежду, – он покачал головой. – Оно еще уже. Варя чуть не расплакалась. Что за злая судьба: можно выйти, а выйти-то и не в чем.

– Мне, наверное, лучше полежать, – сказала она скрепя сердце.

– Быстро же ты сдаешься, – хмыкнул Вейру. – Лови!

Он бросил ей в руки сверток, перевязанный бечевкой. Она поймала его, развернула бумагу, затаила дыхание. Это было теплое трикотажное платье без талии, сильно расклешенное от груди, с изумительным рисунком: по темно-зеленому фону порхали желтые мотыльки, и с двумя огромными ярко-желтыми бантами: один на груди, а второй – сзади, там, где спина меняет название.

– Какая прелесть! – не удержалась Варя.

– Надень, – предложил Вейру.

Она осторожно влезла в платье, подошла к зеркалу. Да, в таком наряде она, даже побледневшая и осунувшаяся, выглядела королевой.

– Спасибо, Вейру, – прошептала она растроганно.

Когда она появилась в дверях, нарядная, сияющая, взоры всех сидящих за столом устремились на нее.

– Мама, какая ты красивая! – завопила Ирочка.

Заметно было, что многих удерживали от подобного возгласа только правила приличия. Особенно восхищенный вид был у Асса Минара.

– Мои поздравления с выходом в свет, сэке Барби, – откашлявшись, промолвил Трин Велд. – Надеюсь, необходимость в постельном режиме больше не возникнет.

– И я надеюсь на это, – с улыбкой ответила Варя, садясь на мягкий стул, который услужливо придвинул Асса.

– Барбиэ, ты сегодня прекрасна, как никогда, – шепнул он. – Положить тебе салат?

Вейру молча поднял стул вместе с сидящей на нем Варей и переставил под общий хохот поближе к себе.

– Дай я тоже тебя поздравлю, сладкая, – сказал он, обнимая ее и целуя. Делая вид, что целует ее в ушко, проговорил очень тихо: – Эй, не сиди, как мраморная. Забыла о своих обязанностях?

Она обвила руками его шею и ответила на поцелуй. Раздались аплодисменты.

– Что за нездоровое оживление? – осведомился Вейру. – Кончайте хихикать и начнем обсуждение.

– Да ну его в сортир! – выразила совокупное мнение собравшихся Хеддо. – Давайте лучше выпьем, праздник все-таки.

Заседание штаба сорвалось. Откуда-то появились бутылки, зазвучали здравицы. Вейру вначале хмурился, но Варя

решила, что это не более чем маска: если бы командир в самом деле был против вечеринки, никто и пикнуть бы не посмел. Варя была на вершине блаженства. Что и говорить, приятно, когда пьют в твою честь, не сводят радостных глаз, суетятся вокруг, Вейру изображает из себя любящего мужа, смеется, шутит, говорит нежные слова – пускай понарошку, но ведь ухо слышит. Когда все разошлись, она, усталая, но веселая и счастливая, укладывалась спать, и ей показалось, что Вейру наблюдает за ней с давно не проявлявшимся интересом.

– Зачем ты смотришь? – спросила она. – Без твоего платья я толстая и неуклюжая.

– Нам надо чаще бывать на людях, – сказал он невпопад.

Она была бы рада этому, но обстоятельства не складывались. Ей все еще следовало беречь себя, и она не уходила со двора, а Вейру то мотался по дальним постам, то командовал очередными операциями, а когда никуда не отлучался, то либо бывал не в настроении, либо время суток не способствовало. И Варя чаще проводила свой досуг в другой компании.

В декабре ударили морозы, на землю лег плотный снежный покров, и наступление десанта, увязшее было в осенней грязи и непогоде, стало стремительно набирать темп. Фронт уходил все дальше и дальше; дольше приходилось ждать возвращения десантников, а как-то раз Вейру отсутствовал почти две недели, когда подряд было взято четыре города. К

весне он планировал выйти на соединение с экспедиционным корпусом Леку Велда, орудующим в Сибири, а после весенней распутицы, по хорошей погоде, сообщая подчинить всю Европу. Разговоры об этом печалили Варю. Она и хотела бы перестать считать Вейру врагом, но забыть о том, что она землянка, не могла.

– Не стоит принимать это так близко к сердцу, – увещевал ее Асса. – Земля – не единственная захваченная иррийцами планета, и везде вмешательство Ирру пошло только на пользу. Такой дикой планете, как ваша, просто необходим протекторат. Вот увидишь, Землю быстро вытащат из грязи в цивилизацию.

Почему-то это вовсе не радовало.

– Если еще и ты будешь оправдывать разорение Земли и убийство землян во имя какой-то идиотской цивилизации, – сказала она как-то, – я, наверное, поищу себе других собеседников.

– Прости, золотко, – сразу отступил он. – Если мои слова приводят тебя в уныние, то, может быть, действия поднимут настроение?

– Не исключено, – улыбнулась она, и через некоторое время они уже наслаждались друг другом в его палатке.

Когда Кори с чувством глубокого удовлетворения заявила ей:

– Ну вот. Опасность миновала. Можете поздравить своего мужа с возвращением к сексу, – Варя подумала про се-

бя: только не мужа. Конечно, она не стала передавать Вейру столь безразличную ему информацию, тем более что он опять пропал где-то вместе с десантом. Зато они с Асса устроили настоящее празднество и, пока Ирочка гуляла, а служанка стояла на шухере, занимались любовью в самых разных местах, включая кровать Вейру Велда, ванную, кухонный стол и лестницу в мезонин. Последний эксперимент оказался не столь удачным, как предыдущие: в самый ответственный момент из своей комнаты выползла грозная старушенция и оказала на Асса шокирующее воздействие.

– Тьфу, пропасть! – плюнула она, глядя взором римского папы на любовников, замерших, словно на фото из порнографического журнала, перешагнула через них на удивление ловко для своего преклонного возраста и стала спускаться вниз, ворча на предмет того, что в ее-то время подобному беспутству предавались в специально отведенных спальнях за закрытыми шторами, а не под носом у честных людей.

– Кто это? – в холодном поту прошептал Асса, которому было уже не до удовольствий.

– Хозяйка, – объяснила Варя. – Не обращай внимания.

– Ничего себе, не обращай внимания... А она не наябедничает твоему мужу?

– Не думаю, что она вас различает, – беспечно проговорила Варя. – Для нее все молодые на одно лицо.

Но, несмотря на скомканый финал, праздник получился отменный. Потом они ели вареники, приготовленные слу-

жанкой – очень вкусные, не хуже, чем получались у Вари. Вот только Ирочка зыркала на Асса неприветливо: оказалось, тот взял ее тарелку с хрушечками на дне.

Ирочка вообще не слишком жаловала культуролога. Варя не могла понять: то ли это обычная детская ревность к человеку, оттеснившего ее с места самой любимой лапушки, то ли дурное влияние Вейру, с которым девочка последний месяц проводила очень много времени. Вот и сейчас, когда Варя, торопясь на свидание и уже набросив пальто, наводила перед зеркалом последние штрихи макияжа, Ирочка, вертящаяся тут же, с подозрением поинтересовалась:

– Ты куда?

– Погулять.

– И я с тобой!

– Нет, играй во дворе.

Ирочка насупилась:

– Ты с ним будешь гулять, да? С этим?

– Не суй нос в дела старших, – строго сказала Варя.

– А ты будешь с ним трахаться?

Варя чуть не упала.

– Что? – прошептала она, с ужасом глядя на дочь. – Кто тебя словам-то таким научил?

– Хеддо.

Глазенки у нее были чистыми-чистыми.

– Мама, не ходи. Папа обидится.

Варя вскинулась:

– С какой это стати? Я имею право на личную жизнь. Он мне не муж, а тебе – никакой не папа. Не забывай, это всего лишь игра.

– Да, – Ирочка опустила голову, – игра, – и упрямо проговорила: – Но играть надо честно.

Варя с раздражением набросила на волосы цветастый пуховой платок, хлопнула дверью и пошла к калитке. Слишком уж многое понимает этот ребенок для своих лет. Это пугало Варю. И Хеддо хороша, нечего сказать! Не дай бог, Ирочка начнет употреблять ее словечки налево и направо. А то еще обмолвится Вейру по простоте душевной о личной жизни мамочки в соответствующих выражениях...

Но к тому, что все в конце концов вскрылось, Ирочка не была причастна.

Это случилось в погожий декабрьский денек, ничем не предвещавший такой подлянки. Варя, раскрасневшаяся от морозца, солнышка и ласк, возвращалась домой к позднему обеду. Ветра не было, снег лежал на еловых лапах, заборах и крышах толстым слоем, сапожки поскрипывали в тишине по свежему насту, Варя тихонько напевала в такт шагам, не думая о плохом. И, подойдя к крыльцу, услышала из приоткрытого окна столовой голос Трина Велда:

– Может, это не мое дело, но вам, командир, лучше бы обратить внимание на свою жену, пока она окончательно не сделала ноги с этим ученым, к которому все время бегают.

Она остановилась, словно вкопанная. Ей никогда не при-

ходило в голову, что о ее связи с Асса Минаром может узнать кто-то посторонний – и уж тем более такой на первый взгляд равнодушный ко всему человек, как Трин Велд. С опозданием она осознала, как была неосторожна, не удосуживаясь проверить, не наблюдает ли кто, как она скрывается в палатке культуролога.

Но что за мерзавец этот Трин! Она в ярости сжала кулаки. Какая, спрашивается, ему выгода доносить Вейру? Она еще поняла бы, если б какой-нибудь рядовой помчался докладывать из желания выслужиться. Но Трин Велд и так второй офицер – куда уж больше? Что на уме у этого мрачного типа?

Трин вышел на крыльцо, прикрыв за собой дверь. Увидел Варю, молча изобразил приветственный жест – даже в лице не изменился.

– Гнусный доносчик! – прошипела она.

Он пожал плечами.

– Первая забота любого солдата – благополучие командира и его семьи.

Она с ненавистью посмотрела ему вслед.

Вейру сидел за столом, листал карты, прихлебывая чай. Услышав Варины шаги, поднял голову. Ей стало не по себе под его взглядом.

– Ты спишь с ним? – спросил он тихо.

Варя оглянулась на дверь.

– С Трином?

Она и сама понимала, что это только попытка оттянуть

время. Вейру сразу понимал, когда ему морочат голову.

– Не надо, – сказал он еще тише.

Ей был знаком этот обманчиво спокойный тон. Лучше бы он стал орать – тогда, глядишь, и включились бы какие-нибудь защитные рефлексy. А сейчас она не знала, куда деваться от его взгляда, ждущего ответа. Что сказать? Одно ей было известно точно: неправду он почует за версту.

– Да, – выдавила она и зажмурилась.

Через некоторое время она открыла глаза. Он не ударил ее. Даже не сказал ничего. Просто сидел и молчал. Только чашку отставил.

– Что ты со мной сделаешь? – пролепетала она.

– С тобой? – он приподнял бровь. – Ничего. Вот только покажу тебе одну вещь.

Он встал и бросил ей пальто, которое она только что сняла:

– Одевайся. Пойдешь со мной.

Он шел быстро, таща Варю за руку. Она едва поспевала за ним, гадая: чего он хочет? Она поняла это, лишь когда они остановились перед палаткой Асса Минара.

– Вейру, пожалуйста! – взмолилась она.

– Заткнись и смотри, – приказал он и, держа ее одной рукой так, чтобы она не смогла отвернуться, другой снял с пояса ракетницу.

– Нет! – закричала она. – Не надо!

Он выстрелил несколько раз по палатке, пока внутри что-

то не взорвалось, и она вспыхнула ярким жадным пламенем.

– Чудовище! – выкрикнула Варя, захлебываясь слезами. – Жестокое, бессердечное чудовище! Ты же клялся, что не убьешь из-за меня ни одного иррийца!

– Я передумал, – хладнокровно ответил он.

Она села в сугроб и разревелась в голос, с болью глядя на догорающую палатку. Вейру смотрел туда же, прищурясь. Потом подбросил несколько раз ракетницу и спрятал ее.

– Пошли. Тебе здесь нечего больше делать.

– Оставь меня в покое!

– Это тебе наука. В следующий раз серьезно подумаешь, прежде чем отмочить что-нибудь подобное.

– Если бы у меня был пистолет, я бы тебя убила! – воскликнула она с ненавистью.

– Да? – переспросил он с усмешкой и вдруг бросил ей один из своих пистолетов: – Ну, давай.

Она схватила пистолет, но тут же опустила его. Конечно, она не могла его убить. Свою единственную надежду и опору в этом кошмарном мире, единственную ниточку, за которую цепляется ее жизнь и жизнь Ирочки.

– Если желаешь, – сказал он, будто прочтя ее мысли, – я сейчас напишу завещание для Хеддо, чтобы она заботилась о тебе, как о сестре, когда станет командиром.

– Не говори так, – прошептала Варя. – Я выстрелю.

– Стреляй.

Он спокойно улыбался. Это нечестно, подумала Варя в от-

чаянии, ведь он знает, что я не смогу поднять на него оружие. Почему я не могу это сделать?

Она встала и, со злостью бросив пистолет в снег, побрела прочь, глотая слезы. Вейру поднял оружие, отряхнул, сунул за пояс. Сказал солдатам, прибежавшим на шум и огонь с ближайшего поста:

– Как только появится Асса Минар – выставить за пределы лагеря с походным комплектом и недельным запасом продовольствия. Если вернется – стрелять без предупреждения.

Стол был накрыт и истекал вкусными запахами, но Варек кусок не лез в горло. Она отодвинула тарелки и уронила голову на бессильно лежащие на столе руки. Как он мог? Слезы застилали глаза. Она была готова к тому, что он разобьет Асса нос или что-нибудь в этом роде, но чтобы вот так... Решил отомстить ей за Марину? Но не за чужой же счет! Вейру даже землян не убивал без причины, что уж говорить об иррийцах. Неужели его так сильно задела ее связь с Асса?

Она не слышала, как вошел Вейру, сел за стол рядом. Его голос заставил ее вздрогнуть:

– Приятного аппетита.

– Если ты думаешь, что я в состоянии есть, – глухо проговорила она, – то ты просто черствый человек.

– Считаешь, что я несправедлив?

– Ты называешь это справедливостью? Ты не имел права поступать так! Ты не можешь меня ревновать!

– Да? Я твой муж.

– Какой ты мне муж? – она нервно рассмеялась. – Ты смотришь на меня только в последней стадии опьянения, когда уже и не можешь ничего, а на трезвую голову хапаешь случайных девок! И ты еще недоволен, что я с кем-то сплю?

– Между нами есть маленькая разница, – заметил он.

– Да, разумеется! Ты – командир, царь и бог. А я – твоя частная собственность: хочешь – используешь, а хочешь – гноишь в шкафу, но другому не отдашь!

– Ты – беременная женщина, – терпеливо произнес он.

– Ну и что? Я еще и молодая женщина, и красивая, только ты этого не видишь. Не желаешь видеть!

Он налил из кувшина воды в стакан и неожиданно выплеснул в лицо Варя. Она замахала руками, пытаясь увернуться от студеной брызги.

– Прекрати истерику, – сказал он.

Варя хлюпнула носом, утираясь.

– Успокоилась? Вот и хорошо. Послушай теперь меня внимательно.

Он вздохнул.

– Похоже, ты действительно не понимаешь, почему я не лез к тебе, хотя ты и очень волнующая женщина, почему оберегал твое здоровье. Почему, когда ты не могла ходить, я возился с тобой, а не с Мариной Меженковой и ее бабкой. Почему я предупредил Асса Минара, что пристрелю его, если он от тебя не отвяжется.

– Ну и почему? – вяло откликнулась Варя, сморкаясь в

платок.

– Да потому, что если бы что-то стряслось с твоим ребенком, ты свалила бы все на меня! Какова бы ни была реальная причина – виноват окажусь я! Этот яйцеголовый придурок довел бы тебя до выкидыша, а ты проклинала бы Вейру! И не говори «нет, я не стала бы»! Вспомни, что ты сказала, когда тебе досталось в драке, которую ты сама же и начала!

Варя, попытавшаяся было возразить, прикусила губу.

– Я не хотел быть без вины виноватым, – проговорил он более спокойно. – Наверное, я выбрал не ту стратегию. Если бы ты считала этого мальчика моим сыном, я мог бы в крайнем случае сказать: не беда, новых наделаем. Но я зачем-то решил быть честным. А честность вышла боком.

– И ты выместил свое разочарование на Асса Минаре! – обвиняюще произнесла она.

– Дерьмо и моча! Речь не о нем.

– Ах, вот как? Тогда послушай и меня тоже. Когда ты предложил мне исполнить роль твоей супруги, я ожидала, что ты окажешься мужчиной. Но если ты и мужчина, то не со мной. Ты абсолютно ясно дал понять, что тебя интересуют одни глаженные рубашки и заштопанные носки. Ладно. Но я-то живая, я хочу любить и быть любимой, и не только по большим пьянкам! А когда находится человек, способный дать мне это, ты его убиваешь!

– Довольно с меня, – сердито буркнул Вейру. – Столько времени я тебя не трогал ради тебя же самой, а теперь дол-

жен выслушивать оскорбления в свой адрес и дифирамбы этому высоколобому козерогу? Да катись оно все в сортир! – он решительно встал из-за стола. – Иди сюда, и ты узнаешь, какой я мужчина.

Варя отшатнулась.

– У тебя еще кровь на руках не остыла!

– А что за мужчина без крови на руках? Или, по-твоему, мужчина должен оперировать только научными терминами?

– Как ты можешь быть таким циничным? Ты и вправду думаешь, что я буду заниматься с тобой сексом после всего?

– Конечно, будешь, – он взял ее за запястье и поднял со стула. – Жена ты мне или не жена?

– Не жена!

Он держал ее некрепко, чтобы не причинить боль хрупкой руке. Она легко вырвалась и устремилась к дверям, но он опередил ее.

– Не туда, – сказал он, преграждая дорогу. – Там холодно.

– Не подходи ко мне! – закричала она, отступая. – Я беременная женщина, ты сам говорил!

– Для Асса Минара это не имело значения. Почему для меня должно иметь?

– Потому что ты... ты... ты...

– Ну? Кто я?

– Я не знаю! – в смятении крикнула Варя.

– Вот видишь... Осторожно, ступеньки!

Варя в своем паническом отступлении не заметила, как оказалась перед лестницей в мезонин. Пятясь задом. Она споткнулась о ступеньку и потеряла равновесие.

Вейру стремительным броском преодолел разделяющее их расстояние и подхватил Варю, когда она уже падала. Она инстинктивно вцепилась в него.

– Очень мило, – заметил он, мягко опускаясь на ступеньки вместе с ней и, не теряя времени, полез к ней под платье.

– Пусти! – воспротивилась она.

Он засмеялся:

– Да ты сама меня держишь!

Его руки творили что-то невообразимое. Варя почувствовала, что краснеет.

– Перестань сейчас же, – пробормотала она не слишком уверенно.

– Молчи, а то укушу, – сказал он и впился ей в губы.

Он делал чудовищные вещи, чудовищные для разума, но для тела необыкновенно приятные. Первые несколько секунд она отталкивала его, а потом прижалась крепче. У нее пропало всякое желание сопротивляться.

Сверху скрипнула дверь, а следом заскрипел голос старушечки:

– Опять они здесь! Что за дурные привычки у молодежи!

Она негодуяюще хлопнула дверью.

– Опять? – Вейру остановился. – Ну-ка открой глаза и посмотри мне в лицо! Ты с этим ублюдком валялась тут на лест-

нице?

Варя боязливо кивнула.

– А где еще?

– Ну... на кухонном столе, – нехотя призналась она.

– Та-ак, – многообещающе протянул он. – Лезь на стол!

– Но, Вейру...

– Никаких но! Полезай на стол, не то я сам тебя туда уложу, не разбирая, где стоят кастрюльки. Живо!

– Ладно, ладно, как скажешь, – Варя разглядела в его глазах нехорошие огоньки и решила, что лучше не спорить. Она освободила место от посуды и вскарабкалась на стол, чувствуя себя полной идиоткой.

Ее аккуратность оказалась напрасной. Когда Вейру снова взялся за дело, ее вдруг передернуло от ощущения, среднего между ударом молнии и нахлынувшей волной цунами, наслаждение сорвало предохранительный клапан и выплеснулось, затапливая ее целиком; задыхаясь в этом водопаде, она закричала, словно при появлении на свет, и непроизвольно рванулась еще несколько раз, не в силах больше этого вынести.

Когда она наконец вновь обрела способность воспринимать окружающий мир, то полулежала в древнем плетеном кресле. Вейру сидел на краешке стола, свесив ноги и задумчиво обзревая творящийся вокруг разгром. Пол в непосредственной близости от стола был завален битой посудой, среди осколков которой угадывалось съестное.

– Что это было? – прошептала Варя, чуть дыша.

– Это был наш завтрак, – с неподдельной скорбью промолвил Вейру. – А вон то – бабкин антикварный фарфор.

– Да я не о том, – недоуменно проговорила Варя. Ей казалось странным, что его сейчас занимают столь незначительные вещи.

Он посмотрел на нее внимательно, и на лице его отразилось не меньшее недоумение:

– Ты что... Ты хочешь сказать, что это у тебя впервые?

– Ну да.

Он вдруг хлопнул себя по коленям и расхохотался. Варя ждала. Постепенно в ней росло раздражение.

– Не вижу здесь ничего смешного, – заявила она обиженно, поправляя платье.

– Извини, – бросил он сквозь выступившие от смеха слезы, смахнул их и потянулся к чудом уцелевшей бутылке. – За это надо выпить. За упокой генерала Затонского и за здоровье Асса Минара! – он поднял бутылку в символическом салюте и хлебнул из горла.

– За здоровье? – встрепенулась Варя.

Вейру махнул рукой.

– Твоего некондиционного дружка не было в палатке, когда я ее разнес.

– Правда? – радостно воскликнула Варя.

– Но не думай больше увидеться с ним, – он погрозил пальцем. – Я велел гнать его подальше от лагеря. На севе-

ро-запад. А мы завтра двинемся на юго-восток.

Он закусил найденным среди остатков посуды огурчиком и хмыкнул, обращаясь неизвестно к кому:

– Подумать только! Я задерживаю передислокацию из-за того, что сладкая женушка может плохо перенести дорогу, а она тут прыгает по всему дому с каким-то ничтожеством, которое даже не знает, как доставить женщине удовольствие.

У Вари не было сил выступить в защиту Асса Минара. Слегка пошатываясь, как после попойки, она добрела до кровати и заснула едва ли не раньше, чем голова опустилась на подушку.

Вейру поднял ее до рассвета.

– Собирай вещи. Через полчаса выезжаем.

– Полчаса? – ахнула Варя.

На улице, несмотря на темноту, чувствовалось движение. Приглушенно рокотали моторы, слышались команды. Лагерь сворачивался.

Варя на цыпочках вышла из комнаты, включила свет у Ирочки, затормошила ее:

– Эй, зайка, вставай. Только тсс, – она прижала к губам палец. – Не разбуди старую перечницу.

Ей вдруг пришла в голову идиотская мысль, что Вейру так торопится с отъездом, чтобы избежать разбирательств со старухой по поводу невольного вандализма, учиненного над ее любимой посудой. Варя не смогла сдержать улыбки.

Наставив Ирочку, она вернулась в спальню, выволокла из-

под кровати объемистый рюкзак Вейру и стала упаковывать шмотки. С тех пор как она стала спутницей Вейру, его багаж существенно увеличился: еще бы, ведь приходилось таскать с собой одежду Вари и Ирочки, украшения, косметику, Ирочкиного плюшевого зайца, с которым она не желала расставаться ни за какие коврижки... В том, что касалось вещей, Вейру был строг до беспощадности, требуя, чтобы Варя не брала ничего лишнего. Он не разрешал взять даже старые платья, которые в данный момент были ей малы, но потом могли бы пригодиться. Ей казалось, что это чересчур, но все ее просьбы разбивались о стену.

– В десанте есть правило: все свое ношу с собой, – говорил Вейру. – У тебя должно быть не больше вещей, чем ты способна унести на своих плечах.

– Но я же не могу поднимать тяжести! – замечала Варя.

– Тем более, – он был непреклонен. – Представь, что я погиб или ранен. Кто тогда будет нести твоё барахло, кроме тебя самой? На Иру тоже много не нагрузишь.

А вот на плюшевого зайца он закрыл глаза. Так они и таскали с собой Пучеглазика, как назвала его Ирочка, с самого лета.

Напоминания о том, что Вейру может погибнуть, каждый раз будили в Варе дремавшее беспокойство. Вот и теперь что-то заныло внутри. Машина ехала по разоренному догорающему городу, провожаемая злыми взглядами местных жителей, и Варя снова режуще ощутила, что идет война.

– Вейру, – она тронула его, о чем-то размышляющего, за рукав. – Помнишь, ты упомянул о завещании?

– О завещании? – он отвлекся от раздумий и уставился на Варю. – Не волнуйся, у меня нет родственников. Ты моя единственная наследница.

Она покраснела.

– Я и не думала о деньгах!

– Зря, – флегматично откликнулся он – О деньгах нужно думать. Особенно если сама не можешь заработать их... честным, как ты выражаешься, путем.

Ее щеки стали пунцовыми. Некоторое время она боролась с желанием залепить ему пощечину или сказать что-нибудь нелицеприятное. Но, по существу, возразить было нечего. Она сглотнула и выдавила:

– Деньги не спасут от особой службы.

Он призадумался на миг, потом кивнул:

– Да, и среди дерьмушников, как ни странно, попадаются такие, кто презирует взятки. Так чего ты хочешь?

– Вейру, ты же говорил, что мог бы оставить распоряжение для Хеддо... ну, на тот случай, если...

Он посмотрел на нее с усмешкой:

– Неужели ты думаешь, что я, военный человек, постоянно встречающийся со смертью, заранее не подстраховался? Все вторые офицеры знают, что тебя с Ирой надо беречь и холить, независимо от домыслов особой службы и ей подобных.

– Спасибо, – пробормотала она растроганно. – Прости, Вейру. Я думала: разве тебе не все равно, что будет с нами без тебя?

Он промолчал, и ей стало стыдно за свою безобразную мысль. Она же знала, что он не такой. Знала все это время, несмотря на ссоры, недопонимание, холодок в отношениях.

Она уткнулась ему в плечо и расплакалась, сожалея о своей глупости. Но это был не безотрадный плач – жалоба на злую судьбу, а плач-очищение. С каждой слезинкой становилось легче на душе.

Поздним вечером, когда Ирочка, умаявшись смотреть в окно на однообразный снежный пейзаж, заснула, уютно устроившись у Вейру на коленях, они въехали в крошечный городок. По размерам он был, наверное, меньше средней деревни, но улицы были заасфальтированы, трех-шестиэтажные домики без огородов стояли стройными рядами, разделенные сквериками. Все, конечно, носило следы боев, но слабые – было заметно, что городок не очень-то старались оборонять. Глаз Вари выхватил детский садик с почти неповрежденным заборчиком.

– Расположимся здесь. – сказал Вейру. – Уже ночь, пора где-то останавливаться.

– Как? – поразилась Варя. – Разве ты не подобрал заранее, как обычно, какую-нибудь деревеньку? Ты, всегда отличавшийся предусмотрительностью?

Он усмехнулся.

– Я слишком спешил обратиться подальше от всего этого – от Асса Минара, от ворчуньи, помешанной на антиквариате, от бабки Меженковой, сдвинутой на геенне огненной... Ничего, мы тут славно устроимся.

– Но ведь ты не любишь городов.

– Какой же это город? – фыркнул Вейру.

Что бы сказал сейчас Асса о разных точках зрения представителей двух цивилизаций, подумала Варя. Странно: как только она узнала, что он не убит, страсть, ярость и горе прошли, хотя она все равно его потеряла. Осталась лишь легкая печаль. А еще недавно ей представлялось, что она и дня без него не проживет.

К их машине подошел Дайне.

– Посмотрите квартиру, командир.

Бойцы уже вовсю размещались в шестиэтажном домике на набережной. На первом этаже, по словам Дайне, была неплохая трехкомнатная квартира.

– Посиди в машине, – сказал Вейру Вару. – Я скоро вернусь.

Он ушел. Шофер заглушил двигатель и выключил свет.

– Славная ночка, – проговорил, лениво потягиваясь. – Снег, тишина... Никакого тебе встречного движения...

В это время тишина была нарушена, и вдали замаячили чьи-то фары.

– Ну вот, накаркал, – огорчился шофер.

– Кто это? – спросила Варя, прислушиваясь к далеким

звукам мотора.

– Не волнуйтесь, сэке Барби. Кроме иррийцев, на оккупированных территориях никто не ездит.

Ирочка зашебуршалась и пробормотала, потирая глазки:

– Мам, хочу пи-пи.

– Потерпи, скоро папа придет, – Варя попыталась отложить процедуру, но Ирочка закапризничала:

– Нет, хочу сейчас!

Шофер с пониманием взглянул на Варю:

– Не хотите выходить – давайте я с ней прогуляюсь до угла.

Она кивнула.

Варя осталась одна. Две фигурки – большая и маленькая – скрылись за углом. А с другой стороны, урча обманчиво глухо, подъехал мотоцикл.

– Патруль особой службы. Предъявите документы.

Варя обмерла.

– Ваши документы, – нетерпеливо повторил офицер.

Один из сопровождавших его солдат наклонился к его уху и что-то прошептал, глядя на Варю. Офицер извлек из-за пазухи несколько скрепленных фотографий, перелистал, нахмурился.

– Вы арестованы.

– Это какая-то ошибка, – пискнула она беспомощно. – Я жена Вейру Велда, командира десанта.

– Ну конечно, – жестко усмехнулся офицер. – А я муж

правительницы Шайхафа. Взять ее!

Солдаты выволокли тщетно упирающуюся Варю, потащили ее к мотоциклу.

– Вейру! – истошно закричала она.

Ее вопли услышал шофер. Он выскочил из-за угла, как полоумный, размахивая квантором. Но было уже поздно. Коричневые бросили Варю в коляску. Взрыкнул мотор, и мотоцикл понесся прочь.

– Вейру! – крикнула Варя в последний раз, оглядываясь назад с угасающей надеждой.

Солдат ударил ее по лицу:

– Помалкивай, шизофреничка.

Она почувствовала вкус крови на губах. Ей стало плохо...

Шофер с безумными глазами заколотил в дверь:

– Командир, командир! Сэке Барби увезли!

Ему вторил отчаянный рев Ирочки.

Может быть, это сон, неуверенно думала Варя. Ночной кошмар. Это слишком ужасно, чтобы быть правдой.

Но постепенно становилось ясно, что это правда. Слишком реально болели разбитые губы – во сне так не бывает. Морозный ветер кусал щеки и голые уши: ей не дали надеть шапку. Хоть Ирочку не забрали – счастливая случайность...

Ее грубо выпихнули из мотоцикла, втолкнули в дверь, повели бесконечным коридором. Она не вполне хорошо воспринимала реальность. Порой ей казалось, что она смотрит на себя со стороны. Поэтому она не обратила внимания, ко-

гда стены мелко задрожали, и все вокруг засуетились, стали открываться двери, выбегать люди. Сзади нарастал шум; грохот и лязг смешивались с шипением кванторных вспышек.

И тут за стенами прогремел голос, усиленный мегафоном.

– Еще одна секунда сопротивления, и я разнесу по камешку этот вонючий гадюшник, а всех его обитателей застрелю, дерьмо и моча, как землероек!

Варя неожиданно поняла, что конвоиры больше не держат ее. Они замерли, опустив руки, с побелевшими лицами. Варя развернулась и побежала к выходу на подгибающихся ногах.

Навстречу ей по коридору шагал Вейру. Она бросилась к нему на грудь, вся дрожа.

Он аккуратно вытер носовым платком кровь с ее подбородка, поцеловал, затем мягко отодвинул в сторону.

– Эта дама не сказала вам, что она моя жена? – осведомился он тихо, почти ласково.

– Я им говорили, говорила! – всхлипнула Варя.

Он поднял револьвер. Варя не успела зажмуриться, как на полу перед ними уже лежали три трупа с дымящимися ранами. Свидетели расправы застыли, вжимаясь в стены узкого коридора, с расширенными от ужаса глазами.

– Где начальник этого общественного сортира? – брезгливо спросил Вейру.

С лестницы донеслись шаги, и появился офицер с двумя золотыми треугольниками на коричневом рукаве.

– Что вы себе позволяете! – закричал он с негодованием. – Вы поплатитесь за то, что убили иррийских граждан!

– Ты что-то путаешь, дерьмоед, – холодно произнес Вейру, глядя на офицеришку свысока. – Это ты заплатишься за то, что твои ублюдки подняли руку на мою жену.

Офицер взглянул на Варю и нервно усмехнулся.

– Вы сами-то знаете, кто она?

– Я-то знаю. А вот тебе лучше было бы не знать.

Он выстрелил еще раз недрогнувшей рукой. Офицер упал, усмешка так и осталась на лице посмертной гримасой.

– Есть еще желающие подискутировать о моей семье? – Вейру обвел всех ледяным взглядом. Ответом ему было молчание. – Вот и прекрасно. Даю вам шесть часов, чтобы выместись из этого населенного пункта, не оставив следов. И помните, кто хозяин на этом континенте!

Он презрительно повернулся спиной, привлек свободной рукой к себе Варю и медленно двинулся к выходу, одновременно обнимая и поддерживая ее. У нее дрожали коленки.

На дороге тут и там валялись убитые и раненые солдаты особой службы. Вейру гадливо огибал их.

– Надеюсь, это надолго отобьет у дерьмушников желание охотиться за тобой, – сказал он.

Улица была озарена прожекторами самоходных установок. В их свете бросались в глаза разрушения, причиненные зданию. Левое крыло полыхало огнем, как картон.

– И это все из-за меня? – неверяще спросила Варя.

Вейру вздохнул.

– На сей раз не могу придумать другую убедительную причину.

Невдалеке ждала машина с шофером. На сиденье радостно подпрыгивала Ирочка, увидев маму в стекло. Она тут же уютно устроилась, положив вихрастую голову Варя на колени, и моментально заснула снова. А Варя все не могла прийти в себя. Ее трясло после пережитого.

– Вот мы и дома, – сказал Вейру, занося спящую Ирочку в прихожую, освещенную уютным желтым светом.

Варя вошла, устало подперла спиной стену. В приоткрытую дверь дальней комнаты было видно, как юная девушка с хвостом светлых кудрей на затылке стелила постель.

– Проходи, располагайся, – Вейру мотнул головой в сторону комнаты. – Эй, девчонка, горячего чаю нам!

Девушка закончила взбивать подушки и поспешила на кухню. Варя присела на кровать. Не было сил даже пойти смыть дорожную пыль, кровь и следы мерзких лап дерьмушников. Она разделась, преодолевая озноб, забралась поглубже под одеяло.

Пришел Вейру, уложив Ирочку, перехватил в дверях у служанки поднос с чаем.

– Выпей, моя золотая. Тебе надо согреться и успокоиться.

Он нежно погладил Варю по голове. Она доверчиво прижалась щекой к его ладони.

– Вейриэ, я люблю тебя, – вырвалось у нее само собой.

Он улыбнулся:

– Вчера ты говорила, что ненавидишь меня.

– Да, говорила, – признала она. – Порой ты кажешься просто отвратительным. Но на самом деле ты хороший человек. Ты столько для меня сделал...

– В первую очередь – для себя, – поправил он.

– В чем же твоя выгода?

– А я не преследую выгоду. В конце концов, я имею право на сумасбродство.

– Командир имеет право на все? – улыбнулась Варя.

– Ну вот, ты уже не дрожишь, – заметил он вместо ответа. – Допивай-ка чай и засыпай.

– Не уходи, – попросила она. – Я без тебя не засну.

– Заснешь, – засмеялся он. – Не успеешь до двадцати двух досчитать. Ну-ну, я должен отдать еще кое-какие распоряжения.

Он ушел, а она свернулась калачиком и назло ему принялась считать до двадцати двух. Но так и не досчитала.

К утру на подоконник с внешней стороны окна намело слой снега сантиметров в двадцать. Хилое деревце под окном сгибалось под тяжестью белого одеяла.

– Мам, где это мы? – в комнату сунулась Ирочка. – Вот здорово!

Варя оторвалась от запотевшего стекла.

– Ты уже умылась?

Ирочка сморщилась, как от зубной боли, но отправилась

в ванную.

– Ух ты! – донесся ее удивленный возглас. – Горячая вода прямо из крана!

Через несколько секунд плеска и фырчания она спросила:

– Мам, помнишь, у нас дома тоже была горячая вода?

– Помню, – ответила Варя.

– А я уже почти не помню, – огорченно призналась Ирочка. – А сколько комнат у нас было – две или три?

– Какое это теперь имеет значение? – Варя пожалала плечами. – Вряд ли мы вернемся туда.

Впервые она подумала об этом без горечи. В прошлое возврата нет – ну и ладно. Как странно и как легко. Она вымылась под душем и долго смотрела, как стекает с тела вода, словно унося с собой все бывшее.

Во дворике была детская площадка – качели, горка, занесенная снегом песочница. Ирочка сразу же после завтрака убежала гулять. Когда светловолосая девушка пришла убирать со стола, Варя поднялась было помочь, но Вейру накрыл ее руку своей:

– Ну уж нет. Через полчаса здесь соберется штаб, и до тех пор мне хотелось бы кое-что предпринять... чтобы у тебя и мысли не возникало смотреть на кого-то из них иначе как на моего офицера!

Варя распахнула глаза. Подобная страсть, да еще на трезвую голову, была ей пока в новинку. И прогноз Вейру оправдался. Мысли у нее не возникло, вообще ни единой. Думать

просто не хотелось. Она закуталась в шубу, вышла на слегка подгибающихся ногах и села на лавочке у подъезда, бездумно глядя в морозное голубое небо в подобии нирваны. На площадке носилась ребятня, бросаясь сверкающими снежками, в квартире обсуждался план нового наступления, но Варю это не волновало. Где-то там раскрылись небеса, и на нее снизошла благодать. Только это и имело значение. И такая безмятежность и тихое умиротворение были в ней, что две мамыши, вышедшие с колясками в надежде посудачить о жене иррийского командира, которая – вишь ты! – землянка, а туда же, – переглянулись и улыбнулись с неожиданной теплотой.

Она ощутила, как во внутренней тишине и блаженстве проснулся ее ребенок. Проснулся и зашевелился, тихо-тихо, как мышка. Она сидела еще долго, прислушиваясь то ли к себе, то ли к небу, и улыбалась, сама не зная чему.

Недели, прожитые в этом крошечном городке, названия которого Варя так и не запомнила, казались ей потом самыми счастливыми в ее жизни. Она ходила, как в сладком полусне, позабыв и о войне, и о дерьмушниках, и о коварных соперницах – будто их и не было никогда. Вейру был с ней, и она за ним – как за каменной стеной. С ее губ не сходила улыбка, и это заметил даже черствый сухарь Трин Велд, одобрительно высказавший командиру:

– Похоже, у вас с супругой снова все ладно. Рад за вас, сэки Вейру.

Трин никогда не отличался деликатностью. Говорил, как умел. Но Варя не поморщилась, только улыбнулась чуть лукавее. Сейчас она все принимала спокойно. Ее снисходительная терпимость простиралась даже на проказы Ирочки.

– Мам, а те мальчишки говорят, что я наполовину иррийка, – теребило ее дитя. – Это правда?

Еще несколько дней назад она отрезала бы: «Нет!» – и отругала дочь за то, что она слишком серьезно воспринимает роль, разыгрываемую по сценарию. А сегодня она, не покидая своего кокона счастья и спокойствия, лишь пожала плечами:

– Не знаю.

– А что мне им сказать?

– Что хочешь, милая, – она поцеловала девочку в раскрасневшуюся от мороза щечку.

– А еще они говорят, что меня поэтому так и называли – Иркой. Потому что я и есть ирка.

Варя снова пожала плечами. Пусть так. Какая ей разница, что думают эти мальчишки? Она могла бы поправить: мол, Ирочку называли в честь ее, Вариной, мамы, и имя «Ирина» принадлежало древнегреческой богине мира и покоя... Но зачем? Вот оно, объяснение, всех устраивающее. Наверняка солдаты десанта считают так же. Откуда им знать имена греческих богинь? И кому повредит, если они решат, что дочка сэки Вейру названа по их любимой родине?

Она даже почти не шила и не вязала. И на вопрос, кото-

рый задавала себе уже после: чем же я была занята дни напролет? – ответить не могла. Ничем. Или чем-то очень важным. Кто знает?

Девушка-служанка завидовала Варе, не скрываясь. Ее красоте, ее неприкосновенному статусу, ее счастью, что не помещалось внутри и сочилось невидимым светом. Тому, как смотрел на нее муж. Тому, как он заботился о ней. Тому, как она таяла в его объятиях. Что и говорить, было чему позавидовать.

Вейру, конечно, не мог проводить с ней все время. Заседания штаба, боевые операции... Но частые отлучки не терзали ее. Она умела ждать.

Если бы так продолжалось бесконечно!

Часть 3

Так раскалывается свет,

Все уходит, что грело спину.

Ты не любишь меня? – О нет,

Но я тоже тебя покину.

Как чудовищно ощущать

Пустоту и страх за плечами...

Я еще не одна? – Как знать,

Что сейчас происходит с нами.

С треском рушится все вокруг,

И сжирает адское пламя

Искренность, и надежность рук,

И улыбку, и вздох, и память

Всех счастливо прожитых лет...

Нету веры, одно сомненье.

Остановится шквал? – О нет,

От крушения нет спасенья.

Под фанфары в тартарары

Мир летит, подвывая тихо.

Выйти вовремя из игры –

Не такой уж удачный выход...

Тот день стал переломным. Десант возвращался после очередной операции – Варя не задумывалась, что за город они захватывали, сколько было убитых землян, разрушенных домов... Эти тревоги остались где-то на задворках сознания, не допускаемые на первый план. Вейру шагнул в дом с мороза, пахнувший снегом и дымом, Дайне за ним. Варя вскочила встретить, прижалась губами к щеке, он поцеловал ее в ответ. Все как всегда, но у Вари вдруг защемило сердце. То ли тень в глазах, то ли фальшь в улыбке. Неужели он ей не рад? Другая женщина? У нее внутри все сжалось.

– Налей, – он тяжело, с нескрываемой усталостью, плюхнулся за стол.

Варя проворно достала две рюмки из серванта – Дайне и

ему, но он сцапал бутылку у нее из рук и надолго приложился к горлышку. Варя бросилась за закатанной банкой огурцов. Когда она вернулась, бутылка была пустой.

Вейру не глядя взял огурец и распорядился:

– Дайне, всех офицеров сюда.

Варя недоуменно округлила глаза. Заседание штаба? Сейчас, когда они только-только возвратились? Когда следует отдыхать, релаксировать, выпивать, в конце концов... Она скользнула взглядом по пустой бутылке и, убрав ее со стола, поставила новую. Вейру потянулся открыть... Даже его пьянство казалось не праздничным.

– В чем дело, Вейриэ? – прошептала она. – Что случилось?

Он посмотрел на нее, оторвавшись от бутылки.

– Волкова вернулась из отпуска.

В первый момент Варя почувствовала невыразимое облегчение. Не соперница-разлучница, всего-то Натали Волкова возвращается в строй.

– Как так? – удивилась она секунду спустя. – Она ведь еще не скоро должна была родить.

Вейру грязно выругался. В последнее время он при ней так не выражался.

– Она сделала аборт.

Варя непроизвольно прижала руки к животу, будто опасаясь, что прозвучавшие слова могут как-то отразиться на ней.

– Нет, она не могла! Я хорошо знаю Натали, она обмолвилась мне на банкете перед самой войной, что очень хочет

завести ребенка от своего любимого, – Варя сглотнула. – Ну, если только по медицинским показаниям...

– Ходят и такие слухи, – скривился Вейру. – Срок-то поздний. Но сама Волкова не торопится их подтвердить.

Он бросил Варе газету. Видимо, из того захваченного города. Газету даже не пришлось разворачивать: информация с крупным фото и подзаголовком «Эксклюзивное интервью с генералом Волковой» шла на первой полосе. Варя пробежала интервью глазами и споткнулась о заявление:

«В этот тяжелый для родины час у меня нет времени на всякие неуместные женские глупости. Все личные дела мы решим после победы. А сейчас я принимаю командование и призываю не терять веры в нашу армию. Единственное, чего ей до сих пор не хватало – это грамотного руководства»...

Варя опустила газету и неуверенно проговорила:

– Ну, мало ли что она могла сказать для пропаганды...

Хлопнула дверь, ввалился Трин Велд, следом – Хеддо, с минутным интервалом пришел Раки Велд, за ним Элену в меховой, явно трофейной шапке. Все озабоченные, с совершенно не победным настроением.

Вейру развернулся лицом к ним, рассевшимся за столом:

– Давайте обсудим изменения в стратегии в связи...

Варя тупо уставилась в окно. Туда, где бросались липкими снежками Ирочка и местная ребятня. Женские глупости. А ты, ты смогла бы пожертвовать женскими глупостями ради победы?

Наверное, полгода назад она, не задумываясь, брякнула бы: да. Особенно если бы спросил Роман. Конечно, да! Победа любой ценой. Ведь это так важно для Романа.

А что важно теперь?

Ребенок беспокойно зашевелился внутри, и она машинально погладила живот – защитить, убаюкать. Блеск снежинок за окном вдруг стал нестерпимым, и по щеке потекла одинокая слеза.

Стекла в деревянных рамах затряслись крупной дрожью. Варя резко села в кровати, пытаясь разглядеть что-нибудь в окно, расписанное морозными узорами. Только красная полоса рассвета. Только гул реактивных струй и грозный вой. Сверхзвуковые бомбардировщики.

Вейру уже не спал. Запахнувшись в халат, говорил с кем-то по рации. Отдавал приказы. Перехватив испуганный взгляд Вари, он спокойно кивнул.

– Нас бомбят, – полувопросительно произнесла она.

– Не бойся. Здесь мирные жители. Не станут же они бомбить мирные кварталы.

– Почему не станут? – Варя набросила на плечи одеяло, ее слегка знобило, и она уже научилась понимать, что означает это состояние организма: предчувствие опасности. – Почему не станут? Все так делают.

– Все? – Вейру нахмурился. – Иррийцы так не делают. И вообще, в цивилизованном мире не принято...

Конец его фразы потонул в грохоте разрыва. С потолка

посыпалась штукатурка. Варя взвизгнула и непроизвольно пригнулась.

Вейру неверяще выругался. Зазвенела посуда в серванте.

Дайне поспешно вел ее в подвал, завернутую в серый командирский плащ поверх ночнушки, а она спотыкалась на неровных ступеньках. Над головой качалась туда-сюда от сотрясений засиженная мухами тусклая лампочка без абажура. Она и не думала, что в этом симпатичном доме такой обшарпанный подвал. Полумрак, едва развеиваемый лампочкой, затхлость, нервное журчание воды в трубах, проходящих совсем рядом с головой, по низкому потолку. Шуршание и тихий писк в дальнем темном углу. Она поежилась, когда ей почудился блеск красных глаз.

– Здесь безопасно, – сказал Дайне, и она вымученно кивнула. – Не волнуйтесь, Барби. У командира все схвачено.

Его уверенный голос успокаивал. Но она видела, какой неожиданностью была эта бомбардировка для Вейру. Ее грозный, хитроумный, многоопытный, но в чем-то до сих пор наивный муж...

– В детстве мы любили играть в подвалах, – рассказывал Дайне. – Представляли, что это страшные подземелья или пещеры. А вы, Барби? Вы лазали по подвалам, когда были маленькой?

Она покачала головой. Нет, она никогда не лазала по подвалам. Она любила плести венки из цветов, лепить тортики из снега и шить куклам красивые платьица. А подвалов она

боялась. И не очень понимала, во что могла бы там играть маленькая хорошенькая девочка.

А вот у Ирочки с этим проблем не возникло. Она быстро стряхнула сон и решительно направилась в тот угол, где кто-то шуршал. Из-под ее ног всполошенно порскнули крысы, и она с энтузиазмом погналась за ними. Варя вновь покачала головой, но Дайне смотрел на это одобрительно. Что ж, вздохнула она, почему бы нет? Почему бы Ирочке не развлекаться на манер иррийских детишек? Тем более под присмотром Дайне с большой пушкой на боку, который не даст ее в обиду ни обнаглевшей крысе, ни заплутавшему маньяку.

Лампочка снова закачалась. Варя поплотнее обернулась плащом и присела на деревянный ящик. Бомбардировщики все еще кружили над городом, сея разрушение и смерть.

Варя так и не смогла заснуть до утра. Когда воздушная тревога миновала, она собралась и пошла в госпиталь. Может быть, Кори даст ей снотворное. Или она просто поболтает с Элькой. Или...

Все затянуло дымом пожаров. Снег стал черным от пепла, и стены аккуратных домов покрылись жирной копотью. Улочка, по которой она шла, оказалась завалена. Переломанные балки, щебень, стекло. Вывороченные с корнем обугленные трупы деревьев. Бродящие по развалинам люди с отчаянием в глазах, перемазанные копотью, а кое-кто и кровью, многие одеты не по-зимнему – в том, в чем выскочили из кровати и бросились вон из дома, приговоренного к смерти.

Опухшая от слез женщина выудила из кучи щебня сковородку и прижала ее к груди, баюкая, как дитя. Две продрогшие девушки тащили треснувший стул к костру из мебели, возле которого грелись несколько старушек. А у оплавленного канализационного люка навзрыд плакал мальчик лет десяти над телом собаки. Темная кровь расплылась по рыжей шерсти.

Собаку-то за что? Войны – изобретение людей, при чем тут несчастная псина? Варя вспомнила Шпульку, ее наивную преданность, непонимание в темных собачьих глазах, когда пуля разорвала нежную шкурку.

Наверное, она что-то сказала, потому что пацан поднял голову, выдавливая через непослушное горло:

– Нора моего брата вытащила. Закрыла его собой. На Вовке ни царапины, – он мотнул головой в сторону кучки тряпья на слегка обгоревших санках, при внимательном рассмотрении в тряпье обнаружился спящий грудной младенец. – А Нора... – он всхлипнул.

Собака едва слышно заскулила. Жива, поняла Варя. Еще жива.

– Тащи-ка сюда санки, – сказала она, наклоняясь.

Кто думает о собаке в такое горькое время? Волоча санки, за которыми оставался на припорошенном снегу кровавый пунктир, вслед за Варей, несшей младенца, мальчик все не мог поверить в надежду.

Раненых было много. Ни к Кори, ни к доку Варя обра-

щаться не стала: бесполезно. Им сейчас не до нее и даже не до ее ребенка, а о мохнатой инопланетной зверюге, хищной на вид, лучше и не заикаться. Варя нашла Эльку.

Элька не стала лезть за конспектом: ее учили лечить только людей. Она лишь почесала голову:

– Да-а, дела...

Но оптимизма ей было не занимать. Она и иррийцев считала не совсем людьми: подумать только, сердце справа, нормальная температура тела выше тридцати семи – а ничего, поддаются лечению, и плевать, что раны сложнее переломов ей не доверяют. Вот сейчас она на собачке и потренируется. А Варя будет ассистировать. А малец пусть возьмет себя в руки, перестанет хлюпать носом и займется своим братом: его, кажется, самое время перепеленать.

Когда она вернулась, Вейру не было. На столе остывал обед. Ирочка, уже накормленная прислугой, что-то раскрашивала за журнальным столиком. Варя похлебала суп, прошлась по комнате, лоя себя на том, что прислушивается не к себе, а к внешнему миру, вновь ставшему опасным. Она плотно закрыла окно, чтобы с улицы не несло дым.

Вейру пришел только к вечеру вместе со вторыми офицерами. Снова заседание штаба, подумала Варя. Вид у него был усталый, на лбу тревожная складка. Он не глядя провел рукой по полке, но рука зацепила лишь пустоту.

– Где карты? – спросил он отрывисто.

До Вари не сразу дошло, о каких картах он спрашивает.

Потом сообразила: игральные карты у иррийцев не в ходу. Значит, речь о картах военных действий. Вейру посмотрел на нее, и Варя вдруг стало ясно: это вопрос к ней.

– Карты? – переспросила она, словно эхо. – Я не знаю, Вейру.

Он продолжал на нее смотреть. Она залилась краской, когда поняла, о чем он думает. О том, что она остается землянкой. Она могла взять карты, чтобы передать их *своим*. Передать его, почувствовав перелом в этой войне. Могла бы она это сделать? Варя покраснела еще гуще. Давно могла бы. Если бы была поумнее. Нет, шпион из нее не выйдет. А вот дуручка, которую так легко подставит настоящий шпион...

– Вейриэ, я их не брала, – прошептала она и жалобно добавила: – Честное слово.

– Иди в комнату, – приказал он таким голосом, каким не разговаривал с ней даже после казни Марины.

Она повернулась на ватных ногах, прошла в спальню и, упав на кровать, разрыдалась.

Он ей не верит. А кто бы поверил на его месте? Явилась из леса, обманом втерлась в доверие. Сыграла на жалости, на своей женской слабости, на его влечении к земным красоткам. Прикинулась верной супругой, а сама шпионила за ним. От нее не прятали ни штабных карт, ни приказов: кому придет в голову хранить секреты от любящей жены командира? Бывший муж которой – генерал Затонский, а хорошая подруга – генерал Волкова...

Дура, вот дура набитая! Она сама не знала, за что себя ругает: что не воспользовалась таким удобным шансом и не стала шпионить для родины, или что последнее время недостаточно зорко стояла на страже порядка в доме? Поглощенная собой и своими внутренними ощущениями, она совсем забросила уборку... она перестала следить за одеждой Вейру, пришивать ему пуговицы, чистить ботинки... Господи! Он, наверное, думает, что это связано с ее изменой.

Что теперь будет? К измене мужу он отнесся так снисходительно, как мог, но измены командиру иррийской армии не простит. Не сможет простить, даже если захочет. Его ближайшие помощники не поймут. Да и захочет ли? Тем, кто отвечает злом на добро, одна дорога... Что он с ней сделает? Отдаст коричневым, что кусают локти в безуспешных попытках добраться до жены Затонского и будут ему благодарны по гроб жизни? Или смилостивится и пристрелит сам? Наверное, он все-таки ее не выдаст: Варя давно убедилась, что мерзавцу и садисту Вселенского масштаба Вейру Велду не по душе подлость. Но старшие офицеры могут потребовать показательной казни. Элену Мину наверняка нравится смотреть, как женщин бьют плетьюми. А Трин Велд будет лицемерно утверждать, что действует исключительно в интересах командира, лично распорядясь вздернуть ее на дыбу.

Подушка промокла от слез.

Вейру вошел, мрачнее тучи, рывком поднял Варю с кровати. Она инстинктивно закрылась рукой – скорее смущаясь

зареванного, опухшего лица, чем боясь пощечины, и сама удивилась этому. Но он безжалостно убрал ее руку и схватил за подбородок железными пальцами, не давая отвернуться.

– У тебя есть три минуты. Всю правду, от начала и до конца. Если скажешь правду, за свою жизнь можешь не бояться. Пока еще я здесь командир, и я могу защитить свою жену, кем бы она ни была. Три минуты, понятно? Через три минуты начнется обыск, и того, у кого найдут карты или вообще что-нибудь подозрительное, повесят на ближайшем столбе. Таков мой приказ, и он будет исполнен, не сомневайся.

Повесят! У Вари перехватило горло, словно на нем уже сжималась веревка. Он встряхнул ее:

– Ну? Две минуты. Скоро останется одна.

Она сглотнула слезы.

– Вейру, я ни в чем не виновата. Я эти карты пальцем не трогала. Клянусь, я даже не смотрела в них! – она не удержалась от всхлипа.

Вейру посмотрел на часы. И, чуть помедлив, отпустил ее. В его жестком взгляде мелькнуло сочувствие и снова исчезло.

– Мне очень жаль, – промолвил он и распахнул дверцу шкафа.

С полки полетели ее вещи. Платья, белье, Ирочкина одежда. Недошитые юбки для ирриек, недовязанные носки для любимого мужа. Варя стояла, держась за горло, на подгибающихся ногах. Обыск. Вейру не доверил никому другому

рыться в белье своей жены. Может, оттого, что боялся найти? Но он ничего не найдет...

А вдруг найдет? Этот неизвестный шпион, он мог подкинуть карты ей, дурехе, и поди отопрись. Спальня не запирается, зайти туда может кто угодно, да вот хотя бы служанка! Она вполне могла сунуть в шкаф не только карты, но и полцентнера оружия и боеприпасов, а Варя и не заметила бы. В глазах у нее помутилось.

– Вейриэ, – робко пролепетала она. – Пожалуйста, поверь мне. Не стану притворяться, будто меня радуют завоевания Ирру, но тебя бы я не предала. Я люблю тебя, – последние слова она проговорила едва слышно.

– Молчи уж, – буркнул он, не оборачиваясь. – Три минуты прошли.

Она остро пожалела о том, что ей не в чем было признаться за эти три минуты. Насколько все было бы проще! Согрешила, покаялась, получила индульгенцию. Вот найдет он сейчас карты и рацию впридачу, а ей нечего сказать...

Выпотрошив шкаф, Вейру сорвал с кровати покрывало, стал сдирать с одеяла пододеяльник. Неужели я прятала карты в супружеской постели, отстраненно подивилась Варя. Но он не слышал ее мыслей. Методично перетряхнул постель, заглянул под матрац. Перевернул ковер, вскрыл швейную машинку, пошарил в косметичке.

– Раздевайся, – приказал Вейру.

– Я не прячу их на себе, – тихо произнесла она.

– Раздевайся! – рявкнул он и добавил заковыристое ругательство.

Она послушно нащупала застежку платья непослушными пальцами. Пока она раздевалась, он смотрел на нее со странным, холодным выражением. Не как на женщину, а как на врага.

– Ну, что? – она подняла на него глаза, голая и беззащитная, стоя посреди учиненного в комнате разгрома. – Нету?

– Дом большой, – ответил он, не меняя тона. – Буду искать дальше.

Он вышел из комнаты, бросив дверь открытой. Варя чувствовала себя оплеванной.

Она оделась и попыталась навести порядок. Из головы не лезли мысли: кто? Кто стащил карты? Служанка? Эта девушка, так завидовавшая ей? Она могла подставить ее из зависти. Кто еще тут ходит, как у себя дома? Офицеры. Трин, Раки, Элену. Для них это повод возвести на нее напраслину, отвратить командира от позорной связи с инопланетянкой. Они никогда не осуждали эту связь открыто, относясь к супруге командира со всем внешним почтением, но чужая душа – потемки. Кто знает, что они в действительности думают о ней? О варварке, женщине низшей расы, годной лишь для сиюминутных утех, но никак не в качестве жены, матери наследников, подруги на всю жизнь. Хуже того – о представительнице планеты, с которой идет война. То есть потенциальной шпионке. К чему ждаться, когда случится непоправи-

мое? Лучше нанести упреждающий удар. Вейру не прогнал ее, когда ему доложили о ее отношениях с культурологом. Не выгорело. Что ж, надо придумать что-нибудь посерьезнее... Варя искала изъян в своих рассуждениях и не могла найти.

Поправляя постель, Варя всмотрелась в сумрак за окном. Фонари не горели – последствия бомбардировки, но на улицах было шумно и светло от прожекторов. Слышался рев моторов, треск автоматных очередей. То туда, то сюда быстро двигались небольшие группы вооруженных иррийцев. Шла облава на шпиона. Варин взгляд упал на темный фонарный столб у окна. Здесь меня повесят, подумала она. Те, кто хочет меня извести, наверняка позаботились об уликах.

Она осторожно выглянула в коридор. В доме царил кавардак. Ирочка! У Вари защемило сердце. Она кинулась в комнату Ирочки – проверить, все ли с ней в порядке.

– Стоять!

Грубый окрик настиг ее у дверей Ирочкиной комнаты. Вейру вышел из кухни. В руке его была бутылка. Почти пустая.

– Я только...

– В спальню, быстро! – гаркнул он, и Варя поспешно ретировалась.

Вейру был сильно пьян, его пошатывало. Это вселило в Варю дурацкую надежду: сейчас он придет, повалится на кровать, уснет пьяный на ее груди, как на подушке, а утром она принесет ему рассол, и все опять будет хорошо. Но вре-

мя шло, а он не приходил. Потом хлопнула входная дверь.

Варя все-таки прокралась к Ирочке. На цыпочках, хотя Вейру не было. В детской комнате все было перевернуто вверх дном. Кроватка с девочкой выглядела нетронутым оазисом. Ирочка посапывала в кулачок, из-под подушки торчала коробка фломастеров. Варя аккуратно поцеловала дочку и поправила ей одеяльце.

Она думала, что не сможет уснуть. Но все-таки уснула, потерянно сидя на заправленной постели.

Утром ее разбудили голоса. Она протерла глаза и выползла в коридор, забыв, что ей велели сидеть в спальне. Голоса доносились из кухни. Вейру, Дайне и Хеддо, все озабоченные, хмурые. Ирочка, как и вчера, возилась в углу, увлеченная фломастерами. Служанка подавала кофе. Варя заметила, как скептически посматривает на чашку Вейру, болезненно потирая висок. Муки похмелья.

Варя поколебалась. Будь там Трин или Элену, она вряд ли рискнула бы показаться на глаза. Но она верила, что Хеддо не будет настаивать на ее немедленной казни, даже если они что-то нашли. Варя отрыла в чулане банку соленых огурцов, свернула крышку, налила рассол в три стакана.

Дайне и Хеддо приветствовали ее с искренним энтузиазмом. Вейру покосился и промолчал. Но рассол выпил.

– Как самочувствие, Барбиэ? – участливо осведомилась Хеддо. Кажется, Вейру не стал делиться с офицерами своими подозрениями насчет Вари.

– Спасибо, все в порядке, – потупилась она, надеясь, что синяки по углам подбородка не слишком заметны. – Поймали шпиона?

Вейру обжег ее взглядом, ничего не ответив.

– Пусть это тебя не волнует, – покачала головой Хеддо. – В твоем положении надо думать о приятных вещах, – только когда она договорила до конца фразы, Варя поняла, какое положение она имеет в виду. – О детях, например, – Хеддо подошла к Ирочке и потрепала ее по голове. – Чудесный ребенок, правда? Рисует и никому не меша...

Она осеклась. Глаза ее чуть не вылезли из орбит.

– Что? – нервно гаркнул Вейру.

Хеддо, казалось, потеряла дар речи. Она молча указала на то, над чем трудилось дитя. Вейру и Дайне повскакали с мест.

Хеддо внезапно обхватила себя обеими руками и принялась истерически хохотать.

– Дерьмо и моча, сэки Вейру! Шпиона ловили! Весь город на уши поставили!..

Вейру и Дайне глазели на детский рисунок, и лица их постепенно багровели. Наконец Дайне протянул руку через Ирочкино плечо и шлепнул карту на обеденный стол. Карта была цветная до невозможности, разукрашенная розовым, фиолетовым и оранжевым, разрисованная елочками, цветочками и снежинками.

– Правда, красиво? – Ирочка, гордая своим творением,

смотрела на Вейру чистыми глазами.

– Очень, – выдавил он.

Хеддо снова закатилась от смеха.

– Извините, – сказал Вейру, – мне надо поговорить с женой.

– О воспитании детей, не иначе! – прыснула Хеддо, взяла Ирочку за руку и вышла. Дайне последовал за ней.

Варя первая нарушила повисшее молчание.

– Что, Вейру, – спросила она тихо, – повесишь ее на столбе? Или скажешь, что это я ей карты подбросила? После того, как сделала свое черное шпионское дело?

– Варежка, прости. Я забыл, какими бывают дети. Последний раз у меня был ребенок больше тридцати трех лет назад.

– Значит, у тебя уже есть ребенок? – удивилась Варя.

Он слегка поморщился.

– Оба моих сына служили в армии и погибли во время Нерранского конфликта.

– О... – узнав такое, Варя не могла всерьез лелеять обиду. – Мне жаль, правда.

– Один пал в бою с войсками генерала Затонского. Второй оказался в плену. Командир экспедиционного корпуса Леку Велд поехал на переговоры, но Затонский отказался вернуть пленных. Их всех расстреляли.

– О господи! – Варя прижала ладонь к губам.

– Так что, если хочешь знать, он должен мне двоих детей. Я не повешу Иру. И тебя бы не повесил, даже окажись ты

шпионкой. Отложил бы до родов, а там бы забылось... Но я рад, что ты не виновата. Простишь?

А куда я денусь, подумала Варя. И молча кивнула.

Домашний арест был снят, и она отправилась в госпиталь, взяв с собой Ирочку, чтобы познакомить ее со спасенной собакой. Они шли не спеша, Ирочка по дороге пыталась лепить снежки из почерневшего от сажи снега, заглядывала во все дыры, расковыривала щебень в поисках интересных штучек. Когда небо проутюжила первая ракета, Ирочка втянула голову в плечи и спросила:

– Мам, что это?

А потом засвистело, загрохотало. Ракеты разрывались далеко впереди, но Варя схватила Ирочку и вжалась в сугроб. Самое обидное и нелепое – погибнуть под снарядами своих же.

Обстрел длился долго. Наступившая наконец тишина показалась нереальной, ватной, словно заложило уши. Варя выкарабкалась из сугроба, таща за собой дочь. В той стороне, где был госпиталь, полыхал пожар.

На госпиталь пришелся главный удар. Воронки, едкий запах гари и трупы, трупы... Варе стало дурно. Лежащая навзничь женщина с осколком в голове была Кори. Док сидел в своем зеленом халате рядом с ней, обхватив руками виски и раскачиваясь, как пьяный. Уцелевшие раненые были в шоке. Никто не ожидал, что госпиталь может подвергнуться обстрелу, как поняла Варя из их реплик. Более-менее адек-

ватной оставалась одна Элька. Сунув драгоценную тетрадку в карман куртки, она переходила от одного лежащего на окровавленном снегу тела к другому, вправляла новые вывихи, фиксировала переломы, накладывала жгуты... закрывала глаза. Увидев Варю, шепнула:

– Пацанов накрыло, Мишку с Вовкой, – мальчишки, большой и маленький, пригрелись было при госпитале: никого больше, кроме собаки, у них не осталось. – Возьмешь Нору? Док с ней возиться не станет, да и у меня времени ни хрена нет...

Перевязанная Нора слабо завияляла хвостом, приветствуя свою спасительницу. Варя кивнула Ирочке:

– Ну, вот тебе и собачка.

Завизжав тормозами и пропахав снег, вырвалась из-за угла командирская машина. Вейру выскочил, не дожидаясь полной остановки, прижал к себе растерявшуюся Варю:

– Гром и молния, жива... жива... А я уж... – переведя дух, он справился с собой и отдал приказ: – Готовиться к эвакуации. Срочно!

А дальше все покатилося, как в киноленте, пущенной задом наперед в ускоренном темпе. Десант отступал по своим же следам. Была неделя в доме у чокнутой старухи, подцвеченная заревом горящих лесов. Был почти месяц в доме Нади. Местные, раньше сидевшие тише воды, ниже травы, и боявшиеся обратить на себя внимание иррийцев, теперь осмелели, плевались и злорадствовали при виде поспешного

отступления противника. Бои в арьергарде почти не прекращались. И бесконечные обстрелы, ночью и днем...

Вейру был мрачен и озабочен. Он отсутствовал целыми днями и проводил на ногах большую часть ночи. Он ездил на посты, осматривал местность, собирал штаб... Но что-то не ладилось. То ли от недосыпа, то ли от груза забот у него болела голова, и он лечился выпивкой. Голова не проходила, зато открылась язва.

Варя простила ему и недоверие, и резкость. До того ли, когда со всех сторон проблемы! Она старалась, чтобы он отдыхал хотя бы тогда, когда приходит домой. Чтобы дом был для него островком тепла и покоя. Чтобы на столе всегда была горячая еда и травяной чай, успокаивающий боли в желудке. Но с каждым днем это становилось все сложнее.

– Нет! – взвилась Надя, заслоняя собой худую, заполошно квохчущую курицу. – Нет, сэке Барби! Это последняя!

– Надя, моему мужу нужен бульон, – терпеливо произнесла Варя.

– Да пусть он провалится, ваш муж! Пусть он помрет от своей язвы, туда ему и дорога, кровопийце! Не дам!

Нора, последнее время неразлучная с Варей, угрожающе заворчала, сделав шаг вперед. Надя отскочила и схватила квочку в объятия.

– И не просите даже! Завтра его величество яиц пожелает, а я крайней окажусь?

Надо было настоять, корила себя Варя, собирая постный

ужин – тушеную свеклу да капусту. Но ведь яйца и вправду нужны...

Надя еще много чего кричала. Что иррийский командир жирует, а многие местные с осени жрут траву, раскопанную под снегом, потому что две армии, прокатившиеся туда и обратно, вымели все припасы. Что ее дети недоедают, а она боится для них кусок стянуть, чтобы не обвинили в диверсии против проклятых оккупантов. Что соседи косятся на нее завистливо – якобы она кормится от чужаков, пьет вместе с ними народную кровушку, – и уже поговаривают, что пора побить камнями иррийскую нахлебницу. Что ей, Варе, оранжерейному цветочку, никогда этого не понять...

В кухню молча вошла Нора, положила хозяйке под ноги загрызенную ворону. Ворона была толстой. Вот кто на народной кровушке жиреет, подумала Варя. Ворон в этом году развелось видимо-невидимо, трупов был избыток, и иррийских, и землян, и вороны не делали между ними различий.

Вейру с благодарностью отпил свежий наваристый бульон.
– Спасибо, Варешка. Ни одна жена так за мной не ухаживала.

– Вейру, а сколько жен у тебя было? – спросила она.

Он приложил ладонь к желудку с кривой гримасой и выпил еще бульона.

– Я их считал, что ли? Первая умерла, двух я бросил по молодости, две бросили меня. С еще одной разошелся цивилизованно, по взаимному согласию...

– Что, целых шесть?!

– Семь, – улыбнулся он.

Они провели чудесную ночь. Даже язва временно отступила, чтобы не мешать. А рано утром Вейру Велда вызвали на видеосвязь.

Натали Волкова была красивой женщиной и выглядела намного моложе своего возраста. Но только сумасшедший самоубийца захотел бы оказаться на месте Вейру. Она смотрела с экрана на вражеского командира холодно и равнодушно, как на докучливое насекомое, которое настала пора давить либо травить, и главная ее проблема – решить, какую из этих сторон альтернативы предпочесть.

– Твоя база в Энске захвачена. Твои силы в окружении. Сдавайся, Вейру. Тебя мы, конечно, расстреляем, дабы обезопасить Вселенную от твоего возвращения на военную арену. Но ты сохранишь жизни своим солдатам. Я не так глупа, как покойный Затонский, чтобы бездарно убивать пленных, когда есть возможность использовать их более рационально. Нам не хватает рабочей силы для астероидов и кое-каких периферийных планет. Никто из свободных граждан, понимаешь ли, не хочет работать в таких условиях. Ну что, Вейру?

Он скривился, поглаживая желудок.

– Съешь дерьма, Натали. У меня достаточно сил, чтобы сохранить наши жизни для лучших судеб, чем каторга на ваших дерьмовых астероидах. Сдавайся сама. Я тебя даже не расстреляю. Мои ребята тебя в эротических снах давно ви-

дят.

Натали жестко рассмеялась.

– Приятно слышать, что я все еще котируюсь не только за свои стратегические таланты. Но откуда такая уверенность, Вейру? Ты у меня вот где, – она сжала кулак и поводила им перед экраном.

– Все города, которые были в моих руках, заминированы. Достаточно мне нажать маленькую кнопку на пульте...

– Страшно, аж жуть. Ну, давай сыграем размен. Либо ты забываешь про свою кнопку добровольно и сдаешься, либо мы сбрасываем тебе на голову атомную бомбу.

– Сбросишь атомную бомбу на свою деревню?

– У нас на Земле деревень больше, чем у тебя на голове волос осталось. Одной больше, одной меньше...

– А как же мирные жители?

– Лес рубят – щепки летят, – тон у Натали был безжалостным.

Вейру незаметно отер пот со лба. Стратегия Ирру – не воевать с мирными жителями – разбивалась о стратегию Союза Метagalактики.

– Соображаешь ты туговато, Вейру, поэтому я дам тебе три дня на размышление. Безоговорочная капитуляция либо ядерный заряд. В последнем случае живым не уйдет никто.

– Вот как? – Вейру показал напоследок оскал хищника. – Смотри-ка, кто у меня здесь! – он выдернул Варю из-за спин столпившихся у экрана, нарочито грубо толкнул к передаю-

щей изображение камере. – Кажется, это твоя добрая знакомая, а?

Натали посмотрела на Варю и, конечно, узнала. Окинула оценивающим взглядом растрепанные с утра волосы, большой живот, прикрытый теплым халатом. Но не поколебалась ни на миг. Лишь грустно кивнула на прощание:

– Извини, Кукла Барби. Три дня, – и отключилась.

– Дерьмо и моча! – неверяще взревел Вейру.

Варе тоже не верилось. Ей раньше казалось, что у нее с Натали теплые отношения. Ну, может, их и нельзя было назвать подругами: сказывалась разница в возрасте, Волкова старше Вейру, и ее близкие подруги – ровесницы. Но Натали всегда была рада с ней увидеться и поболтать, пеняла Роману по телефону, что он редко берет на встречи жену, радовалась за нее, когда она родила Ирочку. Варя не ожидала от Натали, что та, не моргнув глазом, оставит былую приятельницу в эпицентре планируемого взрыва и даже не попытается поторговаться за ее жизнь.

Видимо, теперь, без Романа, ее жизнь слишком мало стоила в глазах генерала Волковой.

– Собирайся, – тяжело сказал Вейру. Язва, судя по бледности и проступившему поту, причиняла ему мучения. – И собирай ребенка. Ты выходишь из игры. Дайне пойдет с вами.

– Куда мы пойдём? – потерянно спросила Варя. – Вейру, я не уйду от тебя.

– Не глупи. Через три дня здесь будет ад. Я не желаю сдаваться. Мы пойдем на прорыв. Нам придется оставить раненых и слабых, потому что иначе наши шансы равны нулю.

– Вейру, я без тебя пропаду! Ты же знаешь, особая служба...

– Мы в окружении войск СМ. Все дерьмушники на девяносто девять километров вокруг развешаны по столбам. Вы с Дайне сможете незаметно выбраться из окружения, а дальше... Ты – вдова генерала, пострадавшая от иррийцев. Тебе помогут, еще и пенсию назначат. Уходи, если хочешь жить.

– Но я...

– Не спорь, Варешка. Хоть ты со мной не спорь.

Ирочка ревела, прижимая к груди потрепанного Пучеглазика.

– Мама, ты же обещала! Ты обещала, что мы больше никогда не пойдем в лес! Папа-а!

У черного хода Варю перехватила Надя. Она держала за руки детей, в лице ни кровинки. Мальчик был не по-детски серьезен, девчушки-близнецы плакали.

– Сэке Барби, возьмите их с собой! Я знаю, что вы уходите, я подслушивала, – отчаянно призналась она. – Мы все здесь умрем.

– Надя, я не знаю, как сама-то выберусь, – неловко ответила Варя. – Куда мне еще с детьми?

– Пожалуйста, – Надя опустилась на колени. – Пожалуйста, спасите моих детей! Двоюродный брат моего мужа –

начальник Энского космопорта. Он возьмет их и заплатит вам... Я не прошу за себя. Но хотя бы деток...

За спиной у Дайне был тяжелый рюкзак, из которого торчали плюшевые заячьи уши. Автомат, квантор, нож, скатка с одеялами. Он посмотрел на детский сад, жмущийся к ногам Вари, и ничего не сказал. Только взял Ирочку на руки, а одну из близняшек Нади забросил на рюкзак.

Теперь они шли сквозь февральскую метель по колено в снегу. Дайне прокладывал дорогу. Варя пряталась от колючего ветра за его спиной. Вначале она думала о Вейру, о том, как все это несправедливо, как ей не хотелось его покидать, но он и слушать не желал... Теперь она уже ни о чем не думала, механически переставляя замерзшие ноги. Тяжелый живот мешал ходьбе, неудобно смещая центр тяжести, а на руках была вторая девочка Нади. Сзади Нора тащила за шарфик спотыкающегося пацана.

– Не волнуйтесь, сэке Барби. Все будет путем, – подбадривал ее Дайне. – Лишь бы метель подольше не стихла.

Видимость была никакой. Ледяная крупка, вихрящаяся в воздухе, застила зрение и заметала их следы. Они имели реальный шанс проскочить. Только бы не заблудиться, не упасть без сил, не замерзнуть насмерть...

Они шли весь день, с трудом находя дорогу среди снежных наносов, проваливаясь по пояс. Останавливаться Дайне не разрешал. У Вари заледенело лицо и руки. Пацан Нади все чаще падал, Нора тихо рычала, дергая его пастью за ру-

кав куртки, заставляя встать. Ближе к вечеру у Вари подогнулись ноги, она рухнула в снег и застонала:

– Я больше не могу!

Дайне вздохнул. Развести костер он не осмелился, но нагреб снега, чтобы укрыться от злого ветра, достал термос с не остывшим еще сладким чаем. В снежном укрытии они переждали ночь, то и дело просыпаясь от холода. Снова двинулись в путь затемно, завтракали сухарями на ходу.

Метель не унималась. Девочка Нади стала кашлять и пускать сопли. К ночи за ними увязались волки. Они тащились в некотором отдалении от маленькой колонны, поблескивая голодными глазами и словно выбирая кусочек понежнее. Волки отстали, когда они наткнулись на глухую деревушку.

Пустить незнакомцев в дом среди ночи согласились только под прицелом квантора. Косясь на дуло, хозяйка собрала на стол какие-то сморщенные коренья, водянистую сероватую кашку из вырытой из-под снега увядшей травы. Дайне скривился и выставил на стол банку тушенки. Вот тут хозяйка сделалась приветливее. Она согрела воды для мытья, достала самогон в пластиковой бутылке, постелила Варе постель, а детишек уложила рядом на полу, на накрытом чистенькой тряпкой матрасе. Девочка кашляла и задыхалась, ее колотило в ознобе, несмотря на теплое одеяло.

– Не доведем, – сказал Дайне Варе, покачав головой.

Хозяйка еще спала, когда они ушли, оставив в благодарность за ночлег еще одну банку тушенки.

Волки выли и присматривались к девочке. Нора свирепо огрызалась.

В середине дня в покинутой жителями деревеньке они напоролась на мародеров. Компания из единственного мужчины с бабой и четырьмя детьми на шее показалась трем заросшим бородами отморозкам легкой мишенью для грабежа. Все трое остались в той деревне навсегда. Варя перевязывала Дайне раненое плечо, и подбородок у нее дрожал. Ирочка собирала в рюкзак припасы, которые больше не понадобятся мертвецам.

Когда они остановились на краткий ночлег, Дайне показал Варю карту, посветив фонариком.

– Вот Энск, сэке Барби. А мы – здесь, – между двумя точками пролегалo отнюдь не обнадеживающее расстояние. – Смотрите, как лучше идти...

– Дайне, я мало что в этом понимаю, – жалобно произнесла она; глаза у нее слипались. – Ты веди, а мы пойдем за тобой.

– Барбиэ... Настанет день, когда я не смогу больше вести вас. Эту территорию иррийцы теперь не контролируют.

До Вари вдруг дошло, что он хотел сказать. Десятки и сотни километров по местности, где любого иррийца считают смертельным врагом. В ее интересах – выйти к какому-нибудь крупному гарнизону сил СМ, представиться офицеру, знающему, кто такой Роман Затонский... А что будет с Дайне?

– Спасибо, Дайниэ, – выговорила она сквозь набежавшие слезы и, неожиданно для себя самой, потянулась к нему, поцеловала в губы. Что еще она могла для него сделать?

Минули третьи сутки, и мир раскололся. Земля под ногами дрогнула, а позади разлилось зарево на все небо.

– Не смотри, – сказал Дайне.

Она все равно обернулась. Горизонт пылал. Генерал Волкова всегда выполняла свои обещания. В нечестности ее даже враги не обвиняли.

Вейру!

Комок подкатил к горлу. Господи, ну за что? Почему именно тогда, когда она успела его полюбить?

Дайне взял ее за руку, заставил сдвинуться с места.

Волки вконец обнаглели. Стая шла по пятам. Дайне отстреливался. Потеряв одного из членов стаи, волки на время отставали. Потом нагоняли снова. Метель унялась, и за ними оставался четкий след. Это беспокоило Дайне.

– Почему? – спросила Варя. – Мы ведь вышли за кольцо войск.

Дайне покачал головой.

– Любая тварь, у которой найдется нож, будет охотиться за нами хотя бы ради рюкзака. Нам лучше не попадаться людям на глаза.

Все же они остановились в знакомом селе – там, где Варя впервые встретилась с Вейру. Бабулька Нина Петровна всплеснула руками:

– Господи помилуй! Девонька! Ну, и где он, твой хваленый муж, за которым ты как за каменной стеной? Бросил на произвол судьбы, как удача задом к нему повернулась?

– Не надо, – пробормотала Варя. Дайне усадил ее у печки, и она оттаивала, пальцы на руках и ногах кололо, и вообще она чувствовала себя нехорошо. – Он хотел, как лучше для меня.

Дайне, устало плюхнувшись на лавку, разматывал кровавые тряпки на плече. Глаза его нездорово блестели. Бабка хмуро пощупала ему лоб, пожевала губами и полезла за связками сушеной травы, что висели под потолком.

– Сейчас заварим от лихорадки, – она плеснула из чайника. – И для девочки что-нибудь сообразим...

В сенях раздался шум, в дверь требовательно застучали. Бабка чертыхнулась под нос. С улицы ввалилась толпа односельчанок. Женщины в платках и ватниках, с вилами, ножами, кочергами, злые на весь мир, а в особенности на иррийцев.

– У тебя, Петровна, ирок видели, верно? Сейчас-ка мы их на вилы, нехристей!

Варя завизжала, прижимая к себе Ирочку.

– Постыдитесь, дуры, это ж беременная баба! – Нина Петровна попыталась урезонить их.

– Подстилка иррийского командира с его ублюдкой! – сплюнула заводила, высокая тетка с серпом, сделав шаг к Варя. – Как только таких земля носит? Смерть предательни-

це! – она замахнулась.

Дайне выхватил квантор, заслоня Варю. Бабы завопили – но не напуганно, а озлобленно. Задние напирали, и толпа двинулась на него. В него полетела кочерга, он увернулся, и в этот момент одна из передних достала его вилами.

– Дерьмо и моча! – он открыл огонь.

Передние падали, а задние швыряли в них ножами, сковородками, чугунными прутами. Дети верещали от ужаса, Варя склонилась над ними, пытаясь закрыть их от этой безумной драки. Кирпич просвистел над головами и ударил в затылок вторую двойняшку Нади. Девчушка ткнулась лицом в плечо сестры и обмякла, по спутанным волосам потекла алая кровь.

– Уходим, – хрипло выдохнул Дайне, отбрасывая бесполезный квантор с севшей батареей. – Быстрей, Барбиэ. Пока не набежала вторая волна.

Село бурлило, как разворошенное осиное гнездо. Кто-то стонал, валяясь у крыльца и зажимая рану, кто-то бежал за подмогой, хлопали двери, звенел металл. Варя схватила рюкзак, помогла окровавленному Дайне надеть куртку. Мальчик ревел, утирая сопли рукавом, девочка надсадно кашляла. Ирочка, перепуганно оглядываясь на мертвую малышку, потащила их за руки к выходу. Чтобы выйти, им пришлось перешагивать через трупы.

– Вон они! – заорал кто-то.

– Бегом, – сквозь зубы распорядился Дайне.

Варя побежала к лесу, неуклюже переваливаясь, таща за собой Ирочку и подвывающего пацана. Нора, волоча по снегу за шиворот больную девочку, вырвалась вперед. Дайне замыкал, то и дело поторапливая, умоляя прибавить шаг, хотя сам припадал на одну ногу и оставлял за собой след из кровавых капель. Сзади орали, улюлюкали. Сердце у Вари заходилось.

Днем они бы не ушли. Их спасением стала безлунная ночь. Они затерялись среди густых елей, а следы на снегу в темноте было не разобрать. Они не останавливались до самого утра, хотя Варе не хватало воздуха, а живот сдавила мерзкая боль. Не доношу, подумала она почти безразлично. На эмоции сил не осталось.

Они шли, пока Дайне не упал. Варя по инерции прошла еще несколько шагов и испуганно обернулась, не слыша его тяжелого дыхания за спиной. Она подползла, осторожно перетасила его на раскатанное на снегу одеяло, пачкая шерсть кровью. Под курткой Дайне был весь липкий, а конечности – холодные, еще холоднее, чем ее замерзшие пальцы. Он потерял слишком много крови, не имея времени перевязать раны. Варя закопалась в рюкзаке в поисках бинтов, стянула ему бедро, наложила марлю и пластырь на вспоротую щеку, но не знала, что делать с многочисленными порезами на груди. Бинты кончились. Она туго обернула его в кусок одеяла, сколола своей булавкой. Легла рядом, прижавшись, чтобы хоть как-то согреть тело, которому не хватало крови. Нора, умная

бестия, заставила детей лечь с другой стороны, и сама свернулась в ногах.

Утром они недосчитались девочки Нади. За кустами возились волки, и Варю чуть не стошнило. Она пересилила себя и с трудом помогла Дайне подняться. Он шел, пошатываясь.

На лесной опушке их ждали. Мстительные селяне натравили на беглецов патруль. Несколько солдат в форме Союза Метagalактики наставили на них оружие:

– Стоять!

Варя схватилась за плечо Дайне. Почему-то земные солдаты ее пугали. Нора, поджав хвост, прижалась к ее ногам.

– Иди к ним, – шепнул Дайне. – Скажи, что тебя взяли в плен. Силой заставили подчиняться. Ну, давай!

– А ты?

– Я уже умираю. Давай, Барбиэ. Спасибо за тот поцелуй.

Он повернулся к солдатам и обреченно поднял руки.

– Ага, – удовлетворенно кивнул молодой лейтенант. – Как и говорили. Иррийская шлюха и ее прихвостень.

– Я не шлюха! – возмутилась Варя. – Я... Я Варвара Затонская, жена генерала, Романа Затонского.

– Ну-ну. Жена генерала Затонского шляется с иррийским десантником.

– Я ее конвоировал, – буркнул Дайне.

– Молчи, ирка! – один из солдат расчетливо пнул его в больное бедро.

– Я была в плену, – проговорила Варя голосом, дрожащим

и от жалости к Дайне, и от страха, что ей не поверят. – Но вообще-то они со мной хорошо обращались, – она хотела бы выгородить его.

– Пытали всего раз в неделю, – мрачно сообщил Дайне. – И насиловали не чаще двух раз в день. Кормили регулярно, правда, обедами. А еще гипнозу подвергли, чтоб она не могла против Ирру ни слова сказать. Видите? Хочет, а не может.

До нее дошло, что он-то как раз ее выгораживает. Пытается вызвать сочувствие к ней.

– А это что за щенки? – лейтенант выцепил взглядом Ирочку и пацана.

– Это м-мои дети, – выдавила Варя.

– Да ну? – он зло усмехнулся. – У генерала Затонского только одна дочь.

Варя побледнела.

– Вы не так поняли...

– Берем ее с малолетками с собой, – приказал лейтенант. – Там разберемся. А этого – пристрелить.

– Нет! – невольно вырвалось у Вари.

Дайне подмигнул и ухмыльнулся:

– Жаль, я не успел сегодня тебя изнасиловать. Ни разу...

В него всадили одновременно пять пуль. Никто не остался равнодушным.

Двое солдат шагнули к Варе. Нора оскалилась и прыгнула. Ей досталась шестая пуля.

Варя осталась без единого защитника.

Комендатура в райцентре была разрушена во время иррийской оккупации. Тюрьма – тоже. Варю с детьми поселили в гостиничном номере. Правда, приставили охрану: постоянно при ней находился один солдат. Охрана сменялась через день.

Каждый день ее приходили допрашивать. Придирались к каким-то неувязочкам в ее словах, требовали с тщательно скрываемым предвкушением рассказать подробно, как ее пытали, и она лихорадочно придумывала и запоминала, чтобы потом, не дай бог, не перепутать, растягивали ее на дыбе до или после того, как загоняли иголки под ногти. Однажды она не выдержала и спросила:

– Почему бы вам просто не вызвать кого-нибудь, кто может подтвердить мою личность?

– Делать больше нечего – отрывать важных людей от важных дел ради какой-то сомнительной дамочки, – был ответ. – Расскажите-ка еще раз про тот случай, как вас облили водой и вывели голой на мороз.

Обращались с ней ровно, детей не обижали, но Варя вся извелась. Помочь ей никто не хотел, судьба женщины была явно безразлична начальству. Охранники, ходившие за ней и в душ, и в туалет и зорко бдившие, невыносимо раздражали. Это было для нее, пожалуй, худшей пыткой, чем те, что она выдумывала. Особенно когда они пытались заговаривать с ней.

– Ну, куколка, расскажи еще разок, как тебя насильовали.

Варя лепетала что-то, краснея. Их это веселило. Невинное развлечение, вкусная приправа к скучной службе. Для Вари это стало последней каплей.

Как-то в сердцах она бросила через плечо:

– А может, еще показать?

– Почему бы нет? – расплылся парень. – Покажи, коли не шутишь.

Варя окаменела. Будущее охранника в этот момент было решено. Она повернулась, как неживая, приблизилась, встала на колени и принялась нежно расстегивать ему брюки. Охранник довольно расслабился и ничего не заподозрил, пока ласковая ручка не нащупала пояс с оружием и аккуратно не вытащила из кобуры револьвер.

Наверное, он даже не услышал выстрела в упор, разворотившего ему сердце.

Варя пришла в себя уже в поезде. Дети были с ней, в кармане – билеты, купленные на деньги из бумажника незадачливого любителя пошалить, в хозяйственной сумке – украденное из гостиницы одеяло, мыло и сахар. Поезд шел до Энска. Под ухом сипело радио:

– На этом мы заканчиваем передачу «Солдатское письмо». А теперь послушайте новости. Переговоры с десантниками Вейру Велда, захватившими Энский роддом и требующими свободного прохода к своим кораблям, блокированным на космодроме Энска, зашли в тупик. Командова-

ние СМ не настроено уступать иррийским захватчикам. Вейру Велд, в свою очередь, цинично заявил, что каждый час промедления будет стоить жителям Энска жизни одного новорожденного младенца. Родственники женщин, пребывающих в роддоме, стоят в пикете напротив Энской комендатуры с плакатами протеста...

Вейру, встрепенулась Варя. Господи, он жив! Они не погибли в атомном пламени, сумели прорваться, почти добрались до кораблей... Почти. Насколько она теперь понимала, Натали Волкова скорее сама взорвет роддом вместе со всеми младенцами, роженицами, лежащими на сохранении беременными, врачами и акушерками, чем позволит Вейру Велду выскользнуть между ее стальных пальцев.

Но сейчас она не могла думать о посторонних роженицах. Вейру жив. Ее муж жив.

Она поймала такси до космопорта. По дороге таксист с волнением слушал новости.

– Несколько минут назад Вейру Велд заявил, что если через час ему не передадут блокирующие коды кораблей, он прикажет отключить аппаратуру боксов недоношенных, а женщин, лежащих на сохранении, отдаст для развлечения своим бойцам. Мужья и отцы несчастных штурмуют комендатуру, но ответа пока нет...

На прием к начальнику космопорта нужно было стоять в очереди. Мужчина с папкой, стоящий первым, предупредил, что начальник прекратил прием два часа назад, потому что

занят срочными делами. Но Варя пошла напролом:

– Пропустите беременную женщину!

Начальник раздраженно обернулся от пульта:

– В чем дело? Я же приказал никого не...

– Это ребенок вашего двоюродного брата.

– И что? Что мне с ним делать? – он нервно дернул плечом и снова повернулся к пульту. – Пост 4, режим повышенной готовности...

Не такой встречи ждала Варя.

– Да что хотите! – закричала она. – Это ваша родня, а не моя! Я его вытащила из-под ядерного удара, а теперь заботьтесь о нем сами! Могли бы и мне помочь, между прочим!

– Не вижу, чем бы мог помочь, – отмахнулся он, не оборачиваясь. – Ладно, оставьте девчонку здесь. Внимание посту 4, меняем коды блокировки...

– Это не девочка, а мальчик!

– Ой, да какая разница? Пост 4, ввожу первый код на следующий час, иррийский корабль «Ван Самму»...

Варя тупо уставилась на клавиатуру. Надин малыш потерянно стоял рядом. Начальник космопорта не обращал на них ни малейшего внимания.

– Второй код, корабль «Байзану Аринар»...

Варя не сразу сообразила, что означают эти запутанные шифры. И тут ее словно током ударило. Она решительно толкнула мальчика к начальнику, дернула за руку Ирочку и, выбежав вон, понеслась со всех ног на улицу.

– Такси! В роддом, срочно!

– Да вы что? – шарахнулся водитель. – Вы вообще представляете, что там творится? Только что передали, что этот поганый вампир Вейру Велд начал расстреливать мамочек.

– Мне очень надо, – она вдруг непритворно охнула и схватилась за живот. – Очень, понимаете?

Подъезды к роддому простреливались. Водитель едва успел затормозить, когда пули пропахали асфальт прямо перед колесами. Варя вылезла, вытащила Ирочку, и они побежали к входу. Варя надеялась, что бойцы Вейру еще помнят ее и не станут стрелять.

Вопреки панике, поднятой средствами массовой информации, в роддоме все было в порядке. Пищали новорожденные, ходили в халатах мамочки, ничуть не боясь торчащих тут и там иррийцев. У входа Варю встретила пожилая акушерка, окинула взглядом, деловито распорядилась:

– Так, быстро в родблок.

– Нет! – воспротивилась Варя. – Мне нужен Вейру Велд.

– Детка, тебе уже на кресло нужно. А Вейру Велд никуда не денется. Мальчики, – кивнула она Петеру и Тонне, играющим в косточки на банкетке под искусственной пальмой, – помогите ее довести.

– Мне срочно нужно! Каждая минута на счету!

Тонне, вставая, проговорил в передатчик:

– Передайте командиру: здесь его жена со срочным сообщением.

Вейру ворвался в святая святых, вынеся дверь родблока из петель:

– Варезка!

– Вейру, у тебя всего час, – простонала она. – Нет, уже сорок пять минут... 67ЩПР4+ERT, 2ЖЪЪDS((72, QWW4800AЭ%...

Глаза у него вспыхнули. Он не стал задавать лишних вопросов, только распорядился:

– Немедленно приготовиться к прорыву. Главврача ко мне!

Привели женщину средних лет в белом халате.

– Вы уходите, сэки Вейру? – поняла она.

– Раненых и больных мы оставляем вам. Позаботьтесь о них, как сможете.

– Если бы это зависело от нас, сэки Вейру, – главврач грустно покачала головой. – Когда вы уйдете, тут знаете что начнется? Бардак, вот что. Сначала очумевшие папаши порвут на клочки всех, до кого дотянутся, потом войска явятся, и поди объясни им, что здесь роддом, а не линия фронта. Все разнесут со злости, что не могли вас выкурить, а где потом деньги выбить на ремонт?

Вейру бросил, не оборачиваясь:

– Раки, где у нас валюта СМ? Все равно теперь без надобности.

Раки Велд принес чемоданчик, полный купюр. Докторша благоговейно приняла его.

– Спасибо, сэки Вейру. Мы, конечно, сделаем для ваших раненых все, что в наших силах. Если понадобится, спрячем, замаскируем... Все-таки зря вы сказали репортерам, будто отключили недоношенных.

– Может быть, кто-то из ваших врачей захочет поехать с нами? – предложил Вейру. – Мы сейчас остались без медиков, недоучившаяся фельдшерица не в счет. В иррийской армии неплохо платят.

– Звучит заманчиво, сэки Вейру, но зачем вам гинекологи и педиатры? Мы мало что понимаем во фронтовой медицине.

Варя застонала. Вейру кинул взгляд на часы. Тридцать минут до смены кода.

– Ну, Варешка, прощай. Спасибо тебе, любимая, и...

Варя вцепилась в его предплечье:

– Возьми меня с собой!

– Да ты в своем уме? Мы идем сражаться и не можем ждать ни секунды, а у тебя роды. Оставайся, здесь хорошие врачи.

– Не бросай меня, Вейриэ! – Будущего без него у нее нет, и все тут. – Пожалуйста, не бросай!

– Ну, не глупи.

Варя приподнялась с кресла:

– Не глупее тебя, Вейриэ. Я сказала только первые десять знаков кода. А их – одиннадцать. Бери меня с собой, как положено честному мужу, или подбирай последний знак вруч-

ную, стоя под огнем и теряя драгоценное время!

Они ворвались на площадку космодрома, сломав ограждение бампером джипа, угнанного от ворот роддома. Вейру схватил Варю в охапку, зашвырнул Ирочку на плечо, кинулся к ближайшему кораблю.

– Это «Байзану Аринар», Варешка. Какой код?

– Да тот, что я тебе сказала, – с облегчением рассмеялась она. – Никакого одиннадцатого знака нет.

– Сумасшедшая, – выдохнул он и стал нажимать клавиши.

– Вейру, – попросила она, глядя на десантников, растянувшихся на бегу к кораблям, – обещаю тебе, что никогда-никогда больше меня не бросишь.

Иррийцев было мало. Те, кто вырвались из окружения, кто не остался в роддоме зализывать раны, кто не был убит по дороге, не отстал... Очень мало. Варя не видела ни Элену Мина, ни Трина Велда.

– Не брошу, – сказал Вейру. – Поднимайся в корабль и пристегивайся, пока не родила прямо на бетонные плиты.

Иррийцы поспешно грузились под шквальным огнем, отстреливаясь, падая. Минуты текли неумолимо. Пять, уже четыре минуты до смены кодов...

– Мы не можем больше ждать, – глухо сказал Вейру.

Хеддо, бежавшая по полосе с огромной пушкой на плече, словно услышала его. Бросила взгляд на электронные часы на башне космопорта и поняла, что не успевает. И те, кто сзади – тоже. Она развернулась и, подняв руку, закричала

отстающим, стараясь перекрыть топот сапог, чужие голоса и грохот разрывов:

– Слушай мою команду!

– Что она делает? – спросила Варя.

Внизу полыхнуло зеленое стартовое пламя фотонных двигателей.

– Организует прикрытие, – в голосе Вейру была тщательно скрываемая боль. – Отдает приказ сравнять с землей ракетами взлетную площадку и технический комплекс, чтобы исключить возможность погони.

Перегрузка вдавила тела в кресла.

– Она выкрутится, – сказал Вейру. – Она просто не может не выкрутиться. Она отличный офицер и хитрая змея.

Закричал ребенок. Крошечный мокрый мальчонка с черными кудрями Романа. Или Вейру Велда, как скажут его солдаты.